

НФ

ISSN 0132-6783

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 33

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 33

ИЗДАТЕЛЬСТВО · ЗНАНИЕ
МОСКВА 1990

ББК 84
С 23

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Э. А. Араб-оглы
И. В. Бестужев-Лада
Е. Л. Войсунский
Вл. Гаков
Г. М. Гречко
В. П. Демьянов
М. Б. Новиков
Е. И. Парнов

Сборник научной фантастики. — Вып. 33/Сост. Н. М. Баркова. —
М.: Знание, 1990. — 224 с.
1 р.

С 23

200 000 экз.

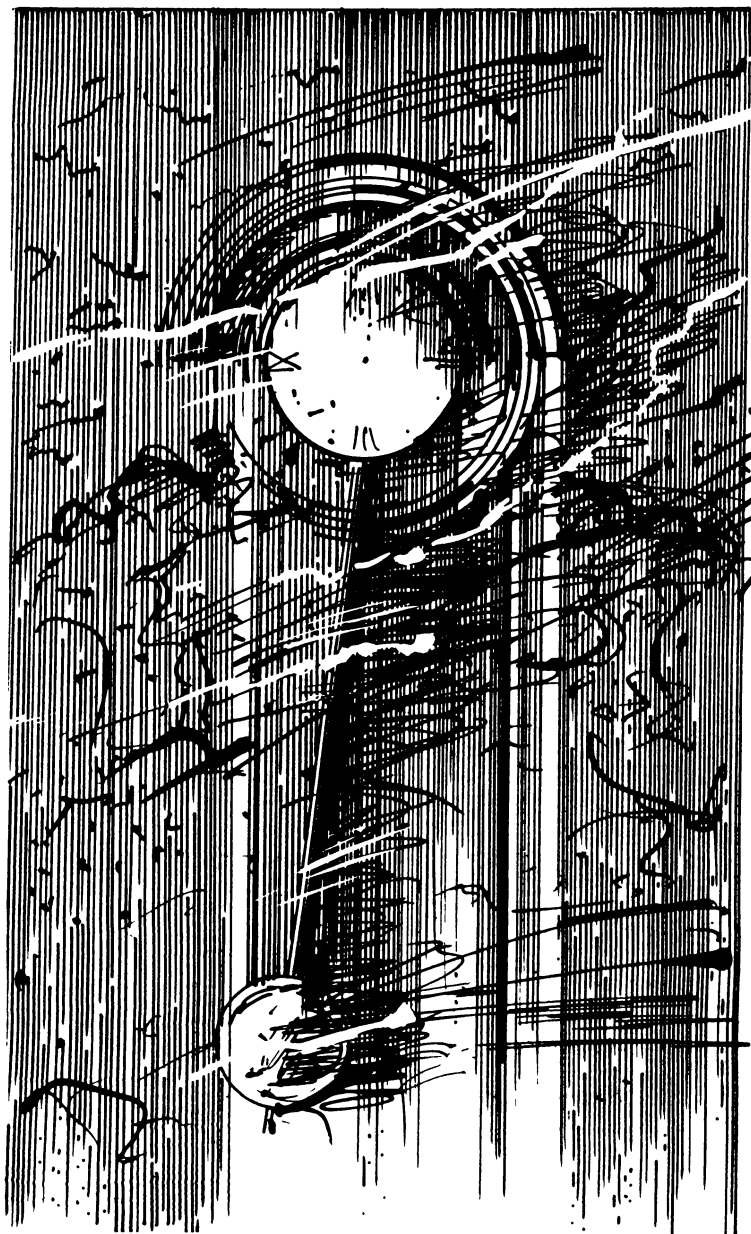
В очередном выпуске сборника научной фантастики представлены произведения советских фантастов Кира Булычева, О. Ларионовой, М. Емцева, Р. Подольного, Э. Геворкяна, Л. Кокина, рассказы зарубежных писателей Р. Шекли и К. Саймака, а также критическая статья Вс. Ревича.

4700000000 — 083
С ————— 53 — 89
073 [02] — 90

ББК 84

© Издательство «Знание», 1990 г.

Предисловие

Легко ли жить в будущем? Еще не так давно вопрос этот казался бы наивным. Разве для того мы строим будущее, чтобы жить в нем было нелегко? Будущее должно быть простым, ясным и счастливым, это казалось очевидным почти каждому.

Лет шестьдесят — семьдесят назад так думали наши предшественники и старшие современники. Однако, реализовавшись, будущее оказалось вовсе не столь однозначным. И не только из-за ошибок и нарушений, но и потому, что многократно усложнились отношения человека с природой, в которой он существует, частью которой является, и с другой природой, им самим созданной, отношения личности с обществом и одной социальной группы — со всеми остальными: национальные, профессиональные, возрастные, правовые, имущественные, да мало ли...

Будущее, как и настоящее, будет состоять из проблем. Предсказуемых и непредсказуемых. Больших и малых. Причем, как ни странно, малые проблемы окажутся важнее для каждого человека в отдельности, но ведь из отдельных людей и состоит человечество. Важнее не потому, что масштабнее, конечно, нет, но потому, что большие проблемы решаются множеством людей сразу, а то и всем человечеством, как сегодня — проблемы войны и мира или экологическая проблема; малые же проблемы порой приходится решать в одиночку, хотя для отдельного человека именно они часто оказываются определяющими.

Фантастика этого сборника посвящена почти исключительно таким вот малым проблемам, от которых может зависеть очень многое, — и не только для людей, их решающих или пытающихся решить. Я имею в виду прежде всего произведения современных советских фантастов, составляющие основную часть книги.

Внимание и уважение вызывает уже перечень авторов: Кир Булычев, Эдуард Геворкян, Михаил Емцев, Ольга Ларионова, Роман Подольный, Лев Кокин. Имена эти гарантируют не только высокий литературный уровень, они обещают и серьезный анализ нестандартных важных проблем, и проникновение в психологию своих персонажей — ту самую психологичность, которую иногда считают как бы необязательной для фантастики, но без которой настоящей литературы быть не может.

И содержание сборника не обманывает ожиданий.

Прежде всего обращает на себя внимание его, так сказать, широта охвата — полоса частот, как говорят связисты. И по измерениям пространства, и по измерению времени. Действие происходит на Земле, в космосе относительно (по меркам будущего) близком: на расстоянии светового года от нашей планеты, и в космосе отдаленном,

на расстоянии, в сто раз большем. В звездолете, на космической станции, в нашем сегодняшнем городе Владимире...

Действие происходит в будущем (вряд ли можно определить точнее, независимо от того, дает автор какую-то датировку или нет, не говоря уже о том, что будущее в фантастике весьма условно, я уверен еще и в том, что все, что мы сегодня можем вообразить и что в принципе достижимо, будет выполнено в ближайшие двести — триста лет, если даже, по нашим предположениям, для этого понадобится десять или сто тысяч лет; воображение так прочно связано с его исходными точками — реальными фактами, что заглянуть дальше, чем за эти три сотни лет, мы просто не в состоянии) и действие происходит в сегодняшнем дне со всеми его реалиями.

Казалось бы, при таком разбросе неизбежна определенная пестрота, лоскутность сборника по принципу: кто в лес, кто по дрова. На самом деле этого не происходит; сборник, напротив, производит впечатление едва ли не тематического. И в этом, безусловно, удача составителя.

Почему так получилось? Думаю, тому есть несколько причин. Самое малое — две.

Первая заключается в том, что где бы ни происходили события — в звездолете ли Кира Булычева, на станции ли Ольги Ларионовой, герои произведений, их проблемы, их мысли и чувства самым тесным образом связаны с Землей, где находятся и главные пружины их действий и стремлений. И связь эта не умозрительна, но совершенно реальна, так что даже звездоплыватели в повести К. Булычева «Тринадцать лет пути», находясь в ста световых годах от планеты, никоим образом не являются оторванными от нее, не более чем персонажи повести М. Емцева «Светлая смерть во Владимире», что едут из Москвы во Владимир в экскурсионном автобусе. Так что при кажущемся разбросе мест действия на самом деле в сборнике существует их единство: все действия так или иначе приведены к нашей планете.

И вторая: во всех произведениях, о которых идет речь, действует, по сути дела, один герой: человек сегодняшний, не сконструированный, но реально существующий. Сегодняшний — независимо от времени, к которому авторы относят описанные ими события.

Об этом хочется сказать несколько подробнее, потому что это обстоятельство представляется мне важным.

Дело в том, что если современный человек в качестве героя совершенно уместен в названной выше повести Емцева и в рассказе Подольного «Сообщающийся Сосуд», поскольку действие этих произведений разворачивается именно на Земле, да еще в наши дни, так что никто другой в них появиться просто не может, то относительно остальных вещей могут возникнуть сомнения.

Иногда приходится слышать упреки, что автор имярек плохо

(или неверно) представляет себе человека будущего. Иными словами, выдумал его не таким, каким следовало бы.

Я думаю, что выдумывать его не надо. Достаточно лишь внимательно смотреть вокруг. Потому что он в общем будет похож на нас с вами — как и мы похожи на людей, живших тысячу и три, и пять тысяч лет назад. За это время с нами не произошло не только биологических, но и сколько-нибудь заметных психологических изменений. Да, мы стали куда информированнее, разработали и усвоили некоторые (не всегда верные) представления о своем месте в мире и обществе. Несколько изменились к лучшему наша мораль и этика. А основа осталась все той же — противоречивой, вечно колеблющейся в неустойчивом равновесии личного и общественного, своего и все-ленского. Психика не материальна, но весьма инертна и обладает громадной массой покоя. Это — к счастью: выведенная из равновесия социальными катаклизмами вроде мировых войн, она возвращается к норме, обеспечивая устойчивость человечества в целом.

И мне кажется, что авторы сборника, который вам предстоит прочитать, стоят на такой же позиции. Потому что и Павел и Гражина в повести Булычева, и Анохин, Кира, Гейр в повести «Перун» Ольги Ларионовой, и Эннеси, Апоян, Матиас — герои повести Геворкяна «Чем вымощена дорога в рай» по своему мировоззрению, мотивации поступков, реакциям на окружающее и совершающееся столь же современны нам, как Игорь Исаевич и Вера из повести Емцева или персонажи рассказа Подольного. Это и объединяет, мне кажется, все произведения сборника: психологизм, стремление авторов анализировать движения психики обычных, понятных нам людей, но поставленных в необычные обстоятельства. То есть мы как бы примеряем на себя проблемы, которые могут возникнуть в некотором будущем. Примеряем на себя, потому что больше и не на кого.

Необычные обстоятельства возникают и в наши дни на каждом шагу; чтобы встретиться с ними, совсем не обязательно выходить в космос. Как раз поэтому произведения Емцева и Подольного включены в сборник на равных правах с повестями Булычева, Геворкяна, Ларионовой, Кокина. Эти два произведения можно и не относить к фантастике. Но ведь будущее начинается в каждый данный момент, необычное берет истоки в самом привычном. И в пределах сборника люди от решения проблем совершенно реальных плавно переходят к другой проблематике — завтрашней. Как бы понемногу обживают будущее.

Но вот тут-то и заключается, пожалуй, самое важное. Дело ведь в конце концов не в проблемах. Они в таком виде, как показаны в сборнике, может быть, вообще никогда не возникнут. Главное — не проблемы, но подход к их решению. Именно в этом направлении в произведениях сборника проведен определенный рубеж, своего рода водораздел.

В самом деле, случайно ли, что герои произведений о современности сосредоточены прежде всего на самих себе и у Емцева, и у Подольного. В повестях же о будущем подход героев к решению проблем совсем иной: они стремятся решить их пусть даже в ущерб себе, но для блага других. Этот психологический поворот, если он не просто провозглашается, но и осуществляется на деле, будет, пожалуй, самым важным, что могут совершить люди в обозримом будущем и без чего общество будущего ничем не станет отличаться от сегодняшнего.

Мы ведь знаем, что облик этого будущего зависит, помимо всего прочего, и от того, каким мы представляем его сегодня и насколько будем готовы к его восприятию завтра. В постепенной и разносторонней подготовке человеческого сознания к неизбежному переносу центра тяжести интересов каждого отдельного человека, в выработке определенной психологической привычки и заключается, я думаю, одна из главных — если не самая главная — задач фантастики в социальном плане.

А поэтому кажется совершенно естественным, что и Кир Булычев, и Эдуард Геворкян, и Ольга Ларионова стараются создать представление о существенных чертах будущего не путем отрицания нежелательных тенденций, не через антиутопию, но при помощи поисков и развития тенденций положительных, прежде всего в самом человеке, независимо от того, касается ли дело одной личности, как у Ларионовой, или группы людей — у Булычева, или же речь идет о всей планете, как в повести Геворкяна. Для нашего представления о будущем характерен оптимизм, и он проходит через все произведения сборника, хотя при развитии действия порой кажется, что для него совсем уже не остается места.

В обширной и очень содержательной статье, помещенной в этом выпуске сборника НФ, Всеволод Ревич говорит о правде фантастики. Думаю, что правда нашей фантастики непредставима без оптимистического взгляда на будущее, оптимистического не потому, что оно, это будущее, представляется нам легким и простым — таким оно вряд ли будет. Но потому, что оно будет, по нашим представлениям, будущим людей, идущих все дальше по пути своего очеловечивания — по пути длинному, трудному, но единственно верному. Мне кажется, что эта черта нашей фантастики получила в сборнике хорошее выражение.

В. Д. Михайлов,
член Союза писателей СССР

■ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Кир Булычев

Тринадцать лет пути

1

Сто шесть лет назад корабль «Антей» покинул Землю.

И как ни велика его скорость, как ни ничтожно сопротивление космического вакуума гигантской пуле, траектория полета которой соединяет уже неразличимую даже в самый мощный телескоп Землю и Проксиму Центавра, путь займет в общей сложности сто девятнадцать земных лет.

Сто шесть лет миновало на Земле с того дня, как семьдесят шесть космонавтов, в последний раз взглянув на голубое небо и зелень деревьев, вошли в планетарные катера и те взмыли вверх, где на высоте 36 тысяч километров, на стационарной орбите их ждал «Антей».

Подлетая, они могли в последний раз оглядеть этот дом издали. Одному корабль казался неуклюжим насекомым, другому напоминал сломанную детскую игрушку. «Антею» никогда не придется снижаться на Землю или на другую планету. Ему суждено было родиться в космосе, где его собрали, и умереть там. Поэтому конструкторы создавали его без оглядки на сопротивление среды. Непривычному глазу он представлялся нелогичным совмещением колец, труб, шаров, антенн и кубов.

Пока корабль набирал скорость — а разгон его занял месяцы, — экипаж «Антея» мог видеть Землю. Сначала она занимала половину неба, а постепенно превратилась в тусклую точку среди миллионов подобных ей и более ярких точек.

Так начался путь. Прошло сто шесть лет.

Еще через тринадцать лет «Антей» достигнет цели.

2

Павел миновал двадцать четвертый резервный коридор и остановился перед дверью в оранжерею. Оранжерея была заброшена лет пятьдесят назад, и кроме механиков, здесь давно никто не бывал.

Дверь сдвинулась не сразу. словно ее механизм забыл, как открываться.

Когда Станцо рассказывал ему о заброшенной оранжерее, Павел представлял, что увидит пышные джунгли, заросли лиан и странные цветы, свисающие с крон.

Оранжерея была тайной, открытием. Путешествие в ней — более часа ходьбы по пустым коридорам и залам корабля — подготавливало к тайне.

Путь оказался обыденным.

Где-то на полдороге он встретил робота-уборщика, а в шаре «Д» попал в область использованных складов — они были слабо освещены, пустые коробки и контейнеры громоздились в гулких залах.

Здесь царило запустение. Краска стен, теоретически вечная, поблекла, листы пластиковой обшивки кое-где отстали. Пахло теплой пылью.

Павел никак не мог отделаться от ощущения, что пустота следит за ним. Что у нее есть глаза.

Корабль был населен памятью.

Он был самым старым кораблем Земли. Ему было более века.

За эти годы на Земле изобрели новые сплавы и источники освещения, даже коробки и контейнеры были бы иными, если бы «Антей» отправился в путь на сто лет позже. Все было бы иным.

Корабль не был дряхлым, но был очень стар. Он был рассчитан на то, что проведет в космосе многие десятилетия. И все равно составил.

И постепенно пустел.

Один за другим освобождались его склады, постепенно закрывались дальние помещения и коридоры — в них уже не было нужды. В тот день, когда Павел отправился разыскивать заброшенную оранжерею, на борту было вдвое меньше людей, чем сто шесть лет назад. Жилая, действующая часть корабля с каждым годом съеживалась. Так пустеющую деревню осаждают лес, занимая уже ненужные поля и покосы.

Павел открыл дверь в оранжерею и был разочарован, потому что никаких буйных джунглей там не оказалось.

Длинные сухие грядки.

Кое-где среди высохших стеблей колючие кусты. Бурая трава у ног, плети выродившегося гороха ползут по стенам и на столы, кое-где на пыльном лабораторном столе остались колбы и пробирки — много лет назад кто-то ставил здесь опыты. Теперь же отлично хватает оранжерей в шаре «В».

Стебли зашуршали, вздрогнули.

Что-то серое метнулось в дальний конец оранжереи. Павел отпрянул назад. Никого не могло быть на корабле. Никого лишнего.

Он отскочил за дверь и нажал на кнопку. Сначала надо изолировать помещение. Затем вызвать помощь. Все, что неизвестно, непонятно, может быть опасно. Не только для Павла — для всего корабля.

Дверь нехотя задвинулась. Павел стоял один в очень тихом коридоре. Ровно светился потолок.

Он был на корабле, куда ничто не могло проникнуть снаружи.

Тому, что он видел, должно быть реальное объяснение.

Хорош он будет, если прибежит к Станцу и скажет, что видел что-то в заброшенной оранжерее. А что? Что-то.

Тогда Павел снова открыл дверь.

Закрыв ее за собой. Чтобы это Непонятное не смогло выбраться наружу. Затем осторожно пошел вперед.

Он старался не наступать на грядки. Керамические плитки пола похрустывали под ногами. Некоторые легко выпадали. В оранжерее стоял неприятный тухлый запах.

В двух шагах от того места, откуда выскочило нечто, Павел замер.

Метрах в десяти была округлая стена — конец оранжереи.

И тогда он увидел.

Там, в сплетении ветвей, сидели две серые кошки.

Они смотрели на него в упор, разумно и настороженно. В полумраке — здесь освещение было куда слабее, чем у входа, — их глаза горели желтым злым огнем.

— Еще чего не хватало, — сказал Павел вслух.

Надо было догадаться с самого начала.

Когда-то кто-то решил, что на «Анtee» нужны животные. Домашние. Такие, что не будут много есть, но скрасят одиночество людей.

И на корабле появилась кошачья семья.

И хоть за ней следили, старались контролировать численность этого племени, уже не в первый раз в отдаленных уголках корабля обнаруживались нелегальные, неучтенные кошки.

Кошкам надо чем-то питаться. Значит, они освоили вентиляционные ходы, и оранжерея не была так изолирована, как казалось.

— Живите, — сказал кошкам Павел.

Он нагнулся, вытащил из земли бледный, почти белый стебелек.

Какая-то жизнь здесь теплилась. Надо будет сказать Христе, биологу, поспукай сюда заглянет.

Больше никаких привидений в оранжерее не было.

Привидения — часть корабельного фольклора. За сто с лишним лет на корабле обязательно должен возникнуть фольклор.

В глубине души Павлу хотелось увидеть привидение. Это не означает, что он верил в подобную чепуху. Но когда корабль так стар и бесконечен, должно же в нем таиться что-нибудь необыкновенное.

3

Павлу не хотелось возвращаться в жилую часть корабля.

Там сразу найдутся дела. А когда еще удастся повторить это несненное путешествие?

Павел пошел от оранжереи к соединительному туннелю, по которому можно выйти во Внешний сад. И через него вернуться обратно.

По дороге он заглянул в бывшую библиотеку. Когда-то часть жилых кают находилась в этом секторе корабля, и филиал библиотеки размещался поблизости от кают.

В библиотеке стоял другой, пленочный запах. Ячейки для микрофильмов и видеолент были раскрыты. В некоторых остались ленты.

Павел знал — почему. Когда библиотеку перевозили, те кассеты, что дублировались в главной, брать не стали.

Павел понимал, что и здесь его не ждут открытия, но все же потратил несколько минут, открывая ячейки и читая надписи на кассетах.

И не зря.

В одном из ящичков он нашел восьмую, шестнадцатую и двадцатую серии «Подводного мира», которых в большой библиотеке не было.

Потом отыскал несколько кассет без этикеток. Их он тоже захватил с собой.

Минут через двадцать он достиг соединительного туннеля и остановился перед лифтом.

Здесь было светлее, сюда иногда заходили.

Лифт поднял Павла на несколько ярусов вверх, что было условным понятием, так как низ — всегда центр корабля, верх — его внешние помещения. Гравитационное поле, создаваемое двигателями, таилось в центральном шаре.

Зал отдыха перед входом во Внешний сад тоже был пуст.

В бассейне голубоватым зеркалом — по цвету плиток дна — застыла вода. Настолько ровная и неподвижная, что Павлу захотелось нарушить эту неподвижность. Он сунул руку в карман. В карманах всегда есть что-нибудь лишнее. Пальцы нащупали металлический шарик. Павел швырнул его в бассейн. Зеркало вздрогнуло, плеснуло столбиком воды и разбежалось кругами, облизывая борта бассейна.

Вот так-то лучше.

Низкие мягкие диваны скобками тянулись вокруг бассейна. Павел с размаху прыгнул на диван, неудобно сел на сумку с кассетами, что тащил из библиотеки. Диван ожил, стараясь примериться к телу Павла.

Павел представил, что он на «Наутилусе». В нем, где-то в недрах, живет последний его обитатель, старый капитан Немо.

А может быть, это «Мария Целеста»? Неожиданная беда обрушилась на шхуну. Почему-то все покинули корабль, все до последнего человека. И кастрюля на плите еще теплая.

Нет, он на необитаемом острове. Вот он, темный лес, за стеклянной стеной. Высоко, справа в стене серый круг. Заплата.

Когда Павла еще не было на свете, во Внешний сад попал метеорит. Это бывает с кораблями. Хоть над метеоритной защитой «Антея» думали лучшие умы Земли — ни одна крошка материи не должна

была дотронуться до корабля: слишком высока цена — все же шестьдесят лет назад «Антей» попал в мощный метеоритный поток. Насолько мощный, что один из камней достиг корабля.

Метеорит пронзил внешнюю прозрачную тонкую стену сада.

Затем пробил вторую стену, отделяющую сад от Зала отдыха.

Затем миновал еще три перегородки и вылетел наружу.

Происшествие стоило жизни двум космонавтам, которые в тот момент были в Зале отдыха. Павлу рассказывали, что они играли в шахматы.

И Внешний сад погиб. Он погиб так быстро, что не успел измениться.

Павел подошел к стеклянной стене.

Когда-то его любовно собирали, создавали на Земле, как то место, где космонавты в невероятной дали от дома могут ощутить летнюю ночь и запахи земного леса.

Под прозрачным высоким куполом толпились березы и ели, кусты роз и орешника, а дальше, где поддерживалась температура выше, возвышались пальмы.

После ремонта тогдашний капитан «Антея» решил не подключать сад к системе отопления. Иначе бы, отогревшись, деревья и кусты сгнили. А так они остались стоять замерзшими памятниками деревьям и цветам. Если не знаешь, что случилось здесь шестьдесят лет назад, можно подумать, что за стеклом начинается настоящий лес.

4

И Павел представил себе бесконечный ночной лес. Теплый влажный воздух, в котором покачиваются, дышат пряные тяжелые запахи, где шуршание падающих листьев так же осторожно и почти беззвучно, как шаги волка. Лишь иногда треснет сухой сук или смело ступит на груды валежника ничего не боящийся медведь:

Громкий плеск, удар, почти грохот обрушился на тишину зала. Взрыв?

Павел резко всем телом обернулся, прижимаясь при том спиной к прозрачной стене. Сила тяжести на корабле мала, вдвое меньше земной, и оттого даже самые резкие движения замедленнее. Мозг уже закончил поворот тела, а оно все еще не может остановиться. Брызги воды вылетели на пол зала.

Длинная зеленая тень, словно тень крупной рыбы, скользила под взбаламученной голубой водой.

Коротко остриженная девичья голова пробила воду, девушка раскрыла глаза, смахнула рукой воду с ресниц.

— Испугались? — крикнула она. — Я нарочно тихо разделась и потом как прыгну!

Павлу стало неловко, что девушка могла увидеть его испуг. Но нет, когда он обернулся, она была еще под водой.

Девушка перевернулась на спину. На ней был зеленый купальник.

Вода в бассейне успокаивалась, медленно и солидно, словно бассейн был наполнен маслом.

— Вода здесь удивительная! — сказала девушка. — Я каждый день купаюсь. Вы не пробовали?

— Нет еще.

Он не видел эту девушку раньше. Вчера был такой сумасшедший день. А сегодня он отправился в путешествие по кораблю.

Девушка подплыла к бортику.

— Я тоже иногда прихожу сюда специально, чтобы поглядеть на этот лес. Но я всегда знаю, что он мертвый. Видно, у меня плохо развито воображение.

Павел вернулся к диванам и сел.

— Я вас вчера не видел, — сказал он.

— Когда вы прилетели, я была на вахте. Меня зовут Гражиной.

— Я кошек видел. В пустой оранжерее.

— Вот где никогда не была, — сказала Гражина. — Я не романтик. В голосе ее прозвучала снисходительность к новичку.

Девушка снова нырнула, быстрее, чем Павел успел придумать достойный ситуации ответ.

Когда она вновь появилась на поверхности, Павел спросил:

— Вы биолог?

— Гравитация, — ответила Гражина.

— А как вас называть, если коротко?

— Гражина мне нравится, — сказала она. — Коротче не надо.

— Длинно.

— Ничго, не успеете утомиться. Я завтра улетаю.

Гражина вновь подплыла к бортику. Павел увидел, какие у нее длинные пальцы. Просто удивительно длинные пальцы. А ногти обрезаны коротко.

На щеке, под правым глазом, тонкий шрам. Губы мягкие и подвижные. Уголки их все время вздрагивают.

Глаза Павла выхватывали детали лица, фигуры, еще не было общего представления о девушке — кусочки мозаики строились в портрет, который, если бы они остались на корабле еще надолго, не имел бы почти ничего общего с первым впечатлением.

— Этот год, — сказала Гражина, — пролетел мгновенно. Честное слово. Где-то в середине стало тоскливо — все-таки мы очень оторваны. А сейчас — вы не представляете, как не хочется улетать.

— А если бы вам сказали — оставайтесь еще на срок?

— Нет, не осталась бы, — сказала Гражина.

Тут Павел понял, что у нее зеленые глаза. Темные мокрые

ресницы затеняли их, и потому они сначала показались Павлу куда темнее.

— Жаль, — сказал Павел. — Чем больше народу, тем интереснее.

— И без меня достаточно, — сказала Гражина. — Сколько в вашей смене?

— Тридцать два.

— В нашей было тридцать шесть. Но мне не повезло.

— Ага, — Павел сразу сообразил, что она имела в виду.

Еще тринадцать лет «Антею» лететь до звезды. Еще тринадцать смен. И вот та, тринадцатая, будет самой счастливой. Именно им суждено спуститься на ту планету, завершить труд полутораста лет.

— Ничего, — сказал Павел. — Мы с вами будем еще не очень старыми. Мы там обязательно побываем.

— Там мы не нужны, — сказала Гражина. — Там будут совсем другие специалисты.

— Почему? Двигатели будут нужны. И кабины будут нужны.

— Вы кабинщик?

— Еще нет. — На Павла напала скромность.

— Какой курс?

— Четвертый. А вы?

Гражина вылезла из воды. Подобрала длинные ноги — ступни на борт, вскочила.

— Дайте полотенце, — сказала она.

Полотенце лежало рядом с Павлом.

Тот быстро поднялся, протянул полотенце. Она начала вытирать волосы, и Павел понял, что глаза у нее не просто зеленые, а очень зеленые.

— Я уже старуха, — сказала Гражина. — Я в аспирантуре. Мне двадцать три года.

— Ну и что? Разница в три года. Несущественно, — сказал Павел.

Гражина засмеялась. Она так сильно смеялась, что руки с полотенцем опустились, и Павел увидел, как изменилось ее лицо. Мокрые волосы, что прижимались к голове, сейчас вдруг выскочили из-под полотенца пышной гривой. И лицо стало меньше. Только глаза не уменьшились.

Она бросила полотенце на диван, взяла оттуда халатик, накинула, сунула ноги в туфли.

— К обеду не опоздайте! — сказала она. — Сегодня прощальный обед.

— Ну что вы! — сказал Павел.

— Вы сумку забыли. Что там у вас?

Гражина была бесцеремонна, но Павел не обижался. Ее бесцеремонность была личной связью между ними. Только человек, который тебе не чужой, может спросить, что у тебя в сумке.

— Я был в пустой библиотеке, — сказал Павел. — Я взял там кассеты.

— Я тоже раньше туда ходила. Все наши ходили. Я подозреваю, что когда-то они нарочно оставили там массу интересных кассет, чтобы сделать нам дополнительное приключение. Что вы взяли?

Павел пожалел, что не взял ни одной книги Достоевского или Маркеса.

— Так, — сказал он, — приключения.

— «Звездный рейс»?

— «Подводный мир». Я пропустил несколько серий.

— Не смущайтесь, курсант. Я не спросила, как вас зовут.

— Павел.

— Вот видите, Гражина вам не нравится, а Павел мне нравится. Так вот, Павел, я должна вам признаться, что сама еще два месяца назад вытащила из той библиотеки третью и четвертую серии «Подводного мира», несмотря на мой почтенный возраст и солидность.

— Вы не производите солидного впечатления.

— Я стараюсь.

5

Они спустились лифтом к центральному шару, потом Гражина побежала к себе в каюту переодеться.

Павел прошел к кабинам.

Обычный корабль имеет два центра.

Пульт управления и двигательный отсек.

На «Антее» было три центра.

Помимо двух обычных — кабины.

В обыденности этого слова была извечная попытка причастных к грандиозному делу снизить пафос причастности.

В институте, который имел счастье заканчивать Павел, шла давнишняя и безнадежная война между профессорами, для которых уважение к правильной терминологии означало уважение к предмету изучения, и курсантами, которые даже на экзаменах не могли одолеть простых слов «телепортационные ретрансляторы».

К таким курсантам относился и Павел, который был хорошим, в меру старательным и в меру способным студентом, достаточно хорошим, чтобы попасть на «Антей» — предмет мечтаний многих поколений студентов.

По законам изящной словесности автор, дабы не привлекать к себе внимания читателей, должен на этом этапе рассказа заставить своего героя — Павла — по пути к «кабинам» продумать все, что положено знать читателю. Его внутренний монолог должен быть зафиксирован изящной прозой.

К сожалению, в данный момент ничто на свете не могло бы заставить Павла думать о проблемах, истории и перспективах телепортации, так как он с каждым шагом все более проваливался в сладкую пропасть влюбленности, притом влюбленности, обреченной на разлуку, что всегда усиливает чувство.

За неимением возможности использовать монолог Павла, автор вынужден сам поведать о предмете беседы.

К сожалению для физиков и пилотов, даже к двадцать третьему веку путешествие со скоростью большей, чем скорость света, оказалось прерогативой фантастов. Прыжки сквозь изогнутое пространство и подобные изобретения мечтателей не стали реальностью. Законы природы обмануть не удалось. Следовательно, за освоением планет Солнечной системы наступила пауза, которая грозила затянуться навечно. Звезды были недостижимы, так как достижение их требовало сотен лет полета. Технически возможно было построить корабли, которые выдержали бы столь долгое путешествие, но нельзя было придумать бессмертного человека. Разумеется, мечта о выходе к звездам, к иным цивилизациям, существование которых оставалось лишь теоретическим допущением, продолжала беречь воображение. Проекты, разработанные мечтателями еще в двадцатом веке, рассматривались и обсчитывались, но не осуществлялись. Можно было построить гигантский корабль, снабдить его всем необходимым, чтобы экипаж мог существовать в нем многие десятилетия. Чтобы космонавты рождались, росли, учились и умирали на борту корабля. Сто, двести, триста лет в пути...

Добровольцам, идущим на это, предлагалась пожизненная тюрьма, причем тюрьма, доведенная до абсурда, тюрьма не только для них самих, но и для их детей и внуков. К тому же можно было вычислить, что в подобном путешествии экипаж, как бы ни был к этому подготовлен и готов жертвовать собой и своим потомством, неизбежно деградирует, как деградирует любое человеческое сообщество, оторванное от остального человечества. Цель не оправдывала жертв.

Теоретически и даже практически был возможен и другой вариант. После отлета с Земли экипаж корабля погружался в анабиоз, из которого выходил к моменту высадки у дальней звезды. То же делалось и на обратном пути.

Таким образом, тюрьма оставалась тюрьмой, однако заключенному давали возможность проспать бесконечно длинный срок и даже выйти на свободу.

Но жертвы, которые приносил экипаж, все равно оставались слишком большими. Ведь космонавты возвратятся домой через триста лет. То есть никогда не возвратятся. Никогда не увидят Земли такой, какой она была при их жизни, никогда не смогут по-настояще-

му найти своего места в этом мире, как не смог бы найти его современник Ньютона или Наполеона.

Но открытие телепортации, что стало возможно, лишь когда люди научились практически управлять гравитационными законами, изменило ситуацию и позволило вернуться к этой проблеме.

Сначала смогли передать грамм вещества на расстояние десяти сантиметров. Затем белая мышь — вечный мученик научного прогресса — была разложена на атомы и собрана вновь в соседнем городе, после чего она облизнулась и принялась глотать кусочек сахара. Наконец, 4 августа 2198 года Бисер Симонян вошел в кабину телепортационного центра в Пловдиве и вышел — живой и здоровый — из такой же кабины в Бомбее.

Так как в телепортации используются гравитационные волны, распространяющиеся буквально мгновенно, ограничения в переброске объектов обуславливались лишь энергетическими мощностями и максимальной емкостью кабины.

В течение пятидесяти ближайших лет кабины были установлены на планетах Солнечной системы*. Космические корабли, разумеется, остались, так как на их долю пали перевозки крупных грузов, руд, сырья. Кабины не только невелики. Они так и не стали и вряд ли станут дешевым удовольствием.

Стало возможным вернуться к проблеме межзвездных путешествий.

Если отправить в бесконечно длинный полет космический корабль, но снабдить его при том кабиной для телепортации, то экипажу нет нужды оставаться на борту сто лет. Через определенный разумный срок экипаж можно сменить.

Так появился «Антей».

Первый его экипаж после года работы вернулся на Землю, уступив место другим космонавтам. Причем в течение того же года кабины несколько раз вступали в действие. На корабль прилетала комиссия от ООН, дважды вывозили больных, к тому же туда доставляли некоторые продукты, почту и приборы.

И так, за сто шесть лет полета на борту «Антея» сменилось сто экипажей.

---

*О кабинах на самой Земле сейчас разговора нет, но следует сказать, что возможность мгновенно переправиться в любую точку земного шара и парадокс, заключающийся в том, что стало быстрее добраться от Парижа до Рио-де-Жанейро, чем от центра Парижа до Версаля, изменили не только скорость сообщений, но и сам порядок жизни. Если ты можешь жить в Москве, а работать на Марсе, ты психологически сильно отличаешься от человека двадцатого века.

Правда, с каждым годом сложности связи с кораблем росли. К этому были готовы, и это даже предусматривалось при создании корабля. Ведь хоть теоретически гравитационные волны распространяются бесконечно, потребление энергии с расстоянием растет.

Наука продолжала развиваться, появились новые источники энергии и возможности Земли также увеличивались. Правда, приходилось ради экономии энергии и припасов на борту «Антея» постоянно уменьшать экипаж, и к тому дню, когда курсант Павел Иванов попал на борт «Антея», там оставалось лишь тридцать человек. К звезде долетит и того меньше. Очевидно, окончательное число членов экспедиции будет немногим более десяти. И среди них уже не будет курсантов. «Антею» же суждено будет кончить свои дни на орбите у далекой планеты. Постепенно, если там будет человеческая колония, его разберут, использовав на постройки.

За сто лет путешествия «Антея» уже стал частью земной истории. Павел, еще находясь на Земле, знал и о кошках, которые расплодились в пустых складах, и о заброшенной библиотеке, и о бассейне с голубой водой. Он тысячу раз видел корабль в фильмах и изучал его на специальных занятиях, как делали то и его учителя, и учителя его учителей, которые работали на «Антее».

Но все его обитатели в конце концов возвращались домой. Как моряки из дальнего, но не бесконечно дальнего плавания. Кроме тех, кто умер или погиб в пути. Их было немного, шесть человек.

6

Очевидно, зал телепортации, если из него вытащить всю начинку, был бы грандиозен. Но за последние сто лет никто не видел его стен.

Кабины на Земле были куда скромнее — в конце концов всегда можно было вызвать ремонтников. Здесь же все системы были дублированы и передублированы, и запас надежности был в несколько раз выше теоретического. В сущности, этот центр был главной причиной существования «Антея».

Павел легко прошел сквозь путаницу коридорчиков, проложенных между молчащих, но живых машин. Улицы и закоулки этого зала были известны Павлу наизусть, ночью разбуди, вели проверить 56-й блок — с закрытыми глазами найдет дорогу.

Ясно почему: в институте стоит тренажер — точная копия, точно в таком же зале. Тренажеру столько же лет, сколько оригиналу.

Студенту положено знать тренажер как свои пять пальцев. Если повезет, то он увидит когда-нибудь кабины «Антея».

Помимо долга, отличное знание студентами этого дремучего зала объяснялось иной традицией: зал был самым укромным местом в институте, его лесом, его парком, его лабиринтом. И никому не сос-

читать, сколько судебных было изменено, погублено или спасено в его полутемных закоулках, сколько здесь произошло решительных объяснений, задушевных разговоров, случайных встреч, драматических расставаний. Да и сам Павел всего месяц назад услышал решительное «нет» в тесном отсеке между блоком 8-Е и макетом энергонакопителя. После этого Павел прогулял два дня, несмотря на то что решалась его судьба — лететь или не лететь. Когда вернулся, выслушал справедливый выговор декана и в наказание все воскресенье пылесосил зал. Декан, сам бывший антеевец (тридцать лет назад он провел на нем тринадцать месяцев), полагал, что самое полезное для студента — это познавательное наказание. Разумеется, декан не говорил студентам, что его жена, гениальный конструктор, ныне солидная дама, сказала ему «может быть» именно у блока 8-Е.

Макеты блоков в институте были немые. Блок на «Антее», если приложить ухо к его теплому матовому боку, низко жужжал, как далекий шмель.

И Павел понял, что институт так далек, словно он, Павел, летит на «Антее» уже сто седьмой год.

Доктор Варгези сидел на неудобном высоком вертящемся стуле у стойки с пробирками. Он контролировал плотность и состояние раствора.

За его спиной находилась ванна — свинцового цвета шар.

На Земле дежурный проверит, плотно ли прилегает к тебе одежда, нет ли в карманах металлических вещей, затем впустит тебя в раскрытое чрево кабины, напоминающей раскрытый кокон — как будто человек был куколкой. Студенты звали кабину «испанской вдовой». Это доказывало, что кто-то из них читал историю инквизиции. «Испанская вдова» — изощренное орудие пытки. Она напоминает поставленный на попа саркофаг, утыканный гвоздями — остриями внутрь. Когда человека ставили внутрь, а затем закрывали половинки «вдовы», острия гвоздей вонзались в тело несчастного.

Здесь гвоздей не было. Но были захваты.

Отправляемый объект должен был быть очень четко зафиксирован.

Информация о его габаритах, массе, весе и особенностях уходила на приемную кабину заранее — за несколько сотых долей секунды до переброса.

Когда ты через мгновение — субъективно оно могло показаться вечностью — оказывался, допустим, в Антарктиде, то «испанская вдова», в которой ты приходил в себя, так же туго сжимала тебя в гибких, упругих захватах. От этого всегда возникало ощущение того, что никакого перелета не было.

На «Антее» кабина выглядела иначе. Здесь во избежание ошибок, опасность которых резко увеличивалась с расстоянием между передающей и приемной кабинами, человек должен был погрузиться

в ванну с тягучим киселеобразным раствором — ни о какой одежде и речи не было. Вещи неорганические шли через вторую кабину, грузовую, в небольших контейнерах. Размеры кабин ограничивали возможности снабжения корабля. За сто семь лет на Земле научились сооружать более крупные кабины, но на «Антее» оставалось, естественно, старое оборудование.

Доктор Варгези проверял плотность раствора — его состав должен абсолютно соответствовать составу в земном центре. А после каждого запуска в нем неизбежно происходили микроизменения от контакта с человеческим телом.

— Ты чего пришел? — спросил доктор. — Тебе еще рано.

— Я себя хорошо чувствую, — сказал Павел. — Я был в старой библиотеке и в пустой оранжерее. И в бассейне.

— Зря мне об этом рассказываешь, — сказал доктор. — После космического переноса следует отдыхать в течение суток.

— Я, честное слово, себя хорошо чувствую, — сказал Павел. — А когда Макис прилетит?

Макис был сокурсником. Их двоих отобрали с курса для стажировки на «Антее».

— Ты же знаешь, — сказал Варгези и поправил белую шапочку, которую, как утверждали, он не снимал даже ночью, скрывал лысину, — у них как всегда неразбериха. Я жду Макиса, а перед сеансом идет информация — ждите биолога До До Ки, который оказывается бирманской женщиной средних лет. А я вообще ее не встречал в списках. Ты же знаешь.

Павел не стал спорить, хотя знал, что Варгези преувеличивает.

— Я диких кошек видел, — сказал Павел.

— Я бы не удивился, если бы здесь водились удавы, крокодилы и летучие мыши, — сказал Варгези. — Ископаемое чудище, а не корабль. Если он доберется до цели, это будет такая развалина, что стыдно показаться на люди.

— Вы думаете, что «Антей» развалится?

— Курсант, ваши шутки неуместны. С «Антеем» ничего не случится. Хотя, конечно, надо было еще пятьдесят лет назад вернуть его на Землю.

— Почему?

— Современные корабли передвигаются вдвое быстрее.

— Так это современные, — Павел поймал Варгези на логической ошибке и обрадовался. Остроносый Варгези ему не нравился. Он умел находить дурное в любой светлой вещи. Психологически — психологию Павел проходил — в большом коллективе желательно разнообразие эмоциональных типов. Вернее всего, Варгези попал сюда именно для разнообразия. Но он надоел Павлу уже в Центре подготовки на Земле, где они оказались в одной комнате.

— А кабины? — Варгези никогда не сдавался в спорах. — Это же прошлый век!

— В них многое заменено.

— На такой кабине я бы не рискнул отправиться к маме в Милан.

— Но отправились сюда.

— Они работают на пределе. Я не удивлюсь, если кабина откажет. И ты понимаешь, что это значит?

— Вряд ли нас отправили бы сюда, если так опасно.

— Речь идет о тщеславии целой планеты. — Варгези почесал переносицу. Когда он сердился, всегда почесывал переносицу.

«А что я делаю, когда сержусь? — подумал Павел. — Никогда не задумывался».

— Тщеславию человека можно поставить предел. Всегда есть кто-то над ним. Общество, государство. Но жертвой тщеславия целой планеты может стать не только дряхлый корабль — целый континент. «Антей» давно уже не корабль, а символ. Символ нашего всеислия, символ нашей гордыни. Мы, видите ли, бросили вызов Галактике! Нам не страшны расстояния! А разум молчит! Зачем нам этот «Антей» и это путешествие, которое потеряло смысл задолго до его завершения?

— Вы же знаете, что это не так.

— Докажи, юноша. — Движения Варгези оставались размеренными и сдержанными. Он зафиксировал результаты анализа, слил пробирки, отнес их к мойке, потом снял халат, тщательно сложил его. — Докажи мне, что мы с тобой не жертвы тщеславия очень многих людей, каждый из которых бессилен, но вместе они представляют собой эфемерную субстанцию — мнение планеты!

— Но сколько сделано за эти годы. — Павел вдруг почувствовал себя на экзамене. — Сколько опытов, открытий. Сколько еще будет сделано! В конце концов даже если корабль не долетит, само путешествие — это самое великое событие! Но вы знаете, что мы делаем. И установим там, на планете, кабину.

— А планета будет пустая!

— Пустых планет не бывает! Эта кабина будет первой станцией в Галактике — мы сможем переноситься за миллиарды километров так, словно остаемся на Земле.

— Пустая кабина на пустой планете!

Павел развел руками.

Станцо, который вошел в отсек и, видно, стоял все это время неподвижно, слушая, неожиданно вмешался в спор.

— Джованни, — сказал он физиологу. — Не смущай молодежь.

— Пускай закаляется.

— Чего тебя ест?

Станцо — шеф телепортационного центра. Они раньше рабо-

тали вместе с Варгези. Станцо — редкое исключение на корабле. Он здесь второй раз. Он уже отбыл одну вахту шесть лет назад.

— Энергетический предел, — сказал Варгези. — Ты же знаешь.

— Об этом думают люди, которые умнее нас с тобой.

— Умнее нас с тобой никого нет, — сказал Варгези. — И я утверждаю, что весь этот эксперимент полетит к чертовой бабушке.

— Ладно, не будем об этом, — сказал Станцо.

И Павлу показалось, что Станцо не хочет вести этот разговор при студенте. И подтверждая подозрения Павла, Станцо сказал:

— Если ты не устал, отправляйся в кают-компанию. Там нужны молодые крепкие руки.

— Зачем?

— Вернее всего резать салат.

7

За сто лет «Антей» оброс традициями, как днище парусника ракушками.

Одной из традиций, хранимой свято, был Двойной обед.

Пересменка на «Антее» проходила в течение недели. По мере того как на корабль прилетали новые члены экипажа, «старики» уходили на Землю. Наступал момент, когда примерно половина «стариков» уже возвратилась на Землю, а половина «новичков» оказывалась на корабле. И в этот день, третий день пересменки, происходил Двойной обед.

Двойной, потому что он проходил одновременно на Земле, в Центре управления, и на корабле. На Земле половина новичков угощала тех, кто вернулся с «Антея». На «Антее» старожилы чествовали тех новичков, которые уже туда перебравшись. Обеды начинались одновременно.

Никто, кроме двух экипажей, на обеде не мог присутствовать.

Качество угощения было делом чести.

К ним готовились загодя, неделями.

О некоторых, наиболее удачных, обедах, слагались легенды.

Десять лет назад смена на «Антее» умудрилась вывести устриц.

Это был выдающийся биологический эксперимент. Устрицы выводились в искусственной морской воде и должны были вырасти до нужных габаритов за несколько месяцев.

Устрицы подавались тогда на закуску. Мало кто их ел, но поражены были все.

На этот раз обед был шикарным, но не невероятным.

Павел пришел в кают-компанию, скорее, в надежде увидеть Гражину, чем обуреваемый желанием помочь по хозяйству. Но Гражины он не увидел, оказывается, она сдавала дела сменщику.

Вскоре из кают-компании Павла выгнали — его присутствие там было нарушением традиции.

Тогда Павел пошел на нарушение дисциплины. Небольшое нарушение, но тем не менее недопустимое. Он отправился в гравитационный отсек.

Путь туда занял довольно много времени. Хотя расположение помещений корабля Павлу было известно, но, разумеется, макета гравитационного отсека, двигательного сердца корабля, в институте не было. А в действительности все выглядит совершенно иначе, чем на снимках или планах. Павел представил себе положение гравитационных отсеков относительно кают-компаний, но дверь, которая должна соединять их, была закрыта. Павел решил пройти через пульт управления, но, спутав коридор, попал в полутемный компьютерный зал, где в низких креслах сидели два навигатора.

Павел замер на пороге.

Разумеется, можно было войти и спросить, как пройти в гравитацию. Но не хотелось оказываться в положении заблудившегося мальчика.

Павел стоял в дверях, стараясь сообразить, куда двигаться дальше.

— Подтверждения не было, — сказал один из навигаторов.

— Если отменили, то и не будет подтверждения.

— Почему?

— Что-то с лучом. А если так, то и гравиграммы не проходят.

— Ты думаешь, авария?

— Немыслимо. Всегда есть возможность перебросить энергию с антарктического щита.

Зажужжал зуммер.

Навигатор протянул руку, провел над пультом ладонью, принимая вызов.

Павел видел, как на экране видеофона обрисовалось лицо капитана-1. То есть капитана старой смены. Сейчас на борту были оба капитана, но новый капитан примет командование официально в последний день. Капитан-1, Железный Лех, спросил с экрана видеофона:

— Флюктуаций курса нет?

— Не надейся, капитан, — сказал навигатор. — Все проверено.

— Чего они молчат? — спросил второй навигатор.

Капитан-1 ничего не ответил. Отключился.

Павел счел за лучшее уйти. Он понял только — что-то случилось. Вернее всего со связью. Те трое были встревожены.

Не хватало еще, чтобы начали сбываться пророчества Варгези.

Павел задумался, но не настолько, чтобы забыть о цели своих поисков.

В лифтовой шахте послышалось шуршание — поднималась кабина. Павел остановился. Крыша лифта всплыла в шахте, показалась открытая кабина. В ней стояла Гражина и другая девушка. Невысокая, полногрудая, кареглазая.

Девушки увидели Павла.

— Поехали,— сказала Гражина.— Знакомься, это Арминэ. Мы вместе работаем.

Павел ступил в медленно поднимающийся лифт.

— Ты чего здесь делаешь?— спросила Гражина.

— Вас искал.

— Почему здесь?— Разговаривая, Гражина смотрела в упор.

— Я зашел на пульт управления.

— Навигаторы не любят посторонних.

— Я не входил.

— Нет логики. Зачем же заходил, если не входил?

— Навигаторы говорили, я не стал мешать.

— Ты чем-то встревожен?

— Мы без связи с Землей.

Сначала он решил было никому не говорить о том, что подслушал. Но язык сказал это за него. Человек с новостью всегда интереснее женщине, чем человек просто так.

— Еще чего не хватало!— возмутилась Гражина.— Этого никогда не было. Ты что-то не так понял.

8

За обедом, который, как уже говорилось, был изумительным, но не сенсационным, оказалось, что Павел прав.

После первых тостов и речей, ритуал которых был разработан много лет назад, подошла очередь говорить капитану-1.

Капитан-1 сказал, как и положено, что он передает корабль капитану-2 и его новой команде, надеясь, что с их стороны не будет претензий к предыдущему экипажу. Затем он должен был сказать о том, как будет приятно встретиться через год на Земле. Но капитан-1 вдруг замолк. И сказал совсем другим голосом:

— Сегодня мы получили с Земли гравиграмму.

Павел сидел как раз напротив капитана-1. Он долго не сиделся, пока все рассаживались, делал вид, что любит пирамидой салата, потому что хотел увидеть, куда сядет Гражина. Он уже начал считать минуты до момента разлуки и представлять, как будет пуст корабль без Гражины. Но получилось так, что Гражина заговорила с неизвестными Павлу гравитационниками из старой смены и совсем забыла о нем. И села между

ними. Так что Павлу пришлось садиться далеко от нее, почти в торце стола, напротив капитана-1.

— Что случилось? — спросил Варгези. Спросил мрачно, как будто не спрашивал, а произносил: «Я же предупреждал».

Гравиграммы — редкие гости на корабле.

Отправка послания за столько световых лет требует почти столько же энергии, как переброс человека через кабину. Внеплановых гравиграмм быть не должно. Потому что через час будет переброска следующего человека из новой смены, и все новости он принесет с собой. А раз на Земле не стали ждать переброса, значит, что-то случилось.

— Гравиграмма неполная, — сказал капитан-1.

Он был невысокого роста и потому стоял, опершись ладонями о стол.

Маленький, сухой, жилистый человек. Несколько лет назад он установил кабину на Плутоне.

— Гравиграмма неполная, — повторил капитан-1. — Содержание ее таково: «Переброс откладывается...»

— Не может быть! — сказал тихо кто-то в дальнем конце стола.

9

В семнадцать двадцать по корабельному времени Павел был у кабины.

Здесь он был не туристом. Он работал.

Вернее, ждал, придется ли работать.

Больше с Земли не поступало никаких известий. Ясно было, что переброса не будет.

Тем не менее на «Антее» все вели себя так, словно ничего не случилось. Так решили капитаны. В семнадцать двадцать сотрудники Центра телепортации были на своих местах, готовые к приему.

В отличие от нормальной процедуры на этот раз в отсеке были и оба капитана.

За сто шесть лет полета не было случая отмены переброса.

За столом, когда строились гипотезы, высказывались умные и не очень умные соображения по поводу того, что могло случиться, вспомнили, что однажды вместо одного космонавта приняли другого. Первый внезапно заболел.

Поэтому на «Антее» решено было вести себя так, как будто гравиграммы и не было.

В семнадцать шестнадцать Павел включил свою установку — дубль-контроль.

Установка выдала на дисплее параметры системы. Павел ждал, пока скажет Станцо.

— Параметры нормальные,— сказал Станцо.— Он стоял у основной установки.— К приему готов.

Павел взглянул на индикатор Станца, перевел взгляд на свой индикатор. Идентично.

— Дубль-установка к приему готова,— сказал он.

Было семнадцать семнадцать.

— Раствор нормальный,— сказал Варгези.

Дальше все делала автоматика.

Это были самые длинные минуты в жизни Павла.

— Время,— сказал Джонсон.

— Время,— повторил Станцо.

Приемная кабина была мертва.

Они прождали еще семь минут. Они разговаривали, в этом было даже облегчение. Потому что в те минуты, перед сроком, была неизвестность.

Диагноз подтвердился — переноса не будет.

И больше было нечего ждать.

Капитаны ушли. Капитан-1, маленький, жилистый, так и не сдавший команды, и капитан-2, высокий, худой, очень молодой, даже слишком, с точки зрения Павла, молодой.

А еще через пять минут капитан-1 по внутренней связи оповестил все отсеки о том, что вызывает экипажи в кают-компанию.

Остаются только дежурные.

У кабин остался Станцо. Остальные пошли в кают-компанию.

10

Со стола уже успели убрать.

Только скатерть осталась на длинном столе. И стулья вдоль стола.

Кок принес кофе.

Павел сел рядом с Гражиной.

Варгези молчал. Павел ожидал, что он будет разглагольствовать, но он молчал.

Капитан-1 сказал:

— Мы все же не отказались от попытки приема. Кабина не работала. Больше гравиграмм мы не получали. Мы не знаем, сколько продлится эта ситуация, и мы не знаем, чем она вызвана. Еще вчера все было нормально.

Павел кивнул, хотя никто его кивка не увидел,— он хотел сказать, что он сам прилетел именно вчера, последним из экипажа. И ничего особенного на Земле не было. Шел дождь. Когда Павел бежал от Центра к пусковой базе, он успел промокнуть. У кабины его ждала Светлана Павловна, оператор. Она протянула ему махровое полотенце

и сказала: «Вытри волосы. Неприлично мокрым появляться в другом конце Галактики». Павел так волновался, что не заметил, как прошел к раздевалке, чтобы сдать вещи в контейнер, так и не выпустив полотенца, и Светлане Павловне пришлось бежать за ним.

— Пока у нас нет никаких данных о природе этого... — капитан пытался подобрать правильное слово, — инцидента. Поэтому мы временно считаем наш смешанный экипаж — постоянным экипажем корабля и приступаем к нормальной работе. Как только будут получены новости, мы сообщим экипажу. Есть вопросы?

— Да, — сказала Арминэ, — можно?

— Говори.

— А мы не можем послать отсюда человека? Чтобы он узнал. Кто-то засмеялся. Павел тоже улыбнулся. Даже Варгези улыбнулся.

— Нет, — сказал капитан, сдерживая улыбку. — Каждый школьник знает, что нашей энергии недостаточно, чтобы отправить на Землю даже мышь. Мы отправляем по земному лучу.

— Извините, я забыла, — сказала Арминэ. — Конечно, я должна знать об этом.

— Еще вопросы? Нет? Прошу разойтись по своим постам.

Больше вопросов не было.

Все поднимались молча.

— Я рад, — сказал Павел, когда они подошли к двери.

— Чему? — спросила Гражина.

— Ты теперь не улетишь.

— Улечу, — сказала Гражина. — Первым же рейсом.

— Они на Земле слышали мои молитвы, — сказал Павел.

— Я не разделяю твоих молитв, — Гражина смотрела в упор.

— У тебя друг на Земле? Он ждет?

— Ты умеешь быть нетактичным?

К ним подошла Арминэ.

— Мне страшно, — сказала она.

— Еще чего не хватало! Нам ничего не угрожает, — сказала Гражина, сразу забыв о Павле.

У Арминэ была очень белая кожа и пушок на верхней губе, как у подростка. «Странно, — подумал Павел, — чего можно испугаться?»

11

Павел вернулся к кабине.

Он думал, что застанет там только Станцо, а там уже были и Джонсон, и Варгези, и еще два кабинщика из прошлой смены.

Станцо сказал, что Павел правильно сделал, что пришел. Надо прозвонить все контакты. Даже при тройном дуближе могло произойти что-то экстраординарное.

И они начали работать. Работа была скучной, понятной и ненужной, потому самым фактом своим она отрицала существование последней гравиграммы с Земли.

Сначала работали молча, разделенные перегородками и телами блоков. Потом стали разговаривать. Человеку свойственно строить предположения. Но главного предположения, которое давно крутилось у всех на уме, почему-то долго никто не высказывал. Первым заговорил об этом Павел.

Как самый молодой. Как на старых кораблях — в кают-компаниях первое слово на военном совете предоставлялось самому молодому мичману, а последним говорил капитан.

— Я читал статью Домбровского,— сказал он.

Стало тихо. Все услышали.

Потом Павел услышал голос Станцо.

— Контраргументация была убедительной.

— Над ним просто смеялись,— раздраженно произнес из-за другой стенки голос Варгези.— А ведь он не мальчишка, он же тоже просчитал все варианты.

— Но нельзя забывать,— это говорил Джонсон,— что по его расчетам предел переброски должен был наступить уже шесть или семь лет назад.

— Шесть лет,— сказал Павел.— Критическую точку «Антея» уже прошел.

Статья, о которой шла речь, была обречена остаться достоянием узкого круга специалистов, так как ее напечатали в Сообщениях Вроцлавского института Космической связи, да и сам Домбровский не был кабинщиком. Но она попала на глаза журналисту-популяризатору, который смог понять, о чем в ней шла речь.

Домбровский рассматривал теоретическую модель гравитационной связи. И по его условным и весьма неортодоксальным выкладкам выходило, что гравитационные волны — носители телепортации и связи в галактике — имели определенный энергетический предел. Он утверждал, что конструкторы корабля допустили ошибки в расчетах. И что связь с «Антеем» неизбежно прервется.

Статья была опубликована около десяти лет назад.

Журналист, откопавший статью, добрался до Домбровского, который рассказал на понятном языке, что же он имел в виду. Затем он поговорил с оппонентами Домбровского, которые указали на три очевидные ошибки в расчетах Домбровского. И эту дискуссию журналист опубликовал.

И хоть аргументы оппонентов Домбровского были куда внушительней, чем его расчеты, именно выступление журнала вызвало к жизни бурные споры, которые формально завершились поражением Домбровского. Хотя некоторые сильные математики признавали, что в расчетах Домбровского что-то есть. В пользу его выкладок гово-

рило и то, что расход энергии на связь и телепортацию рос быстрее, чем предполагалось вначале.

Вновь о статье вспомнили через четыре года, когда, если верить Домбровскому, связь должна была оборваться.

Связь не оборвалась, но произошел новый скачок в потреблении энергии. Оппоненты Домбровского облегченно вздохнули, но и его сторонники не умолкли.

Прошло еще шесть лет.

— Даже если это не так,— сказал Варгези,— полет уже сейчас — пустая трата энергии. Каждая переброска стоит столько же, сколько возведение Вавилонской башни.

— К счастью, Вавилонская башня нам не требуется,— сказал Станцо.

— А может так случиться,— сказал Павел,— что теперь мы остались одни? Ну, если Домбровский в чем-то прав.

Никто ему не ответил.

— А что тогда делать? — спросил Павел после долгой паузы.

— Ясно что,— сказал Варгези.

И опять же остальные промолчали.

Но так как для Павла ясности не было, он повторил вопрос.

— Возвращаться,— сказал Станцо.

12

На ужин все свободные от вахт собрались в кают-компании. Ужин был из разряда «сухих именин» — остатками обеденного пиршества. Павел прибежал одним из первых, крутил головой, ожидая, когда войдет Гражина. Пришла Арминэ, очень грустная, и сказала, садясь рядом с Павлом:

— Гражина не придет.

— Устала?

— Злится.

— Почему?

— Ты же знаешь,— сказала Арминэ.— Мы разговаривали с нашими навигаторами. Знаешь, сколько займет разворот корабля?

— Не задумываясь.

Они разговаривали тихо, думали, что их никто не слышит. Но услышал биолог, сидевший напротив.

— Два месяца,— сказал он.— Как минимум два месяца. Навигаторы сейчас разрабатывают программу.

— Наверное, больше, чем два месяца. И неизвестно, сколько лететь потом, прежде чем восстановится связь. Предел Домбровского довольно неопределенный.

Павел удивился. Ему казалось, что лишь в их отсеке подумали

о связи событий с теорией Домбровского. Оказывается, везде на корабле думали одинаково.

— Ну и ничего страшного,— сказал Павел.— Два-три месяца полетаем вместе.

— А мы думали, что завтра будем дома.

— Что за спешка?

Легкомыслие иногда нападало на Павла как болезнь. Он потом сам себе удивлялся — почему вдруг серьезные мысли пропадают куда-то?

Арминэ положила ему на тарелку салата.

— Ты хочешь сказать, что ты рад?

Павел понял, что ведет себя глупо. Оснований для радости не было. Он оказался в той несчастливой смене, которая, возможно, присутствовала при конце полета — громадного, векового порыва человечества, провалившегося в нескольких шагах от цели.

— Проклятый Домбровский,— сказал Павел.

— Не знаю, когда ты притворяешься — сейчас или раньше,— сказала Арминэ.— Но в самом деле это трагедия. Я всегда думала, что побываю на звездах. Я думала, что еще буду нестарая, когда выйду из кабины на планете другого мира. Представляешь, сколько лет и усилий! И все впустую.

— Не впустую,— сказал Павел.— К тому же меня можно понять. Я фаталист.

— Почему?

— Если я бессилен, то не буду ломиться лбом в стену. Я думаю о том, что в моей власти.

— А что?

— Надо искать утешение. Да, полет прекратится, но ведь мы будем все вместе. Все вместе полетим обратно. А потом, когда восстановится связь, может, окажется, что тревога была ложной и корабль снова полетит к звездам.

— Нет,— сказала Арминэ.

— Почему?

— Мы уже посчитали, что торможение, разворот и переход на обратный курс съест все ресурсы корабля. Ведь «Антей» рассчитан на один полет. Через какое-то время придется его оставить.

Павел кивнул и принялся за чай.

Не мог же он признаться Арминэ, черные брови которой трагически сломались над переносицей, что не ощущает трагедии. Главное, что Гражина остается на «Антее». Два месяца, три месяца... там видно будет.

— Что-нибудь придумаем,— сказал Павел к удивлению Арминэ.— Жаль только Макис не прилетел. Мы с ним с первого курса дружим.

На следующий день жизнь корабля шла обычно, как освящено традициями.

Помощник капитана-2 вызвал к себе Павла, Джонсона, еще одного стажера — биоэлектронщика.

Павел знал, зачем.

Помощник, человек молчаливый, даже мрачный, провел их в каютку. Выдал по пульверизатору с клеем. Губки. Баллоны. Щупы. Роботов на корабле было мало, и каждая смена начиналась с косметического ремонта. Пластиковые покрытия кое-где состарились. Их надо было подклеивать, чистить, если нужно, заменять. Можно считать на сто лет пути корпус корабля, двигателя, переборки, но всех мелочей не предусмотреть. Старела посуда, мебель, ткани... К тому же на корабле была пыль.

Павлу достался спортивный зал.

Когда он уходил, помощник капитана сказал:

— Берегите клей. И пену.

— Почему?

— А вы мне можете сказать, когда будет следующая доставка? — спросил помощник капитана. Как положено хозяйственнику, он был перестраховщиком. Но в его словах отражалась та неизвестность, что постепенно овладевала экипажем корабля.

В спортивном зале на матах боролись два механика, а Арминэ старалась сделать сальто назад на бревне. Каждый раз она не удерживалась и соскакивала на мат. Павел медленно пошел вдоль стены, глядя, не отстал ли где пластик. На корабле существует главное правило — если можешь не мешать человеку, не мешай. Когда ты собираешься провести год в железной банке с тридцатью другими людьми, деликатность — лучшее оружие против конфликтов.

Стена справа от входа — особая стена. Здесь расписываются все, кто побывал на борту «Антея». Кто-то очень давно рассчитал, сколько места потребуется для всех, и потому подписи первых лет находились высоко, под потолком. Но тот, кто считал, не учел, что на корабле с каждым разом будет все меньше людей. Так что последние подписи оказались на высоте груди. До пола ковер подписей так никогда и не дотянется.

Павел остановился у стены подписей.

Без стремянки не разберешь имен самых первых космонавтов.

Зато подпись Гражины Тышкевич прямо перед глазами.

Арминэ Налабандян рядом.

— Ты сегодня ремонтник? — спросила Арминэ.

— А когда расписываться? — спросил Павел. — Вначале или в конце смены?

— Ты имеешь право расписаться уже сейчас,— сказала Арминэ.— Но обычно перед отлетом.

— Я подожду,— сказал Павел.— Но я хочу, чтобы мое имя стояло рядом с именем Гражина.

— Ты sentimentalный студент.

— А ты?

— Мое сердце далеко отсюда,— сказала Арминэ. Она помолчала, глядя себе под ноги, потом добавила: — Так я и не научилась делать сальто.

— Вся жизнь впереди,— сказал Павел.— К тому же пока будем разворачиваться, потренируешься.

— Я чувствую, что не переживу,— сказала Арминэ.— Я уже мысленно на Земле. Как будто все, что здесь,— это мне только снится. Такой вот неприятный сон.

— И я кошмарное чудовище.

— Ты неплохой парень,— сказала Арминэ. — Иначе бы я с тобой не разговаривала.

— Гражина тоже так думает?

— Я никогда не знаю, что же в самом деле думает Гражина. Она очень боится, что ее сочтут слабой.

— А ты?

— Я боюсь растолстеть,— сказала Арминэ.— Кому я буду нужна такая толстая? — Полные губы улыбнулись, а карие глаза были печальными.

— Ты не толстая, ты... крепкая,— сказал Павел.

— Это совсем не комплимент. Работай, я не буду мешать. Я еще немного попрыгаю.

Арминэ ушла к бревну, а Павел начал водить щупом по стенам, проверяя, не отстала ли облицовка.

Потом снова остановился.

Перед черным ящиком. Или копилкой. Любое название годилось.

Ящик стоял в углу.

В нем была щель как будто для монеток, только для очень больших монеток, размером с тарелку. Да и копилка сама была по пояс Павлу.

Сюда каждый, кто хотел, мог перед уходом с «Антея» кинуть на память о рейсе какую-нибудь вещь, которую хотел послать к Проксиме Центавра. Одни оставляли записку, другие—значок или кассету с любимой песней. Или носовой платок. Или вырезанную из дерева фигурку, или свою фотографию.

Когда «Антея» долетит до той планеты, Черный ящик вынесут и закопают там. И пускай никто не узнает, что за привет послал тот или иной его пассажир. Главное, чтобы приветы добрались до цели.

— Сейчас не время рассуждать, чья в том вина,— сказал капитан-2.— Но мы за ночь провели инвентаризацию корабельного хозяйства. Иногда это полезно сделать. Если запасов пищи, с учетом оранжереи и гидропоники, нам хватит надолго, вода в замкнутом цикле также не проблема, то многие, в общем, важные вещи на «Антей» подходят к концу.

— Что, например? — спросил Джонсон.

— Например, мыло,— сказал капитан-2.

Это было так неожиданно, что Джонсон хихикнул.

— Сгущенное молоко,— сказал капитан-1,— нижнее белье.

— И многое другое,— заключил фразу капитан-2.

— Пришлют,— прошептал Павел Арминэ.

Арминэ сама села рядом с ним, Павлу казалось, что он давно ее знает. С ней было легко, не то что с Гражиной. Гражина сидела в стороне и не замечала Павла.

— Когда пришлют? — прошептала в ответ Арминэ.— Мы же не знаем.

— Мы хотим сообщить вам еще кое-что о состоянии систем корабля. Оснований для тревоги нет, но основания для беспокойства имеются.

Капитан-2 достал желтый лист и начал зачитывать длинный список наличности всяких вещей и запасных частей к приборам. Павел поглядывал на Гражину, надеясь, что она взглянет в его сторону.

Когда капитан-2 кончил зачитывать список, слово взял капитан-1.

— Мы ознакомили вас с положением дел,— сказал он,— потому что мы стоим перед дилеммой. Решение первое: мы начинаем торможение и разворот корабля. Эта операция займет примерно шестьдесят восемь дней, после чего мы сможем двигаться обратно к Земле, придя еще через двадцать шесть суток к той точке, где мы получили последнюю гравиграмму с Земли.

— Три месяца,— подсчитал Павел.

И вот, как ни странно, можно обвинять Павла в легкомыслии, в том, что он недостаточно глубокая натура и судьбы великого дела не волновали его должным образом, зато волновали зеленые глаза Гражины, но факт остается фактом — только услышав, как капитан холодным и бесстрастным голосом подсчитывает сроки разворота и подчеркивает нужду в экономии, потому что неизвестно, когда восстановится связь, Павел вдруг не умом, а внутренне, для себя, понял, что и в самом деле «Антей» никогда уже не долетит до Проксимы Центавра и все поэмы об этом полете, все книги и воспоминания о нем, все картины и фильмы — все это нап-

расно, и труд тех людей, которые собираются ежегодно на встречу «антеевцев», тоже напрасён, вернее, почти напрасен. Нет, никто не будет отрицать научной ценности полета. Но было в свое время немало экспедиций к Северному полюсу. И к Южному полюсу. Они не доходили до цели, хотя результаты их подвигов и достижений были велики. А запомнили Амундсена и Скотта — тех, кто дошел. Потому что если ты объявил Северный полюс целью своего похода — то уж, пожалуйста, доберись до него.

— Есть альтернатива.

Павел задумался и не сразу понял, что говорит Гражина.

Гражина сказала эти слова напряженно, будто решила скрыть тайну, которую нельзя было произнести вслух.

— Знаю, — сказал спокойно капитан-2. — И эту альтернативу мы тоже рассматривали и хотим обсудить.

«Мы полетим дальше, — вдруг подумал Павел, хотя еще за секунду до того такой мысли у него не было. — Мы полетим дальше в надежде на то, что произошла ошибка, авария. И через сколько-то дней или даже месяцев связь восстановится».

— Существует инструкция, — сказал капитан-2, — на случай прекращения связи. Она предусматривает один выход — повернуть назад. Но... — капитан-2 поглядел на Павла, словно обращался только к нему, — инструкция не учитывает, что это могло случиться так близко от цели.

— Относительно близко, — сказал Варгези.

— Относительно, — согласился капитан-2, — и все же настолько близко, что есть возможность продолжить полет.

Станцо, сидевший неподалеку, вздохнул. И Павлу показалось, что с облегчением. Неужели он тоже думал о таком решении?

— Мы допускаем, — продолжал капитан-2, — что через несколько дней или недель связь будет восстановлена. При условии, что обрыв ее — случайность. Но в таком случае мы обязаны учитывать и другой вариант. Допустим, что Домбровский был прав.

Капитан-2 замолчал, взял со стола стакан, налил воды, выпил. И было очень тихо. И в этой тишине доктор Варгези спросил:

— И где же предел этого ожидания? Сколько мы будем лететь, испытывая научную компетентность физика Домбровского? Месяц? Год? Сколько мы будем ждать? Пока не кончится мыло? Или пока не выпьем последнюю банку сгущенного молока?

— Очевидно, — капитан-2 осторожно, будто боясь разбить стакан и тем уменьшить количество посуды на корабле, поставил его на стол, — мы не должны в таком случае ставить предел. Мы должны предположить, что предел — звездная система Проксимы Центавра.

— То есть? — Голос Варгези повысился, будто он требовал от капитана признания вины. — Скажите, сколько лет?

— Тринадцать лет, — сказал капитан.

— Нет, — громко проговорил Варгези. — Двадцать шесть. Двадцать шесть лет. Мы должны рассматривать худший вариант: полет до цели, установку, возможно, никому не нужной кабины и возвращение к пределу Домбровского.

И та и другая цифра была для Павла абстракцией. Год — это много. Год. А двадцать шесть... двадцать шесть лет назад, как говорит отец, его еще не было в проекте.

Павел подумал, что сейчас все будут горячо спорить, кто-то испугается, кто-то обрадуется. Гражина закричит: «Нет!» А сам Павел? Он был сторонним наблюдателем. Он смотрел на эту сцену откуда-то издали, и даже голос капитана, который продолжал говорить в полной тишине, долетел как сквозь вату.

— Вариант, который мы рассматриваем, — говорил он, — возник не сразу. Сначала мы просчитывали лишь естественное решение.

Тут Павел поймал себя на том, что, продолжая оставаться сторонним наблюдателем, он начал считать. Он смотрел на Станцо и считал: Станцо сорок три года, сорок три плюс двадцать шесть — шестьдесят девять. Это не очень большой возраст, но известно, что в замкнутом пространстве «Антея» (а тут ставились эксперименты по этой части) старение организма идет быстрее, чем на Земле. А каким будет Станцо в семьдесят лет? С белой бородой?

«Капитану-2, — думал Павел, — куда меньше сорока. Может, поэтому говорит он, а не капитан Лех, которому около пятидесяти. Он даже может умереть и никогда не вернуться на Землю. Они будут лететь и лететь, а капитан-1 умрет уже от старости...»

— Сто шесть лет назад, — сказал капитан-2, — на Земле произошло очень важное событие, может, одно из самых важных в ее истории. Был отправлен первый звездолет. Все знали, сколько лет ему предстоит лететь. Те, кто строил и отправлял его, знали, что никогда не увидят своей победы. Они это делали для нас с вами. Много тысяч людей летели на нем. И мы думали, что скоро установим кабину в созвездии Центавра и Земля сделает невероятный скачок вперед — человечество в самом деле станет галактическим.

Капитан говорил медленно, внятно, словно вспоминал выученный текст.

— Несколько поколений людей на Земле росли со знанием того, что тот шаг будет совершен. Я, наверное, не очень хорошо объясняю, потому что речи — не моя специальность. И вот сейчас несколько миллиардов человек ждет этого свершения. Но где-то произошла ошибка. Вернее всего произошла ошибка. Не может же все идти гладко. Но ошибка не трагическая. Не трагическая для отдельных людей, но трагическая для человечества.

— Человечество живо и будет жить еще довольно много лет, — сказал Варгези.

— Да, я знаю, и знаю даже, что современные корабли летят почти вдвое быстрее «Антея», что можно построить новый корабль. Но давайте сосчитаем вместе с вами. Строительство «Антея» заняло шестнадцать лет. Допустим даже, что строительство нового корабля займет вдвое меньше времени, втрое меньше. Это пять лет. Сам полет — полвека.

— Больше, — сказал механик из старой смены. — Практически это семьдесят лет. Я уже думал об этом.

— Более семидесяти лет никто из людей не сможет вновь увидеть вблизи звезду.

— Это не трагедия.

— Наверное, нет, доктор, — сказал капитан. — Назовем это разочарованием. Назовем разочарованием и те средства, которые Земля вложила в наш полет. В некоторые годы до четверти энергии Земли. Земля жертвовала многим ради «Антея».

— Тщеславие планеты хуже тщеславия отдельного человека, — сказал Варгези. Павел вспомнил, что Варгези это уже говорил недавно. Но тогда слова его звучали иначе.

— Назовите мечту тщеславием, ничего от этого не изменится, — сказал капитан. — Но есть миллионы и миллионы людей, которые ждут.

— А мы? — вдруг сказала Гражина. — Мы же тоже ждем. Мы, может, ждем больше, чем другие.

— Правильно, — сказал капитан-2. — Я, например, очень жду. В значительной степени «Антей» определил не только мою профессию, но и мою жизнь. Поэтому сам я за второй вариант.

— Двадцать шесть лет, — сказал Варгези.

«А он, наверное, доживет, — подумал Павел. — Ему и сорока нет. Представить смешно: нас снимут с корабля, и не будет ни одного молодого. Даже Гражина. И я. Все немолодые».

И вот тогда Павел понял, что все, что здесь говорится, касается его. В первую очередь его. Это он проведет здесь всю свою жизнь, а двадцать шесть лет — это вся жизнь.

— Вы все знаете, — продолжал капитан-2, — что работы по усовершенствованию гравитационной связи продолжаются. Я надеюсь, что наша робинзонада продлится куда меньше тринадцати лет.

— А если предел связи окончателен? — донеслись чьи-то слова.

— У нас хватит энергии на один разворот. Мы все же долетим и вернемся.

— Корабль стар, — тихо произнес Варгези. — Это развалина. Мы не знаем, что будет с ним дальше.

— Двигатели и корпус рассчитаны на двести лет. Вы же знаете. Правда, придется экономить. Все. От питания до мелочей.

И вдруг заплакала Арминэ.

— Мы должны решить это все вместе, — сказал капитан-2. — И это сразу не решишь.

15

Все разошлись, почти не разговаривая.

Павел даже понимал, почему. Если бы решение было менее важным, если бы это была не собственная жизнь, люди, наверное, остались бы в кают-компании, спорили, обсуждали.

А тут все на какое-то время стали друг другу чужими.

И расходились тихо.

И Павел понял, что он не хочет подходить к Гражине и не хочет утешать Арминэ, которая плакала, отвернувшись к стене. Ей бы уйти к себе в каюту.

Павел пошел по коридору. Совершенно один.

Он шел долго.

Потом оказался в пустой оранжерее. Это было ненамеренно. Просто его подсознание вспомнило о вчерашнем путешествии.

Сейчас оранжерея показалась еще более жалкой.

Кошка, застигнутая Павлом у двери, сиганула в сухие кусты, послышался треск ветвей. Павел поскользнулся на лишайнике, выросшем между гряд. Потом сел на грядку. Как будто был на Земле и вышел в огород, в маленький огород, который пестовала его бабушка в Скнятине, под Кимрами.

Павел не думал о том, что ждет его. Это было еще слишком невероятно. Он думал о том, чего не успел сделать на Земле и что отложил до своего возвращения. Симона, она кончила институт три года назад, звала на подводную станцию на Гавайях. Он очень хотел туда слетать. Потом ему стало жалко бабушку. Потому что он ее никогда не увидит. А если увидит Симону, то она будет старой. Они с Жеребиловым строили катер. Давно строили, третий год. Жеребилов сказал перед отлетом: «Шпангоут я за год одолею, а обшивка на твоей совести». А почему он не отдал книгу Володину? Догадается Володин взять ее? Она на второй полке у самой двери. Там же кассеты старого диксиленда. У бабушки в деревне он посадил три яблони. Эти яблони тоже будут старыми. Бабушка стала слаба, яблони могут вымерзнуть, если будут сильные морозы... Все это были ничего не решающие мысли.

И Павел понял, что он думает обо всем этом так, словно он уже решил лететь дальше на «Антее». Потому что примеривается к потерям. И примиряется с потерями.

Он вспомнил, что ему как-то попался фантастический роман. Из тех старых романов, которые появились еще до отлета «Антея». Там люди жили на космическом корабле поколение за поколением, рож-

дались, умирали на борту и даже забыли постепенно, куда и зачем они летят. А если у нас с Гражиной будут дети, то они вырастут к возвращению на Землю и совершенно не будут представлять себе жизнь на Земле. Да и мы тоже не будем этого представлять. Возвращение со звезд в мир, который ушел далеко вперед и забыл о тебе. К другому поколению. Ископаемый герой Павел Иванов! Где ему место? В заповеднике?

Так когда-то люди осваивали Землю.

Уходили в море полинезийские рыбаки, их несло штормом. Или течением. Многие погибали. Но одна пирога из тысячи добиралась до нового атолла или даже архипелага. Люди выходили на берег, строили дома, и только в легендах оставалась память о других землях.

И потом этот остров открывал капитан Кук. Хотя полинезийцы не знали, что их открывают. Может быть, это закон распространения человечества, о котором еще не знает наука?

А что, если мы никогда не вернемся на Землю?

Связь так и не восстановится и почему-то — мало ли почему — «Антей» останется у Проксимы Центавра. Он же старый корабль...

Вдруг Павлу показалось, что в оранжерее холодно и неуютно.

Кошка сидела неподалеку, смотрела на него, склонив голову. Может, вспомнила о том, что люди кормят кошек?

— Ничего у меня нет, — сказал Павел вслух.

Кошка метнулась серой тенью к кустам и исчезла.

Павел пошел прочь.

Ему вдруг захотелось, чтобы рядом были какие-то люди, нормальные люди, которые знают больше тебя.

И он пошел к кабинам.

16

Там были уже все.

Витийствовал Варгези. Павлу было ясно, что он — главная оппозиция на корабле.

— Гуси спасли Рим, — говорил Варгези, глядя на Павла пронзительными черными глазками. — Но никто не задумывается о их дальнейшей судьбе. А ведь гуси попали в суп. В спасенном же Риме. Так что на их судьбе факт спасения Рима никак не отразился. Представляете, что говорили их потомки: наш дедушка спас Рим, а потом его съели.

Варгези сделал вид, что улыбается, но улыбка не получилась.

— Мы не гуси, — сказал Павел.

— Пришло молодое поколение, готовое к подвигам, — сказал Варгези язвительно.

— Формально Варгези прав. Но дело не в том, гуси мы или нет,— сказал Станцо. — Главная ошибка нашего доктора заключается в том, что домашние гуси функционально предназначены для того, чтобы их кушали. Спасение Рима для них случайность.

— Я все равно в принципе возражаю против героизации, — сказал Варгези. — Чего только человек не натворит в состоянии аффекта. Муций Сцевола даже опустил свою руку в огонь. В тот момент он не представлял себе ни болевых ощущений, на которые он обречен, ни того, как он обойдется без руки.

— Так можно ополшить что угодно, — не выдержал Павел.

— Мичман, не перебивайте старших, — сказал Варгези. — Я понимаю, что мои слова вызывают у вас гнев. Но научитесь слушать правду и вообще научитесь слушать. Мы покоряем космос, а уважать окружающих так и не научились.

— Меня все это касается больше, чем вас. — Павлом овладело упрямство.

— Любопытно, почему больше?

— Вы уже все прожили, — сказал Павел. — А я только начинаю.

— Вы что же думаете, что мне надоела жизнь?

— Нет, не надоела, но вы много уже видели. Вам будет что вспоминать. А мне мало что можно вспомнить.

— Аргумент неожиданный, — сказал Станцо, — но очень весомый.

— Значит, вы за то, чтобы повернуть обратно? — спросил Варгези.

— Не надейтесь, я вам не союзник, — сказал Павел. — Я, если все решат, согласен лететь дальше.

— Почему, юнга?

— Потому что не верю в то, что подвигов не бывает.

— Значит, вам хочется славы? Хотя через тридцать лет, но славы? И вы не уверены, что вам удастся ее нажать без аварии, которая приключилась с нами?

— Я не думал о подвиге, — сказал Павел убежденно. — Но мне будет стыдно. Мы вернемся, и нас спросят — как же вы испугались? И все будут говорить: на вашем месте мы бы полетели дальше.

— Такая опасность есть, — произнес Джонсон. — В воображении каждый полетит дальше.

— В воображении очень легко идти на жертвы! — почти закричал Варгези. — В воображении я могу лишиться обеих рук. Им, которые так будут говорить, ничего не грозит. Они не запаковывают себя на четверть века в ржавой банке, которую закинули в небо.

— Жалко, — сказал Станцо.

— Что жалко?

Станцо говорил очень тихо, будто не был уверен, стоит ли делиться своими мыслями с окружающими.

— Жалко, что мы не долетим.

И в слове «мы» умещалось очень много людей. Как будто Станцо вдруг представил себе всю Землю, которая не долетела до цели.

— Жалко было бы в случае, — почти закричал Варгези, — если бы мы знали, что от нашего полета зависят судьба, жизнь, благо Земли. Но поймите же — ни один человек не заметит, долетели мы или нет. А вот если мы не вернемся, нашим близким будет плохо. Только в фантастических романах и бравых песнях космонавты навечно покидают родной дом. Ради Прогресса с громадной буквы.

Павел не заметил, как вошел капитан-1. Может, он стоял давно, его никто не заметил.

— Простите, — сказал он. — Можно, я не соглашусь.

— Разумеется, — сказал Варгези воинственно. — Мне будет интересно узнать, в чем моя ошибка.

— Не ошибка. Перекос. Вы сказали, что никого не трогает, долетим мы или нет...

— Конечно, «Антей» давно лишь символ.

— Вы говорите, что этот полет не отразится на судьбе Земли.

— А вы можете возразить и на это?

— Если суммировать ту энергию и труд, которые вкладывались сто лет в этот корабль, то понятно, что это делалось за счет отказа от прогресса на других направлениях. Можно предположить, что некоторые люди, отдавшие свои силы кораблю и полету, смогли бы немало сделать в иных областях знаний. Можно предположить, что за счет энергии, которая пошла на полет и телепортацию, можно было бы создать на Луне искусственную атмосферу и превратить ее в сад.

— Преувеличение, — сказал Станцо.

— Может, и преувеличение. Но «Антей» оказался прожорливым младенцем.

— С другой стороны, — сказал Джонсон, — само строительство корабля, опыт его полета — все это немало дали.

— Правильно. Но делалось все ради конечной цели. Солнечная система тесна для человечества. В наших руках судьба шага в иное измерение человеческой цивилизации.

— Планета может оказаться пустой.

— Кабина на ней станет окном в центр Галактики. Горные вершины пусты. Но они вершины.

— Аналогия с альпинизмом здесь поверхностна, — сказал Варгези.

«Сейчас я его задушу, — подумал Павел. — Задушу, и на корабле сразу станет легче дышать».

— Люди стремятся на Эверест, — сказал капитан-1, — хоть там холодно и не дают пива. Люди шли к Северному полюсу. А там ничего кроме льда. Да и вас, Варгези, никто не тянул в космос.

Сколько раз вы проходили медкомиссию, прежде чем вас выпустили?

— Вот это лишнее, — сказал Варгези. — Ведь я ее в конце концов прошел.

17

Если бы кто-то попытался поговорить с участниками рейса о том, что они передумали и пережили за те два дня, когда принималось решение, оказалось бы, что почти все ощущали подавленность, глубокую грусть о тех, кто остался дома. Но за немногими исключениями, тридцать четыре человека, что были тогда на борту «Антея», не терзались перед неразрешимой дилеммой.

Возможно, это объяснялось тем, что большинство членов экипажа были профессиональными космонавтами. Механики гравитации, навигаторы, даже биологи и cabinщики не впервые выходили в космос. В сущности, качественная разница между полетом корабля среди звезд и в пределах Солнечной системы не становится количественной. Тот же распорядок жизни, те же месяцы отрезанности от мира, которые становятся нормой существования. Спутники капитана Кука, уходя на три года в море, считали эту эпопею обычной работой.

Разумеется, двадцать шесть лет и год-два — это большая разница.

К тому же поворот событий был неожиданным.

Профессионализм предусматривает чувство долга. Они летели к звезде, и обстоятельства сложились так, что ради завершения полета им приходилось идти на жертвы. Торможение и разворот корабля лишали смысла столетний полет. «Антей» станет путешественником, повернувшим обратно в нескольких днях пути от полюса или от вершины, потому что путь слишком труден. Не невозможен, а труден. И в этом была принципиальная разница.

Поэтому гравиграмма, отправленная на следующий день к Земле, сухая и даже обыденная, отвечала действительному положению дел.

«После обсуждения создавшейся ситуации экипаж корабля «Антей» принял решение продолжать полет по направлению к Проксиме Центавра, выполняя полетное задание...»

Правда, не было уверенности, что послание достигнет цели.

18

Гравиграмма не передает деталей.

Детали все же были.

Ночью Павел, не в силах заснуть, бродил по кораблю — его

угнетала неподвижность сна — и вышел к Зимнему Внешнему саду. Он пожалел, что не взял плавок, чтобы искупаться, потом решил, что все равно искупается, потому что вряд ли кому еще придет в голову идти сюда ночью. И только начал раздеваться, как увидел, что к бассейну, полотенце через плечо, подходит Гражина.

— Еще минута, — заявил он, — и я бы нырнул в бассейн в чем мать родила.

Он почувствовал, что улыбается от щенячьей радости при виде Гражины. Если бы у него был хвост, он бы им отчаянно крутил.

— Если я мешаю, то уйду.

— Знаешь ведь, что я рад, — сказал Павел.

— Не знаю, — сказала Гражина.

И тут же остановила жестом узкой руки попытку признания.

Гражина сбросила халатик и положила на диван. На этот раз на ней был красный купальник.

— Сколько их у тебя? — спросил Павел.

— Ты о чем? — Гражина остановилась на кромке бассейна.

— Разрешено брать три килограмма личных вещей — ты привезла контейнер купальников?

— Удивительная прозорливость. Я их сшила здесь.

— Ты еще умеешь и шить?

— Играю на арфе и вышиваю гладью, — ответила Гражина. — Можешь проверить.

И прыгнула в воду. Брызги долетели до Павла.

Когда голова ее показалась над водой, Павел крикнул:

— А мне сошьешь? Я не догадался взять плавки.

— Не успею, — ответила Гражина. — Я отсюда хоть пешком уйду — только бы с тобой не оставаться. Самовлюбленный павиан.

— Ты первая, кто нашел во мне сходство с этим животным.

Пришлось еще подождать, потому что Гражина под водой переплыла бассейн до дальнего борта. Павел любовался тем, как движется в воде тонкое тело.

Когда она вынырнула, он спросил:

— А если ты так хотела на Землю, почему ты первой сказала о второй альтернативе?

— О том, чтобы лететь дальше?

— Ты сказала раньше капитана.

— И ты решил, что из-за тебя? Чтобы остаться с тобой на ближайšie четверть века?

— Нет, не подумал.

— И то спасибо. Я сказала об этом, потому что это было естественно. Я бы не сказала, сказал бы кто-то другой.

— А если завтра спросят...

— Я скажу, что согласна.

Гражина цепко схватилась за борт, подтянулась и села, свесив ноги в воду.

— Тогда скажи, почему?

— Сначала я тебе отвечу на другой твой вопрос, который ты еще не задал. Спешу ли я к кому-то на Земле? Меня ждет мама. Наверное, отец, но он очень занят. Он не так часто вспоминает, что у него выросла дочь. Есть мужчина, который думает, что меня ждет... Мы что-то друг другу обещали. Обещали друг друга. Как будто должны вернуть взаимный долг. Он старше меня. Я чувствую себя обязанной вернуться к нему, потому что он ждет. И, честно говоря, я очень по нему соскучилась. Он интересный человек. Мне никогда не бывает с ним скучно...

— Ладно, — не очень вежливо перебил ее Павел. — Ты себя уговорила. Я осознал. Я проникся. Я начинаю рыдать.

— Тогда считай, что мы обо всем поговорили.

— Нет, не поговорили. Ты не ответила на главный вопрос.

— На вопрос, почему я согласна остаться здесь? Да потому что у меня нет другого выхода.

— Есть. У каждого из нас — есть. Я думаю, если хоть один человек скажет, что он не согласен, мы вернемся обратно.

— И ты хотел бы, чтобы я была тем самым человеком, из-за которого это случится?

— У каждого своя жизнь. Только одна.

— И ты хотел бы быть таким человеком? Или, может, ты уже решил стать таким человеком?

— Я подожду, пускай кто-то скажет первым.

— Это еще подлее. Ты, оказывается, и трус?

— Трус потому, что хотел бы вернуться?

— Трус потому, что не смеешь в этом признаться.

— Дура! — в сердцах закричал Павел. — Я не буду проситься обратно. Я знаю, что не буду проситься!

— Скажи, почему?

— Ты рассердишься!

— Из-за меня?

— Да.

— Глупо.

— Я тебе противен?

— Дурак. Ты самый обыкновенный. И наверное, не хуже других. Я еще очень мало тебя знаю. Но любой женщине... любому человеку это приятно. Лестно.

— Спасибо, и все же ты не сказала о себе. Почему нет выхода?

— Потому что я выбрала такую профессию, которая несет в себе риск не вернуться домой. Не все корабли возвращаются на Землю. Это было и это будет.

— Я понимаю, когда так говорит капитан-1. Он космический волк.

— Не надо меня недооценивать, — сказала Гражина, — если тебе нравится форма моих бровей или ног. Я не слабый пол.

— Не пугай меня. Мне не хотелось бы, чтобы у моей будущей жены был характер potvrждение моего.

— Твое счастье, что я не буду твоей женой. К тому же я старше тебя на два года.

Потом Павел проводил Гражину до ее каюты. Они говорили о Ялте. Оказалось, что оба жили недавно на Чайной горке, в маленьком пансионате.

Дверь в каюту Гражины была приоткрыта. Горел свет.

На кровати Гражины лежала, свернувшись калачиком, Арминэ.

Она сразу вскочила, услышав их шаги в коридоре.

— Прости, — сказала она Гражине. — Мне страшно одной в каюте. Я уйду.

— Спокойной ночи, Павел, — сказала сразу Гражина.

19

Торжественность последнего собрания в кают-компании объяснялась, видно, тем, что все присутствующие старались показать — подсознательно или сознательно, что ничего экстраординарного не происходит. Собрались для обсуждения важного вопроса, разумеется, важного. Но не более. И готовы вернуться к своим делам и обязанностям, как только обсуждение завершится.

Павел сел сзади, на диван у шахматного столика.

Он подумал, что воздух здесь мертвый, наверное, потому, что никогда не оплодотворялся запахами живого мира. Павлу захотелось открыть окно. Именно потому что этого нельзя сделать. Год еще можно протерпеть в закрытой комнате, в которой нельзя открыть окно, но как же жить в этой комнате много лет? Нет, надо думать о чем-то другом, смотреть на лица, чтобы угадать заранее, кто и что скажет.

И он понимал, что если капитан-1, весь какой-то выглаженный, вымытый, дистиллированный сегодня, обратится к нему, он, Павел, скажет «да». Но Павел ничего не мог поделать с червяком, сидевшим внутри и надеявшимся на то, что другие, например мрачный Варгези или Арминэ, складывавшая на коленях влажный платочек, или не проронивший за последний день ни слова Джонсон, скажут «нет».

И он поймал себя на том, что внушает Варгези, чтобы тот поднялся и сказал: «Это невыносимо, чтобы все мы, включая таких молодых людей, как Павел, которые очень спешат домой, отказывались от всех прелестей жизни среди людей ради абстрактной цели...»

И Павлу стало стыдно, так стыдно, что он испугался, не покраснел ли — он легко краснел. И он боялся встретиться взглядом с Гражиной, для которой все ясно и которая все решила. А почему она должна решать за него, за Павла?

— Иванов, — сказал капитан-1, — вы самый молодой на борту. Вы должны сказать первым.

Павел вдруг чуть не закричал: «Не я! Не надо меня первым!»

Это как на уроке — смотришь за пальцем учителя, который спускается по строчкам журнала. Вот миновал букву «б», и твой сосед Бородулин облегченно вздохнул, вот его палец подбирается к твоей фамилии, и ты просишь его: ну проскочи, минуй меня, там еще есть другие люди, которые сегодня наверняка выучили это уравнение или решили эту задачу.

Павел поднялся и, не глядя вокруг, ощутил, как взгляды всех остальных буквально ждали его.

И в голове была абсолютная первозданная пустота. Точно так же, как тогда, в школе. Только нельзя смотреть в окно, где два воробья сидят на ветке, и думать, какой из них первым взлетит. А что касается уравнения, то никаких уравнений не существует...

Павлу казалось, что он молчит очень давно, может быть, целый час.

Но все терпели, все ждали — ждали все двадцать секунд, пока он молчал.

— Да, — сказал Павел.

— Прости, — сказал капитан-1. — Под словом «да» что ты имеешь в виду?

— Надо лететь дальше.

— Спасибо, — сказал капитан-1.

И повернулся к молодому навигатору, стажеру, который прилетел вместе с Павлом.

Тот поднялся быстро, словно отличник, ожидавший вызова к доске.

— Лететь дальше, — сказал он.

Павлу было легко. Как будто сделал очень трудное и неприятное дело. А теперь стало легко. И он уже видел всех обыкновенными глазами. И вообще, первые слова как будто разбудили кают-компанию. Кто-то откашлялся, кто-то уселся поудобнее...

Люди вставали и говорили «да».

И говорили куда проще и спокойней, чем представлял себе Павел.

Десятым или одиннадцатым встал Варгези.

Павел понял, что наступает критический момент. И видно, это поняли многие. Снова стало очень тихо.

— Лететь дальше, — просто сказал Варгези.

Павлу показалось, что все облегченно вздохнули.

А может, кто-то был также слаб, как Павел? И вздохнул без облегчения. А наоборот? Словно закрывалась дверь?

Но Варгези не сел. Ему хотелось говорить дальше. И никто его не прерывал.

— Когда ты молод, — сказал Варгези, — жизнь не кажется ценностью. Потому что впереди еще слишком много всего. Так много, что богатство неисчерпаемо. Мне было бы легче решить, если бы я был так же молод, как Павел. В общем, это не так трудно: пройдет несколько лет, и я буду первым человеком, который ступит на планету у другой звезды. То есть я стану великим человеком. При всей относительности величия. Наверное, я на месте Павла завидовал бы тому, кто должен был... кому выпал жребий быть в последней смене. А жребий пал на нас. Только с поправкой на тринадцать лет. Повезло ли нам? Повезло. Повезло ли мне лично? Не знаю. Потому что я уже прошел половину жизни и научился ее ценить. Научился считать дни, потому что они бегут слишком быстро. Но ведь они будут так же бежать и на Земле. И я буду все эти годы — тринадцать лет — мысленно лететь к звезде и каждый день жалеть о том, что отказался от этого полета. Ведь тринадцать лет это совсем не так много. Я знаю. Я четырежды прожил этот срок.

И он сел.

Павел подумал, что Варгези немного слукавил. Он говорил лишь о тринадцати годах. А не с двадцати шести. Хотя, наверно, он прав. Не может быть, чтобы за эти годы на Земле не сделали так, чтобы достичь «Антея».

И он попытался представить себе момент — через тринадцать лет. Мне тридцать три. Я молод. Я открываю люк посадочного катера. Я опускаюсь на холодную траву планеты, которую еще никто не видел. Я иду по ней...

— Арминэ, — сказал капитан-1.

Арминэ вскочила быстро, как распрямившаяся пружинка.

— Я как все, — сказала она. — Я не могу быть против всех.

— Но ты против? — спросил капитан.

— Нет, я как все.

Она пошла к выходу.

Гражина вскочила следом.

— Ничего, — сказала она. — Вы не беспокойтесь. Я сейчас вернусь.

— А ты сама? — спросил капитан-1.

— Я за то, чтобы лететь. Конечно, чтобы лететь, неужели не ясно?

И Гражина выбежала вслед за Арминэ.

Ни один человек из тридцати четырех членов экипажа не сказал, что хочет вернуться.

Хотя многие хотели вернуться.

«Наверное, — думал Павел, — многие хотели бы вернуться. И я хотел бы. Но не хотел бы жить на Земле и через тринадцать лет спохватиться — вот сегодня я бы сошел на ту планету».

— В конце концов, — сказал механик из старой смены, который говорил одним из последних, — у меня и здесь до черта работы.

20

Павел отправился к Гражине.

Теперь он не робел перед ее дверью. Теперь они уже никогда не будут чужими. Какой бы ни была их дальнейшая жизнь — она одна, одна на всех.

— Ну и что там? Чем кончилось? — спросила Гражина.

Перед ней лежала открытая книжка в синем переплете.

— Я веду дневник, — пояснила Гражина, заметив, что Павел смотрит на книжку.

— Капитан-1 советовал отложить решение еще на день.

— Из-за Арминэ?

— Конечно. Из-за того, что некоторые получают возможность еще подумать. И сказал, что у кого сомнения пускай приходит прямо к нему. Бывает, когда вокруг люди, труднее сказать, что думаешь.

— И что?

Павел оглядывал маленькую каюту. Здесь Гражина жила уже год.

Ни одной картинки, ни одного украшения. Только маленькая фотография красивой женщины. Наверное, матери. Может, она уже собралась и готовилась улететь?

— Я уже собралась, — сказала Гражина. — А вообще я большая аккуратистка. Что решили?

— Единогласно. Решили — значит решили. И послали гравиграмму.

— Которая не дойдет.

— Может, не дойдет. А может, дойдет. Ведь не это важно.

— «Антей» продолжает полет?

— Да. А как Арминэ?

— Она ушла к себе.

— Она не хочет лететь?

— Она полетит, как все, — сказала Гражина. — Она понимает, что ее желание не может стать на пути желаний всех нас. И всех тех, кто остался дома. Это и есть демократия.

Павел стоял в дверях, Гражина не пригласила его сесть.

— Мне трудно спорить, — сказал Павел. — Я не знаю, как спорить. Но может, ей очень нужно домой?

— Что такое очень нужно? Больше, чем тебе? Больше, чем мне?

— Каждый понимает это по-своему. И я сомневаюсь, имеем ли мы право, даже если нас больше, навязывать волю другому.

— Глупые и пустые слова! — Гражина буквально взорвалась. — Если все единогласны, прогресса быть не может! Чаше всего в истории человечества меньшинство навязывало свою волю большинству. И еще как навязывало. А непокорных — к стенке! Читал об этом?

— Это не имеет к нам отношения.

Павел понял, что у Гражины глаза пантеры. Это не значит, что Павел видал много пантер на своем веку и заглядывал им в глаза. Но такие вот, светлые холодные зеленые глаза должны быть у пантеры. Наверное, смотреть в такие глаза боязно. Но парадокс влюбленности лежит как раз в том, что вещи, в обычной жизни вызывающие протест, у объекта любви пленяют. Любовь кончается тогда, когда человек начинает тебя раздражать. Мелочами, голосом, жестами. А Павел подумал, какие красивые глаза у пантер.

— К счастью, не имеет, — согласилась Гражина. — Но к нам имеет отношение принцип демократии. Арминэ не сказала против.

— Но она подумала?

— Она влюблена. И тот мальчик ждет ее. — Гражина отмахнулась от той, чужой влюбленности. Даже в слове «мальчик» звучало презрение.

— Я думал, что Арминэ — твоя подруга.

— Она моя подруга. И для нее я сделаю все, что в силах человека. Но я всегда говорю правду. И если бы даже три, четыре человека высказались за то, чтобы вернуться, я бы кричала; дралась, доказывала, что мы должны лететь дальше. Потому что тех, кто думает правильно, большинство.

— Не знаю, — вздохнул Павел.

— Ты никогда не станешь великим человеком. Ты не умеешь принимать решений.

— Я не хочу стать великим человеком.

— Жалко. Ты и сейчас втайне надеешься, что связь восстановится и ты вернешься в срок. Ты перепуган, но тебе стыдно в этом признаться. Тебе я нравлюсь, ты даже придумал романтическую историю о том, как мы с тобой поженимся и будем вечерами смотреть на звезды во Внешнем саду. А на самом деле ты очень хочешь домой.

— Хорошо, что ты не капитан. Ты бы всегда принимала решения за других.

— Именно для этого и назначают капитанов. Я могу понять положение на «Антее». Здесь сразу два капитана, здесь необычная ситуация, не предусмотренная ни в одном справочнике. Ни одно из решений не грозит немедленной опасностью кораблю и экипажу. И капитаны, обыкновенные люди, растерялись.

— Я этого не почувствовал.

— Я знаю одного мужчину. Он уже третий год не может принять решения — он измучил и меня и другую женщину, а больше всех себя. Это трусость и глупость. Прими он решение сразу — три недели бы кое-кто помучился, а потом все вздохнули бы с облегчением. Люди, не способные принять решение, — преступники. Ты не согласен?

Павел понял, что его ответа не требуется. И потому сказал:

— Ты была отличницей?

— Это не так сложно, Павел. Нужно только вовремя делать уроки. Не откладывать их на завтра.

— А дневник ведешь каждый день?

— Разумеется. К счастью, в твоём голосе звучит разочарование. Ты создал себе образ красавицы за неимением других. Выстроил меня в воображении такой, какой тебе хотелось представить свою возлюбленную. А я отказываюсь играть по твоим правилам. И ты разочарован. Вторая неожиданность за двое суток...

— Хватит, я тебе не верю, — сказал Павел. — Когда человек уверен, ему не надо кричать и злиться.

— Уходи, — сказала Гражина. — Уходи, чтобы я тебя больше не видела! Ты жалок.

Павел пожал плечами. Он не обиделся. Он понял, что Гражина разговаривала сейчас не с ним, а с тем, кто остался на Земле.

Какой удивительный человек — Гражина... Павел перекатывал во рту это слово, как горошинку, — Гражина, Гражинка...

Он тихо закрыл за собой дверь.

«Проблемы, — подумал он, — проблемы... У всех проблемы, а корабль летит к звезде. И совершенно непонятно, что и когда важнее».

Все же важнее, чтобы корабль летел.

21

Ночь на корабле, который всегда летит в вечной ночи.

Ты — часть громадного мира, каким бы ничтожным он ни казался в пространстве.

Чуть светят огни в коридорах, чуть ниже температура воздуха, чуть поскрипывает под ногами упругий пластик пола — днем он молчит. Люди, встретившиеся ночью в коридоре, говорят вполголоса, хотя слышать из каюты голоса нельзя.

Павлу, как и прошлую ночь, не хотелось спать.

Честь космонавту, который всегда спит вовремя, — это первое правило. Павел его нарушил уже дважды.

Он остановился у двери Арминэ.

Он не хотел входить. Он представил себе, как Арминэ заснула,

наплакавшись. Если Гражина права, то как страшно представить себе возвращение к любимому через четверть века. Даже если он будет верен и будет ждать — это уже не тот человек. Может, лучше, чтобы он не ждал?

Из каюты пробивался свет.

Павел понял, что дверь закрыта неплотно.

— Арминэ, — тихо позвал он, приложив губы к щели.

Если она не спит, он к ней войдет. Потому что сейчас она куда ближе и понятнее ему, чем стальная Гражина. Хоть Павел и не до конца верил в непоколебимость и самоуверенность Гражины. У каждого своя маска. А Арминэ — человек без маски.

Нечаянно, а может, и нет, он толкнул дверь, и она открылась.

Каюта была пуста.

Кровать смята, но не застелена.

Он не стал заходить, это было как подглядывать.

Он вдруг подумал, что Арминэ сейчас у Внешнего сада, у бассейна.

Там одиночество не столь безлико. Там видишь лес и воду.

И нельзя его нарушать.

А может, надо нарушить?

Павел прикрыл дверь и пошел по коридору дальше.

Он очень удивился, увидев, что из навигационной спускается капитан-2, высокий, худой, жилистый, смуглый человек, будто только что спустившийся с высокой горы и обожженный тем, высокогорным солнцем.

— Не спится? — спросил он.

— Сейчас пойду спать, — сказал Павел.

— Спи. Тебе с утра на вахту. Сейчас от вашего внимания, от точности работы многое может зависеть.

Павлу не хотелось бы, чтобы капитан спрашивал, какое у него настроение или как он себя чувствует. Капитану, к счастью, ничего не сказал. Они стояли как люди, столкнувшиеся на улице после долгой разлуки, которым неловко расставаться, но нечего друг другу сказать.

— Если хочешь, — сказал вдруг капитан-2, — я тебе завтра покажу портреты моих сыновей. Одному шесть, другому девять. Крепкие ребята. Показать?

— Спасибо.

— Ну ладно, спокойной ночи.

И капитан-2 беззвучно пошел по коридору к своей каюте.

А Павел пошел дальше, к Внешнему саду.

22

Дверь в отсек бассейна была закрыта.

Странно было, кто и зачем закрыл ее.

На корабле вообще не закрывались двери. В случае аварии автоматика все равно сработает быстрее и надежнее.

Мало ли что могло случиться — ремонт, профилактика, просто сломался запор. И если бы не заплатка в прозрачной стене, Павел бы вернулся обратно.

А тут он сделал иначе.

Его тревога была необоснованной и вернее всего смешной. Навизной.

Но он побежал к нише.

Ниша была на другом уровне, в двух минутах, если бежать.

Павел распахнул дверь в нишу и надел скафандр.

Это заняло еще две минуты.

Он выбежал в коридор и побежал обратно.

Бассейн и Внешний сад были отсеком. Одним из двадцати трех отсеков «Антея». Между отсеками на случай аварии были переходники. Ввести в действие переходник можно было, отключив автоматику.

Павел отключил автоматику, потом повернул тяжелый рычаг.

Тогда внешняя дверь отъехала в сторону.

Павел вошел в шлюзовую камеру. Убедился, что герметизация работает. Включил внутреннюю дверь.

Приборы на пульте показали, что в бассейновой нормальное давление. Значит, успел.

Дверь за его спиной закрылась. Затем, очень медленно, открылась внутренняя.

Павел выбежал в бассейновую.

Арминэ сидела в кресле у бассейна и смотрела на воду.

Очень спокойно. Она так глубоко задумалась, что и не заметила, как Павел вошел в зал.

А Павел в полной растерянности замер у двери.

Последние несколько минут были наполнены действием, гонкой — дышать некогда, одним всепоглощающим желанием — успеть и страхом опоздать... А секунды в переходнике, пока закрывались и открывались двери, дали возможность воображению отчетливо и убедительно нарисовать то, что сейчас предстоит увидеть: распахнутую дверь во Внешний сад и стеклянное, подобно стеклянным деревьям, тело Арминэ.

А Арминэ сидит у бассейна.

Павел страшно испугался. Вот-вот она повернет голову и спросит, подняв густые прямые брови: «Ты что здесь делаешь в скафандре?» И что ответить? «Я решил, что ты покончила с собой и побежал надевать скафандр, чтобы, не рискуя собственной драгоценной жизнью, вынести твое тело из Внешнего сада».

Павел, стараясь не произвести ни малейшего шума, начал отступать в переходник — только бы уйти незамеченным.

И это обратное движение оказалось почти роковым.

Арминэ услышала.

Вернее всего, она в тот момент собралась с духом и решила подняться, поэтому шорох шагов Павла донесся до нее.

Она резко обернулась — не как человек, как испуганное маленькое животное. И как испуганное животное стремительно вскочила и кинулась к перегородке Внешнего сада.

Павел не понял смысла движения — он уже отказался от мысли, что Арминэ может покончить с собой. Поэтому он остановился и сказал ей вслед:

— Не бойся, это я, Павел.

И тут понял, что Арминэ набирает код на двери во Внешний сад.

Он мысленно считал — и оставался нем и недвижим — число единиц кода. Их должно быть семь. Щелкнула первая цифра. Вторая, третья, четвертая... Она же сейчас откроет дверь!

— Арминэ! — завопил Павел. — Стой, Арминэ! Пожалуйста!

— Пятая, шестая...

— Смотри, что я сделал! Смотри на меня!

Он обеими руками откинул крепления шлема и рванул его назад. Шлем сорвался, оцарапав лоб, и покатился по полу.

Может быть, от этого неожиданного звука Арминэ обернулась.

И увидела, что Павел стоит без шлема.

— Ты что? — сразу поняла она. — Нельзя. Там вакуум!

— Я знаю, знаю!

— Ты же погибнешь.

— Да.

— Но нельзя! Это только я. Я так хочу! Надень шлем!

— Не надену.

— Я все равно открою дверь! Мне надо уйти!

— Открывай.

Павел не успел испугаться в тот момент, когда срывал шлем, и не боялся теперь. Он уже понимал, что Арминэ не сможет открыть дверь, зная, что Павел погибнет тоже.

Арминэ кинулась к Павлу. Нет, не к Павлу, она побежала к шлему, что медленно катился к бассейну, и Павел, вместо того чтобы перехватить девушку, как зачарованный смотрел на шлем. Шлем подкатывался к кромке бассейна, и было интересно: кто первый? Успеет ли шлем упасть в воду! Или Арминэ схватит его. Как будто на стадионе, Павел болел за шлем.

Арминэ успела первой. Она подхватила шлем, когда он уже скатывался в воду, прижала к груди и тут же побежала к Павлу. Наверное, со стороны это выглядело смешно — Арминэ старалась нахлобучить шлем на Павла. Она словно лишилась рассудка. Ведь невозможно надеть шлем на мужчину, который этого не хочет.

Павлу не стоило труда схватить девушку за руки — ее запястья

оказались совсем тонкими — и отвести к дивану. Арминэ шла послушно, даже не пыталась вырваться, так замирает в руках маленькая птица.

— Садись,— сказал Павел. Сел рядом. Но рук Арминэ не отпустил.

— Мне больно,— сказала Арминэ.

— А ты не убежишь? — Павел отпустил ее руки.

— Мне больно. Мне больно...— Она повторяла как заклинание.— Мне больно,— и Арминэ уже плакала. Она плакала так сильно, что упала на диван. Она била кулаками по мягкой обшивке, и глупый диван никак не мог сообразить, как лучше прогнуться, чтобы Арминэ было удобно.

— Мне так больно...

Надо бы принести воды, но где тут найдешь стакан?

Павел вел себя так, словно наблюдал все со стороны. Он поднялся, прошел к двери во Внешний сад, набрал новый код. Теперь ее другому не открыть.

Потом вернулся к Арминэ. Она плакала тихо, волосы разбежались по плечам и веером — по сиденью дивана.

— Ты меня чуть не провела,— сказал Павел.— Я чуть-чуть не попался. Когда я увидел тебя, то решил, что ты и не собираешься... идти во Внешний сад. И подумал — вот я дурак.

— Ну зачем ты пришел? — Арминэ спросила тихо, словно в самом деле ее интересовал ответ.

— Тебя в каюте не было,— ответил Павел.— И меня что-то сюда повело. А когда я увидел, что переходник закрыт, я сразу понял.

— А разве человек не имеет права убить себя? — спросила Арминэ.

Она села, убрала тыльной стороной руки волосы с глаз. Глаза были красными.

— Зачем? — спросил Павел.

— Чтобы вам не мешать,— сказала Арминэ.

— Ты никому не мешаешь.

В скафандре было жарко. Павел включил охлаждение. Но снимать скафандр сейчас было неловко.

— Я бы ушла, и все хорошо кончилось,— сказала Арминэ. — Вы бы летели дальше. Вы все хотите лететь дальше, чтобы стать героями.

— Чепуха. Никто не хочет специально стать героем,— сказал Павел.— И когда на Земле починят кабину, мы все улетим обратно.

— Ты в это хоть немножечко веришь? Ну хоть чуть-чуть?

— На шестьдесят процентов,— сказал Павел, который в тот момент был совершенно искренен.

— Врешь,— сказала Арминэ.

— То, что ты придумала,— ужасное предательство,— сказал Павел.

— Ты не понимаешь.

— Чего же такого непонятного?

Арминэ подтянула коленки к подбородку. Диван даже вздохнул от невозможности решить задачу. Она уперла подбородок в колени. Подбородок был маленький и круглый. Арминэ шмыгнула носом. «Странно,— подумал Павел,— если бы не случайность, то она лежала бы там, в ледяном лесу». И представить это уже было невозможно.

— Когда я узнала, что обратно нельзя,— сказала Арминэ,— я уже как будто была на Земле. Дома. Я знала с самого начала, что мне здесь надо пробыть год. Все за меня радовались. Говорили, что мне повезло. Только мама плакала. У нас свадьба через месяц. Так решили. А в последние месяцы гравиграмм из дома не было. Ты же знаешь, если все в порядке — гравиграммы из дома не идут. А я вдруг испугалась. Я вот работала, все делала, смеялась, я была самая обыкновенная, а в самом деле я буквально дрожала. Меня так давно нет на Земле, что Саркис уже забыл. С каждым днем все страшнее. А Гражине этого не скажешь. Я сначала пыталась, а потом вижу, что ей это непонятно. Я все время считала дни. Первые одиннадцать месяцев были в сто раз короче, чем последний. Я выйду из центра в Москве, а меня ждет только мама. И мне страшно спросить, где Саркис? Конечно, это психоз...

— Типичный психоз,— сказал Павел.— Ты чего с врачом не поговорила?

— Ты еще мальчик.

Павел пожал плечами.

— А потом мне сказали, что домой нельзя. Много лет нельзя. И все кончилось. Потому что нет смысла. Зачем лететь? Куда лететь? Зачем мне нужна эта звезда? И я испугалась, что не выдержу. Что из-за меня придется поворачивать всем.

— Все равно теперь придется,— сказал Павел.

— Почему? — Арминэ смотрела на него в упор. Глаза ее были велики, темные, но прозрачные, можно заглянуть глубоко.

— Я доложу капитану, и он сразу прикажет поворачивать.

— Ты ничего не скажешь капитану.

— Чтобы завтра ты снова пошла сюда?

— Зачем? — Арминэ вдруг улыбнулась.— Я же знаю, что ты набрал новый код запора. И никто, кроме тебя, его не знает. Только это нарушение правил.

— Ты заметила?

— Я догадалась.

Арминэ смотрела на Внешний сад.

— Я могла там быть,— сказала она.

— Глупо, правда? — спросил Павел.

— Нет, не глупо. Но не нужно,— сказала Арминэ.— От того, что я это почти сделала, все прошло.

— Ты поняла?

— Гражина смогла бы говорить со мной куда убедительней тебя. Она бы сказала, что я возлагаю свою судьбу на совесть остальных.

— Он тебя обязательно дождетсЯ,— сказал Павел.— Неужели ты выбрала такого мерзавца, который не дождетсЯ?

— Это было очень давно. В другой жизни.

— А твоя мама? Она тебя ждет?

— Не говори об этом.

— Тебе стыдно?

— Сейчас нет.

— Потом будет стыдно.

— Наверное.

— Пошли к капитану. Надо доложить ему.

— Ты куда не пойдешь.

— Я тебя не понимаю. Ты не хочешь вернуться домой?

— Я себе этого никогда не прощу.

— Если я не скажу капитану, мы полетим дальше.

— Правильно.

— Арминэ, я ничего не понимаю. Если я пойду к капитану, то полет прекратится, и мы все вернемся. Ты же этого так хочешь, что чуть было... не ушла.

— Если бы я ушла, то я бы никогда не вернулась домой,— сказала Арминэ.— А я теперь хочу вернуться. Пускай через много лет.

— Я обязан сообщить капитану.

— Я прошу, я умоляю тебя. Если ты это сделаешь, ты меня убьешь. Ты меня спас сегодня, пожалуйста, не убивай. Я не вынесу такого возвращения...

Арминэ схватила Павла за руки. Ее пальцы так сжались, что ногти впились в кожу Павла. Но он ничего не сказал. Вытерпел. Он вдруг как будто заглянул внутрь Арминэ.

— Пошли,— сказал Павел,— мне надо спрятать скафандр, чтобы никто не заметил.

Арминэ быстро вскочила. Она была рада. Когда Павел поднялся, она поцеловала его в щеку.

— Ты обещаешь? — спросил Павел.

— Ты же знаешь.

23

«Антей» летел к Проксиму Центавра.

Честно признаться, у Павла тогда возник соблазн — как маленький зверек, что заскребся под ложечкой: если выполнить долг и доложить капитану о случае с Арминэ, тот отдаст приказ возвращаться. И вроде бы ты не виноват, сам хотел лететь дальше, но обстоятельства зыбше тебя. Существование такого зверька Павла испугало. Но и хранить тайну было тяжело. Когда-то один брадобрей поведал о тайне

царя Мидаса безмолвному тростнику, а тростник, став дудочкой, проговорился. Надо было отыскать тростник, который будет держать язык за зубами. На эту роль была лишь одна кандидатура — Гражина.

Это не означает, что Павел тут же отправился к Гражине делиться с ней страшной тайной. Он до вечера дебатировал с собой вопрос, если Арминэ просила его сохранить события в тайне, означает ли это, что просьба распространяется и на Гражину?

К ужину Гражина не вышла. Арминэ тоже.

Ужин был скучный, деловой, почти молчаливый. И Павел вдруг подумал, что именно такими будут тысячи ужинов, что предстоят им в пути. К тому же ужин был куда более скучным, чем обычно, — на корабле уже начал действовать режим экономии.

Поев, Павел сразу же отправился в каюту к Арминэ. Он нес за нее ответственность. Если с ней что-то произойдет — виноват будет только Павел.

Павел постучал к Арминэ.

Та откликнулась.

Она уже лежала в кровати.

— Не проверяй меня, — сказала она. — Я же обещала. А сейчас я хочу спать. Я устала.

— Я только про ужин, — соврал Павел. — Я думал, может, тебе принести?

— Нет, спасибо.

Арминэ отвернулась к стене.

Павел ушел. Следующий визит был к Гражине.

Гражина не спала. Но лежала на койке, укрытая до подбородка пледом.

— Ты что? — спросил Павел. — Плохо себя чувствуешь?

— Простудилась.

— Так не бывает, — сказал Павел. — Здесь нет сквозняков.

— Ты привез с Земли и меня заразил, — сказала Гражина почти серьезно.

— Хочешь я тебе ужин принесу? — спросил Павел.

— Нет.

— Позвать доктора?

— Не надо. Ничего серьезного.

Павел оглядел каюту — ничего со вчерашнего дня в ней не изменилось. И что могло измениться? Мелочи, крупички быта остались запакованными — вряд ли они сразу могут вернуться на свои места.

— А я у Арминэ был, — сказал Павел. — Она тоже не ужинала.

— Знаю, — сказала Гражина.

— Я за нее немного переживаю, — сказал Павел. Что было говорить дальше, неясно. Может, прямо сказать: «Сегодня она хотела покончить с собой»?

— Арминэ мне рассказала,— неожиданно
на.

— Что рассказала?

— Как ты ее у Внешнего сада нашел.

— В самом деле? Я рад. А то, понимаешь, если я один знаю...

— Не бойся. Ничего с ней не случится. Такое бывает один раз.

Потом становится стыдно.

— Ты рассуждаешь абстрактно. Вот если бы ты видела своими глазами.

— Я рассуждаю конкретно,— сказала Гражина.

Тогда Павел понял, что лучше дальше не спрашивать.

— Ты тоже будешь за ней приглядывать? — спросил Павел.

— Ты правильно сделал, что никому не сказал. Привидениям лучше оставаться в шкафу — это английская поговорка.

Павел никогда не слышал такой поговорки.

Настроение было неплохим. Поступки лучше совершать тогда, когда есть кому оценить их благородство.

24

Гражина недомогала больше трех недель. Варгези сказал, что характер заболевания Гражины — нервный. В истоке — стресс, который нарушил иммунные функции организма. Ничего страшного, но лучше отдохнуть.

Арминэ была молчалива, исполнительна и старалась казаться незаметной. С Павлом она почти не разговаривала. Впрочем, сделать это было нетрудно — работали они в дальних отсеках и встречались только в кают-компании. Павел своего общества не навязывал. Он понимал, что для Арминэ он часть дурного воспоминания. Если будешь навязываться, ей станет еще хуже.

Как-то Павел понес Гражине обед.

Гражина читала. Павел увидел — шестой выпуск «Подводных приключений». Она отказывалась есть суп, и Павел спросил:

— Где же твоя железная воля?

— У меня ее никогда не было.

Наверно, Павлу надо было уйти, но уходить не хотелось.

— Я разговаривал с механиками,— сказал Павел.— Они думают, что можно поднять предел мощности переборки. По крайней мере теоретически.

Гражина подняла руку, как бы отгоняя слова Павла.

— Самообман,— сказала она.— Теоретически можно долететь за пять минут.

Павел воспользовался жестом, чтобы вложить ей в руку ложку. Подвинул тарелку поближе.

Гражина съела две ложки супа.

Отложила ложку.

— Честное слово, не хочется.

— Я подожду. Я упрямый,— сказал Павел.

— Жди.

— Ты читаешь шестую часть «Подводного мира»?

— Так, просматривала...

— Только не кисни,— сказал Павел. Он взял ложку и протянул ее Гражине.

Гражина неожиданно положила ладонь на кисть Павла.

Он замер.

— У меня никого нет кроме тебя,— сказала Гражина.

— Нас здесь тридцать человек... И Арминэ.

— Ты один,— сказала Гражина.— Арминэ теперь совсем чужая.

— Ты серьезно?

— Я вообще без чувства юмора, ты же знаешь.

Ее рука ушла в сторону. Павел снова дал ей ложку, потому что ничего умнее придумать не мог.

— Скажи, только честно, а то обижусь. Ты с самого первого взгляда меня полюбил?

— Любовь бывает только с первого взгляда,— сказал Павел. Иначе какой в ней смысл? Зачем приглядываться полгода? Чего нового увидишь?

— Это правда?

— Со мной всегда случается только так.

— Как так? — Гражина даже села на кровати. Ее зеленые глаза загорелись пантерным яростным светом.— Немедленно уходи. Значит, ты всем так говоришь? У тебя со всеми так случается?

— Вот доешь суп, тогда уйду. Не раньше,— сказал Павел.— Я могу ждать. Хоть двадцать лет.

— Спасибо, Павел. Только ты сейчас уйди, хорошо?

— Спокойной ночи.

— Ты завтра придешь?

— Подумаю,— сказал Павел, поднимаясь.

— Я тебя ненавижу,— сказала Гражина,— потому что ты всегда шутишь.

— Это я от растерянности.

У двери его догнал ее голос:

— И с самого первого взгляда?

— Честное слово.

— А раньше так не было?

— Никогда.

— Спокойной ночи.

В ту ночь Павел заснул почти мгновенно. Добрался до своей каюты и лег, чтобы думать о Гражине.

Но заснул.

А утром проснулся от ощущения счастья.

И само ощущение счастья было настолько приятным, ласковым и спокойным, что он даже не старался вспомнить, а что же произошло? Потом вспомнил.

И понял, что жутко соскучился без Гражины.

А вдруг у нее поднялась температура?

Зазвонили к завтраку. Оказывается, он проспал. Этого еще не хватало!

Павел вскочил, наскоро вымылся, оделся и поспешил в кают-компанию.

Сейчас он возьмет ее завтрак и отнесет к ней в каюту. И даже если Варгези снова будет язвить, не стоит обижаться. Пускай Варгези язвит, у него просто такой характер.

Гражина сидела в кают-компании.

На лице Павла отразилось такое разочарование, что кто-то засмеялся.

— Что случилось? — спросил Джонсон.

Но Павел не успел ответить. Он смотрел в зеленые глаза, а в зеленых глазах был вопрос.

— Он готовился бежать с завтраком к больной, — сказал Варгези, — а больная лишила его этого удовольствия.

— Мы решили пожениться, — сказал Павел. Секунду назад и в мыслях не было такого. Слова вылетели неожиданно.

— Правда? — спросил капитан-2. Но спросил не Павла, а Гражину. Уголки губ его дрогнули, будто он старался не улыбнуться.

Впервые Павел увидел, как Гражина краснеет. Она молчала.

— Не сердись, — сказал Павел.

— Я не сержусь, — зло, но спокойно ответила Гражина.

— Извини, мне надо было бы тебя спросить.

— Мы об этом даже не говорили!

Сцена, наверное, выглядела смешно, но засмеяться никто не посмел.

— Я так понял, — сказал Павел. И ему захотелось уйти.

— Это шутка, — сказала Гражина, обращаясь ко всем. — Ты чего стоишь? Завтрак кончается. Опоздаешь на вахту.

Павел послушно сел. Он боялся, что на него будут смотреть, но все сразу заговорили о других делах. Только Арминэ поглядела на него и сразу отвела взгляд.

«Вот мы и квиты», — подумал Павел.

— Можно было бы меня сначала спросить,— сказала Гражина, когда они вышли из кают-компаний.

— Я не утерпел. Я увидел тебя и подумал, что ты не будешь сердиться.

— Какой-то детский сад,— сказала Гражина.

Они остановились у ее двери.

Гражина поднялась на цыпочки и поцеловала Павла в угол губ.

— Ты спал ночью? — спросила она.

— Еще как!

— Жалко. А я не спала,— сказала Гражина.— Иди.

Когда Павел подошел к центру кабинного отсека, там уже собрались все его коллеги. Свои. Им можно было обсуждать.

— Намечается самый странный брак во Вселенной,— сказал Варгези.— Следствие психологического стресса.

— Ничего особенного,— сказал Джонсон.— Это случается и на Земле.

— Ну и свадьбу мы устроим,— сказал Станцо.— Я давно не гулял на настоящей свадьбе.

И тогда загорелся сигнал готовности на пульте приема.

Он мигнул. Загорелся вновь, и сначала никто не понял, что происходит.

За прошедшие дни все привыкли, что сигнал гореть не может. Сигнал горел стабильно.

Станцо поднялся, задействовал основной пульт.

Джонсон сообщил на пульт управления, что есть связь с Землей.

Еще через двадцать две минуты с Земли пришла гравиграмма. Краткая.

«Ждите переброску». И все необходимые данные — точное время, масса, спецификация.

27

Гражина, единственная на корабле, не знала, что произошло.

Она была в каюте, и внутренняя связь у нее была отключена.

Павел, как только смог, побежал к ней.

С момента гравиграммы прошло лишь пять минут, и потому все были так заняты в телепортации, что никто толком не успел задуматься о смысле случившегося. Но, конечно, обрадовались. И ждали, что будет.

— Гражина! — Вбежал Павел.— Знаешь, что случилось?

— Связь, да? — Голос Гражины звучал испуганно.

То, что Гражина сразу догадалась о самом невероятном, было даже обидно.

— Как ты догадалась?

— Я думала об этом,— сказала Гражина.— Как раз сейчас я думала об этом.

— Ты ждала этого? — И тут Павел понял, что ничего хорошего не случилось. Что жизнь, которая недавно началась так сложно и драматично, настоящая необычная жизнь, кончается. Словно видеопленка.

— Я боялась этого,— сказала Гражина.

— Но мы с тобой останемся, ведь у нас все по-прежнему? Да?

— У нас с тобой — наверное. Только вокруг все иначе.

— Подожди! Мы же не знаем. Может, связь временная! Может, ничего еще не будет

— Ты смешной человек, Павлик,— сказала Гражина. Она подняла руки и сильно схватилась пальцами за его плечи.— А я боюсь.

— Но мы можем сказать, что уже решили остаться на борту до конца...

Павел осекся. Зачем говорить чепуху?

Чрезвычайные обстоятельства прекратились, началась обыкновенная жизнь, к которой надо привыкать. И это тоже не очень просто.

28

Первая переброска произошла на следующий день.

Милев из второго экипажа, пройдя обследование после перелета, перешел в кают-компанию. Он сказал, что экипаж «Антея» на Земле уже называют «зимовщиками». Как древних полярников.

Оказалось, что Домбровский был прав. Но лишь частично.

Энергетический порог переброски существовал. Но это был не предел телепортации, а лишь порог.

Обрыв связи случился неожиданно.

И земному Центру понадобилось несколько дней, чтобы установить новые гравиротеры.

В первые дни все ждали вестей о возвращении «Антея».

Это было крушением давней мечты, крушением образа жизни.

Потом стало ясно, что «Антей» продолжает путь к Проксиму Центавра.

— Ну, ребята,— сказал Милев,— приготовьтесь возвратиться героями. Вы бы почитали, что о вас пишут, послушали, что говорят. Я вчера еще был самым популярным типом на планете. Я летел к тем самым, Которые Пожертвовали Собой Ради Человечества! Ну, ребята...— Милев был возбужден, он чувствовал себя гонцом добрых вестей.

Его слушали смущенно. Ведь, честно, никто не был героем.

— Желающие из новой смены, из моей смены, могут вернуться до срока. Конечно, это влетит Земле в копеечку, но мы все понима-

ем — нервное напряжение почище, чем у первого космонавта...

Он засмеялся, и некоторые вежливо улыбнулись.

Павел понимал, что никуда он сейчас не улетит. Ему осталось десять месяцев практики, и он их проведет на «Антее». Только без Гражины. И все десять месяцев будет думать — а что она сейчас делает? И будет страшно вернуться.

Гражина положила ладонь на руку Павлу.

— Ничего,— сказал Павел очень тихо, чтобы не перебивать монолога Милева.— Мы потерпим.

Гражина убрала руку.

29

Гражина улетала через день. Первой, потому что все еще была нездорова.

— Ты дождешься меня? — спросил Павел.

— Не знаю,— сказала Гражина.— Я ничего не знаю.

До Проксимы Центавра «Антею» оставалось лететь двенадцать лет и десять месяцев.

Роман Подольный

Сообщающийся сосуд

Кошмары у меня свои собственные. Повторяющиеся. Чаще всего вижу себя бегущим с винтовкой наперевес по бесконечному белому полю. Бегу последним. Впереди — тридцать два человека. Знаю точно, сколько именно. Не потому, что пересчитывал, а потому, что это ребята из обоих десятых классов школы, в которой я учился.

Но на снежном поле впереди нас начинают рваться снаряды. Наяву я никогда не видел, как это бывает. А во сне закручивается спиралью снежный смерч, через несколько секунд он становится похожим на кривой зонт, затем рассыпается, начиная с краев. А потом уже слышится чмокающий звук, только чмокнуть так может разве что великан.

И снова, снова, снова. Никто из нас пока не задет. Но не все ребята выдерживают это зрелище. То один, то другой падает в снег и уже не подымается. Нет, не падают, а ложатся. Вот их уже пятеро — залегших. Восемь. Четырнадцать. Я знаю, что тоже лягу. Лягу, когда упавших окажется семнадцать, когда их станет большинство.

Но еще стыднее и страшнее, когда фильм моего кошмара идет по иному сценарию, когда мои товарищи, не выдержав огня, уже не падают, не ложатся, а поворачивают и бегут назад. Тогда я вижу обра-

щенные ко мне напряженные лица с глубоко сидящими глазами.

Мимо меня, продолжающего бежать к белым смерчам, мчатся они — первый... второй... шестой... пятнадцатый... Когда лицом ко мне повернется и ринется вспать семнадцатый, я на мгновение останавлиюсь как вкопанный, потом повернусь на сто восемьдесят градусов и кинусь за ним. Присоединюсь к большинству. Последую примеру других. Подравняюсь.

И проснусь. После этого варианта кошмара обязательно просыпаюсь.

Как сказал Станислав Ежи Лец, сны зависят от положения спящего. Мое положение незавидно.

В институтской группе, как прежде в классе, на физкультурных занятиях я стою точно посередине выстроенной по росту шеренги.

В алфавитном списке учеников и студентов моя фамилия тоже попадает в самую середину.

Как и тогда, когда фамилии учеников или студентов записывают в порядке успеваемости. Я — средний.

Никогда — до последнего месяца — я не вызывал у своих педагогов ни особых тревог, ни особых надежд.

И в бешеных спорах о том, кто у нас в классе, группе, на первом курсе личность, а кто нет (как снисходительно утверждают учителя, профессора и родители, традиционная для нашего возраста тема), речь обо мне заходила редко.

Спорить не о чем. Личность — Федька Захаров, который на уроках математики смущал учительницу тем, что он на ее вопросы может ответить, она же на его — нет. А потом поступал на психологический, не прошел и отказался пойти куда бы то ни было еще. Личность — Михаил Векслер, теперь студент физико-технического. С седьмого класса он строит в чуланчике на даче вечные двигатели все новых и новых конструкций, хотя лучше любого из нас может объяснить, почему такой двигатель невозможен. Личность — Лариса Брагина, прогнавшая полгода назад своего жениха, блистательного капитана, летчика, за то, что он рассказал при ней — в небольшой компании — неприличный анекдот. Кстати, не такой уж и неприличный, сам слышал, мы с Ларисой вместе с шестого класса учимся, и она меня на вечеринки к себе притаскивает регулярно.

Посмотрит, понимаете, своими глазищами и говорит:

— Большинство моих добрых знакомых будет. Ты, конечно, присоединишься к большинству. — И отчетливо ставит голосом точку. Точку, а не вопросительный знак.

Я однажды завелся. Удивилась вроде бы. Подняла глаза к потолку, словно прочитала на нем какую-то надпись, потом успокоительно потрепала меня по плечу:

— Прости меня, пожалуйста. Я просто не подумала. Конечно, абсолютное большинство молодых людей твоего возраста в конце

концов взорвались бы при таких намеках. Ты совершенно прав.

Словом личностью считают того, кого не понимают, или, если уж понимают, так точно знают, что таким, как он, не стать — не получится. Даже вести себя так, как он, не решишься. Не выдержишь. Не справишься. Не... Много тут еще можно использовать однообразнейших «не» в сочетании с довольно разнообразными по звучанию, но схожими по смыслу глаголами.

Та же Лара Брагина. Попробуй угонись за ней. Захотела и научилась в седьмом-классе играть в шахматы. Да не как я, с моим дурацким третьим разрядом, за которым второго не последовало. Она — мастер.

— Мастерница ты! — сказал я, когда Лара получила это звание. И получил в ответ: за последние полтора часа она слышит такое обращение в четырнадцатый раз.

Как-то в десятом классе мы вместе шли из кино. Поздно вечером. Я положил руку ей на плечо. Сказал довольно развязно, черт меня дери, но чего мне это стоило:

— Смотри, какая Луна. Можно, я тебя поцелую?

И услышал, что только в нашем классе семь человек — из двенадцати, явно имеющих такие намерения, — уже произносили именно эту фразу, а остальные произнесут ее при первом удобном случае.

Живем мы по соседству, и у нее хватало возможностей устраивать мне выволочки за отсутствие самостоятельности и оригинальности. Ну и поводов я давал ей для этого немало. Как Ларка злилась, когда я двинулся в кино только потому, что туда отправился почти весь класс. Говорила же она мне, что пошла было по неведению на этот самый фильм и через пятнадцать минут сбежала. И уж совсем из себя вышла, когда на выборах комсорга я поднял руку за Татку, которую совсем недавно публично крыл за разговоры о чужих секретах и природную глупость, лишь чуть прикрытую умелой родительской дрессировкой. Опять, мол, я все готов сделать, только чтобы не разойтись с большинством. Но — сказала она выразительно — так ведь можно разойтись с меньшинством! И при этом явно имела в виду себя.

На следующий день — дело было в десятом классе — ее ждал у школы тот самый летчик. А меня она оделила зато прозвищем Сообщающийся Сосуд. Да! Потому что вода в сообщающихся сосудах останавливается на одном уровне, а я, видите ли, подравниваюсь под окружающих, средним арифметическим выхожу, серостью, подражателем и пошляком. А ведь мог бы... Ну а после того как к компании из пяти ребят с нашего курса пристали три хулигана, а мы убежали, она даже смотреть на меня не хотела. Господи, я-то откуда мог знать, что эти четверо — трусы!

Правда, теперь, когда мы в одной команде играем за институт

на межвузовском шахматном чемпионате, она со мной разговаривает, хотя и сквозь зубы.

Разумеется, то обстоятельство, что сейчас я играю на первой мужской доске, как она — на первой женской, ничего не меняет в решении старой проблемы — личность ли я. Мой успех имеет значение для Николая Федоровича, завкафедрой физкультуры, для нашего ректора, завзятого болельщика, для Инки Белоус или Мики Лукова, которые отождествляют умение выделяться и глубину души... Впрочем, сомневаюсь, чтобы они знали, сколько у души бывает измерений.

А ведь в команду я вошел по прямому требованию Ларисы: попробуй не уступить человеку, который два месяца с тобой не разговаривал, и за дело, а вот сейчас сменил гнев на милость. И после матчей я ее провожаю. Даже не провожаю — просто, вы же знаете, нам по дороге, мы из соседних домов. И она зло объясняет:

— Личность — это от слова «лицо». И глагол «отличиться», в конечном счете, тоже. И существительное «отличник». Корень общий.

В конце концов мы уже для таких разговоров устарели. Не отроки. Да и сама она... Что, никогда не идет на компромиссы? Не подлаживается к собственным родителям? Не заботится о том, чтобы не разругаться с подругами? Не носит модные вещи, даже если они ей не слишком идут? Да все мы, все мы — сообщающиеся сосуды. Берем пример, следуем примеру, подтягиваем песню, подтягиваемся в строю, тянемся за соседями. И так далее.

Вот все это, включая «и так далее», я ей сообщил. Высказался. Себе я давно так говорю. Иногда помогает. И про то сказал, что без всего этого никакое общество жить не может. Вот и твержу, что сама такая — и все тут. Правда, осторожно твержу, а то опять разговаривать не станет.

Нет, вижу, что это мне не грозит, грозит как раз разговор, да какой! Из себя выходит. Наконец понимаю, в чем дело. Она видела утром, как я во дворе бегал с теми, которые от инфаркта. Подумаешь! Сразу успокоился. Конечно, у нас в доме сейчас почти все мужчины трусцой бегают, но ведь я и сам мог бы захотеть. Чего тут придираешься? Слушаю дальше. А она вовсе не тем, что бегал, возмущается. Тем, что я среди предынфарктников бежал посередине! Знал, мол, что она видит, и издевался! Или я вообще такой — боюсь кого-нибудь обидеть? Нет! Ее обижал. Знал ведь, говорит, три месяца назад, что она привела подруг на тренировку, посмотреть, как я бегаю. Это сразу после эстафеты. И ей, говорит, было просто перед подругами неудобно...

— Но ведь я же тренировался-то с третьеразрядниками! — отвечаю. — А на эстафете попал на одну дистанцию с мастером. Митька заболел, иначе бы меня близко к эстафетной палочке не допустили. А тут дали палочку — и беги. И команда у нас сильная.

— Ну и что?

Да, действительно... Я забормотал про стимул, про дух состязания, чувство локтя, даже про честь института, которую защищал... Самому было неприятно. Не мог же прямо сказать, что представляю собой крайний случай, что принцип, на котором держится мир, довожу до абсолюта. Почему довожу, отчего, аллах знает. Мутация, флюктуация, пришелец из космоса... Нет, в пришельцы не гожусь. Уж такой землянин — дальше некуда.

— Ты мне и тогда нечто подобное говорил. Команда! Вот я и сделала так, что ты в шахматную попал. Куда тут без теории и опыта? А ты играешь. Позиции любопытные. Держись. Откуда? Гений ты, что ли? Совсем я перестала что-нибудь понимать.

— Ага! Не понимаешь! Значит, я личность, раз непонятен.— Наглую фразу эту еле выдавил из себя. Потому что узнай она, в чем дело, суть его она бы, конечно, не поняла, зато меня бы снова понимала до корешков. А вот мне надо было — очень надо — срочно понять не ее и даже, наверное, не себя, а одно чрезвычайное обстоятельство, странный факт из минувшего дня. Обдумать и понять до конца... И если я думаю правильно...

— Кстати, именно на первую доску меня тоже по твоему предложению посадили?

— Конечно! Грипп, сам знаешь, поначалу всю головку команды из строя вывел. Так не все ли равно, кто будет на первой доске чужим чемпионам проигрывать? Не очень это корректно по отношению к противникам, но капитан и так был в полном отчаянии. Кстати, а почему ты-то согласился? Потому что все шахматисты не смогли бы отказаться от такой чести?

— Не смогли бы, факт, если бы знали то же, что я. Ты дала мне возможность отличиться.ставишь «отлично»?

— Словами играешь, Сообщающийся Сосудик? Теперь уже по моему образцу работаешь, ко мне подравниваешься? — Она совершенно рассвирепела.

А я вдруг засмеялся от удовольствия. И меня совсем не огорчила мысль, что почти любой на моем месте тоже рассмеялся бы от удовольствия, додумавшись до такой шути.

Лариса совершенно растерялась и замолчала. А я спросил ее:

— Послушай, ты обратила внимание: сегодня команда проиграла, а я сделал ничью.

— Это говорит патриот института и идеал командного игрока?!

«Опять заведется,— подумал я с беспокойством.— Так и кончится опять игрой в молчанку». Это я подумал, а вслух сообщил:

— Мы сыграли до этого шесть матчей. Четыре выиграли. Один вничью. Один проиграли. В тех четырех встречах я набрал четыре очка. Два раза сыграл вничью.

— Ну и что?

Теперь я мог рассказать ей правду. Потому что у меня появилась надежда. Рассказать и о том, как боялся, что она пойдет на мехмат. Туда один из трех подавших заявление попадает, а я могу выдержать экзамены только вместе с пятьюдесятью одним процентом поступающих. И о том, что произошло, когда не состоялась драка. И о многих других случаях, когда я «подравнивался», сам не понимая, как это происходит.

— Я всегда член команды, выигрывающий или проигрывающий только вместе с нею. Пойми это. Я не виноват.

— Сегодня команда проиграла. А у тебя ничья.

— Так я же об этом и начал говорить! Значит, я смог подравняться не к своей команде, а к противнику.

— Можешь и так?

— Оказывается, могу. И кажется, не только...

От мощного толчка в бок я отлетел к краю тротуара, поскольку знулся, упал на одно колено. Высокий парень, чуть покачиваясь явно для куража, а не оттого, что выпил, внимательно смотрел на меня, держа на весу здоровенные кулаки. Рядом с ним улыбался детина пониже, но зато шире в плечах... Много шире. Двое других с шуточками подхватили Ларису под локти.

— С нами, с нами! — верещали они наперебой. — У нас праздник. Мы бы и кавалера твоего позвали, да у него, наверно, ножка болит... Да ведь и то: нас четверо, а ты одна.

Так. Я собрался. Сообщайся же ты, сообщающийся сосуд!

Отхлынула кровь, залившая изнутри глаза. Рассеялся туман перед ними. Я почувствовал, как вздуваются мышцы, бегут по нервам точные деловые приказы, колено отрывается от тротуара, ноги, обе, чуть согнуты, подбородок опущен, руки я держу на высоте пояса, мозг решает, кто из четверых опаснее и в каком порядке с ними работать. Я ощущаю себя боевой машиной с безупречным узлом управления и совершенным вооружением. Знаю, что должен сделать, что будут делать они, как я отвечу.

Когда опомнился, все мышцы у меня ныли, ноги не слушались. Лариса, отчаянно всхлипывая, тянула меня к своему дому.

— Торопиться некуда, — гордо сказал я, — лежат, голубчики.

Но остановились мы только в ее подъезде. Она еще всхлипывала. Я гладил ее плечи и голову.

Подняла глаза.

— Как ты смог?

— Про эту идею я и хотел тебе рассказать. Понимаешь, представил себя в сборной команде Союза по самбо. И подравнялся под большинство.

Перун

Когда он вернулся из своего первого полета, затянувшегося почти на полтора года, то его щенячье упоение собственной стремительностью, гибкостью и всемогуществом, которые так легко дались и его телу, и его духу, достигло апогея. И разнокалиберные сюрпризы чужих планет, отличавшихся весьма умеренным, с точки зрения Большой Земли, гостеприимством, и тягомотина цепочечных прыжков в подпространстве, и отеческая забота всего экипажа, начиная с самого Гейра Инглинга и кончая трюмным кибер-уборщиком, его отнюдь не утомили; напротив, он с раздражением обнаружил, что набрал чуть ли не полпуда никчемной плоти, столь обременительной для его профессии. Ему стало стыдно поджарого Гейра, и он вогнал себя в норму методами форсированными и даже несколько жутковатыми.

Положенные сорок пять дней отпуска он решил посвятить восхождению на заповедный пик Елены, но задолго до половины этого срока полное отсутствие восторга при виде сияющих вершин истинно рериховского ландшафта поставило его перед безрадостным фактом, что восхождения ради восхождений отодвинулись для него в прошлое. Он хлебнул настоящей работы, и игры на свежем воздухе перестали его наполнять. У него хватило мужества признаться в этом открытии своим спутникам, и его милосердно спустили вниз на вертолете.

Еще полтора дня ушло у него на то, чтобы найти Гейра Инглинга.

Командир гостил у папы с мамой на станции региональной метеокорректировки и самым буколическим образом пилил дрова в паре со списанным одношупальцевым кибом, когда новобранец его экипажа свалился на него весь в соплях от собственного комплекса разочарований.

Гейр не впервые возился с новичком и в отличие от него сознавал, что полтора года — это мизерный срок для действительной акклиматизации в космосе и что сейчас наступает одна из самых изнурительных, хотя и быстропроходящих фаз — кажущееся отчуждение от Земли. Энергии через край; мускулы, парадоксальные с точки зрения классической анатомии, играют в силу инерции; быстрота реакции некритично воспринимается как отточенность ума, а его-то и не хватает для того, чтобы не обольщаться по поводу всемогущества эдакого элитного биоробота, скороспело взлелеянного в себе самом во славу инопланетных одиссей. Настоящим зубром дальних зон космоса становиться только тогда, когда вот так тянет поколоть дрова...

Но такие вещи не объясняют на словах.

Поэтому мудрый Гейр, не навязывая сочувствия, но и не впадая в сентенции, тут же связался с Байконуром и отрядил космолингвиста

Анохина на нетворческую работу по разборке трюмов. Конечно, правила гостеприимства обязывали его предложить отставному альпинисту отдохнуть на метеостанции, тем более что она располагалась на берегу прелестного малахитового озера, вобравшего в себя всю разномастную зелень окрестных лесистых холмов. И коль скоро для Анохина сейчас самым полезным было по маковку окунуться в работу, то командир посоветовал ему пуститься в путь засветло, потому как его мать, хозяйка этой станции владетельная Унн Инглинг, в части метеокорректировки несколько дальнзорка, и если во всем регионе поддерживался строго заданный климатический режим, то в окрестностях станции, под самым носом, порой творилось ну прямо черт-те что. А так как до ближайшей вертолетной стоянки километров двенадцать безлюдными прибрежными тропами, то еще лучше попросить рейсовую машину завернуть на минутку сюда. Иначе благополучного возвращения на корабль он не гарантирует.

Как и следовало ожидать, Анохин самонадеянно заявил, что доберется до вертолетной пешком и прибудет на «Харфагр» своевременно. Излишне добавлять, что у такого командира, как Гейр Инглинг, носящего имя древнейших повелителей викингов, и корабль был назван по прозвищу самого прославленного, хотя и не самого добродетельного из этих королей.

Анохин простился с Гейром и владетельной Унн чуть торопливее, чем следовало младшему члену экипажа, и, обогнув стадо противорадовых «кальмаров», запрыгал по узловатым корневищам каких-то реликтовых великанов, вместе с тропинкой спускающихся к самой воде. Там он свернул влево и пошел берегом, временами выбираясь на крупный буроватый песок, над которым стлались звероподобные вечерние комары; затем тропинка круто брала влево, забираясь на продолговатую гряду, поросшую можжевельником, словно тому, кто проложил этот путь, казалось невыносимым и противоестественным все время двигаться по прямой.

Он шел уже около получаса, радуясь обещанной безлюдности, и только искоса поглядывал на густо-зеленую тучу, исполинским жабым животом навалившуюся на противоположный холмистый берег. Мокнуть не хотелось. Тропинка то и дело ныряла в хаотический лесной молодняк, а когда горизонт открывался снова, становилось ясно, что скорость движений тучи не оставляет ни малейшей надежды на благополучное завершение этого маленького путешествия.

Туча была грозовой, поэтому стоило подумать о чем-то более безопасном, нежели развесистое дерево.

Он ускорил шаг и совершенно неожиданно услышал впереди себя голоса. Он удивился так, словно где-нибудь на Атхарваведе увидел человека без скафандра. Затем рассердился на себя за это изумление, а заодно и на своих непрошенных попутчиков — невидимые за поворотами петляющей тропочки, они явно шли в том же направлении, что и он.

Так. Перед ним, сумевшим соскучиться в пламенеющих закатах рериховских Гималаев, были всего-навсего заурядные заблудившиеся дилетанты, после недельного душного заточения в своих лабораториях и информаториях снedaемые мазохистским намерением обязательно преодолеть двадцатикилометровую дистанцию с кострово-котелково-комариным финалом. Святые люди. Он даже поздоровается с ними. И даже приветливо.

Дорожка выпрямилась и в сотый раз пошла вниз, впереди замаячил последний рюкзак, и цепочка людей, предшествующая ему, насчитывала еще не менее двух десятков умаявшихся рюкзаконосцев. Анохин сделал рывок и начал обходить их одного за другим, временами кивая и бормоча нечто нечленораздельное, но дружелюбное; тропинка наконец вылилась на прибрежный песок, цепочка людей потеряла свою четкую последовательность, и Анохин невольно оказался в самой гуще туристов. Он уверенно двинулся вперед, лавируя между людьми, даже на них не глядя, но сзади крикнули: «Кира!» — и он автоматически обернулся, прежде чем понял, что зовут, конечно, не его. Сказалась скорость реакции, совершенно излишняя тут, на Большой Земле.

Кто-то слева от него обернулся с той же стремительностью, но чуть более плавно, и он поднял глаза просто потому, что его поразила точная зеркальность этого движения.

Разумеется, если бы он с самого начала взял на себя труд оглядеть своих попутчиков, он несомненно отличил бы эту тоненькую фигурку от всех остальных — уже хотя бы потому, что она была в каком-то облачно-сером платье и без обязательной ноши. Что-то еще было в ней, что стоило рассмотреть повнимательнее, но он, опять же в силу быстроты отточенной в полетах реакции, проследил за направлением, откуда прозвучал зов и куда естественно потянулась она, а когда взгляд его вернулся на прежнее место, рядом никого уже не было. На то, чтобы произвести это движение — уже не телом, а всего направлением взгляда, — ему потребовалось две сотые секунды, не более; и все-таки облачно-серое платье плавно очутилось впереди, метрах в пяти-шести, ускользая от его внимания.

Ассоциации возникли столь же мгновенно, сколь и непрошенно, и Анохин уловил странное сходство с прыгающими бликами на Ингле, в их последнем полете. Световые зайчики, порожденные нефиксируемым источником, да еще и при постоянно спрятанном за тучами солнце, преследовали группу десанта на протяжении всей экспедиции — холодные, ускользающие, любопытные. Их пришлось оставить вместе с серебряным песком и прочими немногими радостями этой металлической планеты, совершенно не пригодной к заселению из-за отсутствия кислорода. Серебра, конечно, было навалом, но не тащить же его из девятой зоны дальности... Планета была занесена в каталоги как бесперспективная, и вместе с пепельно-сыпучими воспоминаниями

отложились досада на то, что поторопились связаться с Базой и в полном очаровании этим платиновым мерцанием занесли бесполезную тарелку в официальный список под именем Земли Гейра Инглинга, одарив ее звучным именем древних викингов и современных звездных капитанов. Да, поторопились.

Одним из неперменных качеств, которое Гейр старательно воспитывал в Анохине, было неукоснительное доведение до логического конца любого начинания, и именно в силу этой звездной, а отнюдь не земной привычки он догнал обладательницу пепельного нетуристского одеяния. Раз уж что-то показалось необычным, но задержало его весьма привередливое внимание, то это надо было зафиксировать пометке.

Она (а если верить обращению, то Кира) вдруг выбросила вправо руку одновременно плавным и стремительным движением, как это делают любители старинных велосипедов; узкая, белая до серебристости ладонь мелькнула перед самыми глазами Анохина, точно улейка, и, повинаясь этому жесту, брючно-рюкзачная стойка свернула от воды в ложинку между холмами, где в смутной лиловости предгрозового тумана замаячили торчки плетеной ограды. За торчками угадывался домик, затененный зеленью, и Анохин сразу понял, что она в отличие от всех остальных не пришлая, а скорее всего хозяйка этого домика, и вдруг совершенно неожиданно его захлестнула досада от того, что сейчас этот одинокий маленький дом, похожий на заброшенный в сад скворечник, будет переполнен рюкзаками и кедами, запахом вывернутых курток и топотом ног в одних носках...

На эту досаду ушло не более полутора секунд, и взгляд, отброшенный уклеечным движением ладони к обреченному скворечнику, вернулся на прежнее место, где только что стояла она.

Ее, естественно, не было. Ускользнула куда-то за спину, и теперь подгоняла увязающих в песке аутсайдеров нетерпеливыми и зябкими движениями плеч и маленького подбородка. Он опять не разглядел того, что хотел, но возвращаться назад, к ней, было по меньшей мере глупо и неестественно, и Анохин решил подождать, когда она пройдет мимо него, но тут первая капля величиной с конский каштан шмякнулась на песок, туристы дружно загалопировали, трюхая снаряжением, и он вдруг поймал себя на том, что уже расстегивает на себе куртку, потому что тому, кто добежит последним, от недосмотра дальноточной Уни достанется более всего; он вытянул шею, высматривая поверх голов пепельные, как и платье, волосы, и с традиционным недоумением снова ничего не обнаружил. Не было ее на берегу.

Он с трудом углядел ее возле садовой ограды, сквозь плетеньку которой цепко лезла на волю одичавшая неухоженная жимолость. Туман сползал по ложине, разделявшей холмы, и вдруг с тою же радостью уже начавшей его тревожить, с которой отыскивал он серое платье, Анохин понял, что непрошенные посетители зеленого озера вовсе и не

думают оккупировать чужой дом, а, минуя его, ныряют в туман и топочут, как невидимые гномы, к какому-то приюту, ожидающему их где-то среди холмов; приглядевшись, он даже различил смутный огонь, трепетавший в глубине сгущающихся сумерек. Последний топотун исчез, едва окунувшись в туман, и, опережая собственный взгляд, Анохин понял, что возле ограды ее уже не будет.

И ее не было.

Он сделал несколько шагов и взялся за шершавые ивовые прутья заборчика. Из сада тянуло зеленолиственной влагой и пронзительным одиночеством. Он ждал, что в доме зажжется свет, и тогда она глянет в окно, отделенное от него какими-то десятью шагами, и заметит его блестящую форменную куртку, и вернется. Проще простого было бы крикнуть в темноту: «Кира!» — но он знал, что этого он не сделает. Слишком уж примитивно. Перенести его на порог ее дома должно было какое-то волшебство, родственное тому, которое позволяло ей беспрепятственно исчезать в одном месте и являться в другом — вот именно, являться, а не появляться. Он стоял, не шевелясь, чтобы не спугнуть это надвигающееся на него наваждение, и уже знал, что простоял тут всю ночь, ожидая своей минуты, и редкие тяжеловесные капли все крепче и крепче прибывали его к ограде, с методичностью, возведенной в степань фатальности. И она стояла перед ним на расстоянии протянутой руки, явившись неизвестно в какой миг, и смотрела на него непомерно расширившимися глазами, как смотрят на добровольного мученика-идиота, с той долей иронии и сострадания, которая была заповещана Франсом и утверждена Хемингуэем.

Он увидел эти глаза и понял, что же еще в ней он старался угледеть.

— Все ушли, — проговорила она, хотя и так было ясно, что они тут в полном одиночестве, — то есть вдвоем.

— А как же я?.. — проговорил его губами кто-то очень маленький и вконец растерявшийся.

— Ну так догоняйте! — сказала она легко и снисходительно.

Он молчал, ожидая, что она сама догадается хотя бы по его куртке со звездами и молниями, — которых, между прочим, в космосе никогда не бывает, — что гномы-топтуны никакого отношения к нему не имеют; но молчание затягивалось, и он вдруг осознал, на пороге какого дома он остановился. Это был дом, где даже не знают, как выглядит форма звездолетчика.

Все, что делало его суперменом в собственных глазах — ну и еще кое для кого из окружающих — все последние полтора года, не имело здесь решительно никакого значения. Он до того растерялся, что толкнул калитку и без приглашения влез в мокрый сад, как буйвол на грядку со спаржей. Она повернулась и поплыла к дому, по пояс в тумане, и совершенно непонятно было — то ли это форма возмущения

его бесцеремонностью, то ли приглашение следовать за нею. Как настоящий мужчина, он выбрал то, чего добивался сам.

— Вас ведь зовут Кирилл? — не оборачиваясь спросила она, поднимаясь по ступеням крыльца.

Значит, она как-то чувствовала, что он следует за ней, хотя двигался он совершенно бесшумно, как учил его Гейр. И отвечать ей не нужно было — она спрашивала не для того, чтобы услышать вежливое «да, вы очень любезны, что сообразовались запомнить мое имя». Или еще что-нибудь столь же изысканное, почерпнутое из юношеского благоговения перед стэндалевским Фабрицио. Он молча поклонился ее узенькой серебряной спине.

Она поднялась на последнюю ступеньку и растворила дверь, пропуская его перед собой. Он вошел в единственную комнату, из которой и состоял этот дом, и внезапно понял, что здесь ему делать нечего.

Всю переднюю стену занимало окно, вернее, ивовый изящный переплет, на который была натянута стеклянистая пленка, за которой глухо зеленело озеро, слева и справа очерченное буроватыми лунками пляжа. Правую сторону занимало нагромождение полок и экранов, ваз и шкафчиков, кофеварок и консольных компьютеров, куда скромно вписывался едва ли не детский письменный стол. Два резных стула с очень высокими спинками подчеркивали хрупкость и неприкасаемость всей обстановки, и с этим еще можно было бы смириться.

Но у левой стены снежно белела узенькая постель с кисейным пологом, от которой девственно веяло температурой абсолютного нуля.

В эту комнату она спокойно могла привести озверелого легионера времен Марка Красса, пьяного каторжника или хорошо выдержанного монаха.

Или потерявшего маму олененка.

— Что вас тревожит? — спросила она, переступая следом за ним порог своей обители. — Сейчас мы свяжемся с вертолетной, и машина будет сразу же, как только утихнет гроза.

— Знаете, я пойду, — поматывая головой, проговорил Кирилл. — В этой комнате совершенно невозможно развалиться, взгромоздиться, швырнуть куртку на пол, сбросить тапочки... Словом, чувствовать себя человеком.

— Действительно, — грустно согласилась она, — не располагает... Но у меня есть кофе и ром, это поможет мне сгладить недостаток гостеприимства.

— Я бы не подумал, что вы грешите недостатком коммуникабельности — волокли по берегу целую ораву...

— А, эти!.. Что ж делать, они относились к той категории людей, которые никогда не знают, где находится то место, откуда надо сворачивать.

— А я? — жадно спросил он.

— Вы, вероятно, интуитивно находите места, куда вам сворачивать не стоит. И направляетесь именно туда.

— Верно! А вы?

— Я... Вы управитесь с кофемолкой?

— Я управляюсь с любым механизмом, от турбогенератора до гильотины. Например, я априорно знаю, что этот стул меня не выдержит. Проверять или не стоит?

— Не стоит, пожалуй. Вот кофе, а я пока вызову вертолетную.

— Я бы в такую грозу вам этого не рекомендовал... Кира! Это действительно опасно.

Она медленно протянула руку и выключила передатчик.

— Вы физик? — спросила она.

Кирилл подумал, что такие вопросы простительны только дремучим гуманитариям.

— Я переводчик, — сказал он, избегая высокой титулатуры.

— С древних языков?

— С инопланетных.

— А.

У него дыхание перехватило от всей безмерности равнодушия, сконцентрированного в одном коротеньком звуке. Так тебе, звездный скиталец! Поделом тебе, покоритель вселенной!

— Слышали бы вы, как прозвучало ваше «А!», — проговорил он сокрушенно. — Глубокий финальный аккорд, после которого слушателям остается только пройти в гардероб. И это вместо непринужденной беседы, в ходе которой я намеревался выведать, чем же занимаетесь вы на этом пустынном берегу...

— Вы неточны: я сказала «А». Без восклицательного знака. Кстати, кофейные чашки вон там, на второй полке.

Он стиснул руки и мысленно поздравил себя с тем, что сумел сдержаться и не грохнуть кулаком по письменному столу. Почему из всех женщин, которые встречались ему и на Земле, и вне ее, именно эта была самой неуловимой, самой ускользающей? Все было, как на Ингле, когда набираешь полные горсти серебряного звенящего песка, и как крепко ни стискивай руки, все равно неуловимые струйки текут между пальцами, и ладони уже пусты, и только печальное, беззвучно тающее облачко маячет на том месте, где ты только что владел целым сокровищем...

— Почему вы не хотите довериться мне? — проговорил он с горьким недоумением. — Так глупо и нескладно, как с вами, у меня ни разу и ни с кем не получалось... Ведь если самому раскрыться, вывернуться наружу той розовой шерсткой, которая внутри у нормальной человеческой души, то тебе обязательно отвечают тем же...

— Зачем, Кирилл?

Эти два слова прозвучали в холодной сумеречной комнате, словно два тихих удара маленького серебряного колокола. Снаружи грохо-

тали почти непрерывные громовые разряды, но они ровным счетом ничего не значили, да скорее всего они оба их попросту и не слышали, словно звуками на самом деле было только то, что произошло в этой комнате, а все остальное относилось к иной категории явлений и было яркой, но беззвучной декорацией.

— Действительно, зачем? — отозвался он устало и почти безразлично — эти два серебряных удара вышибли из него весь былой энтузиазм. — Я, конечно, осел. Даже если вы подробно растолкуете мне, кто вы, откуда и на какой ниве приносите пользу всему человечеству, я все равно не узнаю главного: почему сегодня, двадцать седьмого августа две тысячи девяностого года, в душный, совсем не по-осеннему жаркий вечер вы замерзаете одна в этой ледяной комнате. Я сейчас уйду, и вы замерзнете совсем. А уйти придется, потому что мне здесь делать нечего. У меня уже есть небольшой опыт, мы ушли с целой планеты, когда поняли, что, в общем-то, не нужны друг другу. А это была сказочная планета, вы уж поверьте мне на слово. У меня по ней останется тоска на всю жизнь, да что поделаешь...

Он поискал глазами, куда бы поставить так и не выпитые чашечки кофе, и увидел, что она сидит на узеньком своем стуле, от подбородка и до кончиков туфель туго завернувшись в какую-то бесцветную шаль, с безупречно прямым углом согнутых коленок, как у статуэток древних египетских богинь. Он поставил чашечки ей на колени и сел прямо на пол, жадно и безнаказанно глядя ей прямо в лицо.

— Сейчас я уйду, — пообещал он, — потерпите еще немного, я отсчитаю семь зеленых молний и уйду. Честное звездное.

Он обернулся к застекленной стене, и в тот же миг небо над озером раскололось глубокой трещиной, и по обеим сторонам этого провала очертились набухшие темно-зеленые пласты, как будто разомкнулись чудовищные губы нависшего над озером злобного, гневливого духа. Целая обойма ломаных, ступенчатых молний разом саданула в разглаженную дождем поверхность воды, и неистовый грохот не медля вмял в комнату дрожащую от напряжения, пузырящуюся в частых переплетах окна сверхпрочную пленку.

Кирилл вскочил раньше, чем зеленое зарево осветило всю комнату, — молний было ровно семь, и чем бы это ни было, дьявольщиной, совпадением или вмешательством каких-то inferнальных сил, подвластных этой пепельно-ледяной женщине, — его человеческий своевольный дух вздернул тело на дыбу раньше, чем разум смог отдать какой-то обдуманный приказ.

Он схватил ее за плечи и поднял, так что несчастные чашечки покатались в разные стороны, прочерчивая на подоле стремительные траектории, и вместо злости ощутил вдруг неистовую радость освобождения от собственной маелы и беспомощности, словно вмешательство зеленогубого громовержца одним махом отмело все правила, условности и запреты.

Он кричал ей что-то прямо в лицо и понимал, что за несмолкаемой канонадой ничегошеньки не слышно, и смеялся от неожиданно обретенной свободы. Черта с два он теперь уйдет отсюда! Хватит с него прощаний...

Гром поutih.

— Думаешь я теперь уйду? — крикнул он, успевая вклиниться в образовавшуюся паузу, и голос его прозвучал непомерно резко и нетерпеливо. — Фу, прохти за львиный рык, но в этом грохоте и не сообразишься... Никуда я не уйду. Ты только погляди на него, ишь разевает пасть... Перун. Идолище поганое. И оставить тебя одну — с ним? Не выйдет! Набегался я с других планет. Накался. Натосковался. Теперь я на своей Земле!

За окном, уже успевшем зарости новой пленкой, оглушительно и протестующе громынуло.

— Обратила внимание — когда у него молнии свисают с верхней губы, он похож на зеленого моржа. Ну ничего, дождь сейчас кончится, такие жуткие грозы бывают только всухую, так что я наберу чего бог пошлет и разведу тебе настоящий живой огонь, с треском и гарью, ржыйй...

— Уходи, — с неожиданной силой освобождаясь от его рук, проговорила она. — У-хо-ди.

От неожиданности он опустил ее на пол, даже попятился, пытаясь найти нужные слова и не находя их, а она наступала на него, запрокинув голову и зажмурив глаза, и повторяла с яростной настойчивостью:

— Уходи. Уходи. Уходи.

Он наткнулся спиной на дверной косяк, нащупал запоры — распахнул дверь. Ветер, несущий ветки, листву и сырой песок, едва не сбил его с ног.

— Уходи! — крикнула она, стараясь перекрыть вой бури, но все-таки не открывая глаз, и тогда на него снова нахлынула радость, оттого что она боялась его видеть, оттого что, кроткая, милосердная и безразличная, она гнала его в грозу, и он замер, боясь сделать что-нибудь не так и спугнуть снизошедшее на нее наваждение.

Не слыша больше его шагов, она по-птичьи насторожилась и боязливо приподняла ресницы.

Он стоял близко-близко.

— Уходи... — угадал он по беззвучному шевелению губ.

Кирилл оглянулся на черные пришибленные кусты, на частые молнии, ядовитыми иглами сыплющиеся с неба.

— Так ведь страшно! — пробормотал он, молясь всем богам вселенной, чтобы ей только не пришла в голову одна простая, очевидная истина — что звездолетчик, побывавший в дальних зонах, органически не может испугаться такой малости, как земная гроза...

Молния впиалась в дерево где-нибудь метрах в тридцати.

— Вот так и убьет, — обреченно пообещал он, пересчи-

тывая в уме дни, оставшиеся до отлета, и уже твердо знал, что явится на «Харфагр» никак не раньше, чем за три минуты до старта...

Как и бывает с письмами, которые раз в месяц одновременно идут навстречу друг другу, они были наполнены довольно бессвязными воспоминаниями, вопросами без ответов и ответами на еще не заданные вопросы. Получая пакет с информационной точкой, переброшенной через непредставимые разуму протяженности пространств и подпространств, Кирилл мчался к себе в каюту, минуя нелюбопытный взгляд всегда сдержанного Гейра Инглинга. У себя он запирался, запускал точку в дешифратор, и каюта наполнялась ломкими озорными бликами ясного, чуточку печального голоса, исказить который не могла даже непредставимая фантазмагория многоступенчатой галактической связи.

Едва дослушав, он бросался надиктовывать ответ, втайне понимая, что за предстоящий месяц появится еще тысяча поводов для десятков тысяч слов, но он ничего не мог с собой поделать, потому что пока он говорил с нею, она была с ним. И он описывал бесконечные перипетии тяжелого рейса и свою работу, наконец-то настоящую, когда от его интуиции и опыта зависела судьба контакта с предполагаемой и почти иллюзорной цивилизацией. Экспедиция затягивалась на год, потому что приходилось ждать прибытия комплексников, которые всегда тянули со сборами, и в отчаянии от этой задержки, которая в предыдущем рейсе показалась бы ему просто подарком судьбы, он в который раз уже поминутно вспоминал каждый из двадцати четырех дней, отсчитанных от грозового двадцать седьмого августа до самого отлета «Харфагра», и устраивал ей шуточные сцены ревности к затаившемуся за прибрежной горой Перуну, так старавшемуся с треском выставить его из ее домика; и запугивал ее старинными легендами о феерических супермолниях, которые хорошо видны с космических орбит Приземелья, но почему-то неизвестных на самой Земле,— потоках огненной энергии, из которых, вероятно, и рождались языческие легенды о пылающих копьях мстительных громовержцев...

И, как это всегда бывает с вынужденно затянувшейся перепиской, на исходе полугода одной из сторон стало просто невыносимо тесно в точечном объеме одного послания, а другой — чересчур просторно.

Он сходил с ума, улавливая эту сдержанность и недоговоренность, он предполагал все, что угодно, — естественно, кроме того, что было на самом деле; не в силах помешать, он чувствовал, что она снова ускользает от него, и именно потому, что

это ускользание было неотъемлемой ее чертой, он любил ее еще неистовее. Она ни в чем не упрекала его, но ничего и не обещала; она не отнимала у него ни грана прошлого, но словно остерегалась говорить о будущем. И с каждым разом он все больше и больше боялся, что следующего письма уже не будет.

В майской почте пакета для Кирилла Анохина не оказалось.

Его спасло только то, что одновременно прибыли корабли группы освоения, приходившие на смену комплексной разведке в том случае, если планета оказывалась перспективной. Суeta передачи дел, погрузки, старта и многочисленных прыжков в подпространстве могла отвлечь кого угодно и от чего угодно, но только не его. Ежесекундно вызывал он в своем воображении толпу пропыленных встречающих, изнывающих под субтропическим космодромным солнцем, и ее, облачно-прохладную, молчаливую, истосковавшуюся от безответного наговаривания писем в пустоту диктофона...

На космодроме ее не было.

— Гейр,— крикнул он, врываясь к командиру,— ты можешь поверить, что мне сейчас нужна самая скоростная машина... и, если возможно, пропуск-аллюр?

Гейр посмотрел на него и понял, что это ему действительно нужно. Ни о чем не спрашивая, он выписал ему разрешение на самую быстроходную из машин глайдерного парка и поставил шифр, позволяющий получать преимущество в любых коридорах и на всех горизонтах воздушного пространства.

К вечеру Кирилл уже был над озером. Он посадил машину на песок, осторожно выбрался из кабины и ужаснулся тягостному покою, нависшему над зеленой водой, расчерченной узкими отсветами двух вечерних костров, уже зажегшихся под звероподобным холмом на другом берегу.

Пока он шел к домику, он не спугнул ни одного зверя, ни одной птицы. Он уже ни на что не надеялся и почти не удивился, когда домик оказался пуст звенящей и прозрачной пустотой стеклянного колпака.

Когда он возвращался назад, к машине, золотоглазый нерасторопный уж пересек ему путь и, скользнув под стабилизатором, бесшумно ушел в воду. Кирилл набрал высоту и безошибочно нашел внизу серебристые ангараы метеокорректировочной станции.

Маленькая остроносая Унн Инглинг, похожая на полярную сову, приняла его приветливо и чуточку обиженно — как всегда ее Гейр задержался на космодроме дольше всех. Разумеется, любой член экипажа ее сына может отдыхать здесь сколько ему вздумается. Озеро... Уединение... Что, домик? Бога ради, он совершенно пуст.

Она тоже не договаривала, тоже ускользала, очевидно, полагая, что все происшедшее на их берегу не касается посторонних.

— Там жила... женщина,— проговорил Кирилл, с трудом разжимая губы.

Маленькая полярная сова нахохлилась, раздраженная его настойчивостью:

— Это очень, очень печально. И совершенно непонятно, как это произошло. Нелепая случайность. Был конец мая... Да, совершенно точно: девятнадцатое мая две тысячи девяносто первого года.

В этой точности было что-то ужасающее, и Унн это почувствовала:

— Мы были почти незнакомы...— как бы оправдываясь, проговорила она.

— Нелепая случайность... — повторил он.— Молния...

— Молния? Ну что вы!— в голосе владельной Унн слышалась профессиональная гордость.— Как только я узнала, что она ждет ребенка, я оградила берег от малейшего ветерка. Девятнадцатого мая был исключительно тихий вечер. Как сегодня. Нет, нет, Кирилл, никакой молнии быть не могло. Кажется, она спешила на вертолетную, отправить кому-то письмо, а у поворота есть небольшой обрыв, метра два, и тропинка не узкая... Но женщины в эту пору иногда забывают, что прежняя ловкость может им изменить. Она упала в воду, и хотя там было не глубоко... Кирилл?!..

Он очнулся в маленькой палате, которую заливало солнце. У окна сидел кто-то, и блестящая звездная куртка натягивалась на его согнутой спине при каждом вдохе.

— Гейр,— позвал Кирилл.

Командир обернулся. Он был очень похож на мать, только ровно вдвое выше.

— Что там?— спросил Кирилл.

Гейр повел носом в сторону подоконника.

— Там море,— коротко сказал он.

Кирилл прикрыл глаза. Мутная темно-зеленая тошнота захлестнула его с головой, как и в тот раз, когда он вдруг пережил весь ужас немгновенности ее смерти.

Несколько минут было тихо, потом слышались шаги — осторожно подходил командир. Кирилл мысленно проверил, может ли он говорить, и только тогда открыл глаза.

— Послушай, Гейр,— проговорил он, глотая слюну,— вытащи меня отсюда.

Гейр втянул голову в плечи и по-птичь востропел. Вероятно, это должно было означать отказ.

— Вытащи меня,— настойчиво повторил Кирилл.— И засунь на

какую-нибудь станцию. Все равно где. Только бы там не было ничего, кроме стен и машин. И чтоб выйти было некуда. Никаких встроенных пейзажей. Никаких озер и морей. Только стены и звезды за окном.

Командир пылливо всматривался ему в лицо — он еще ничего не понимал.

— Да вытащи ты меня! — чуть не плача крикнул Анохин. — Не может быть, чтобы ни на одном буйке не было свободного места! Я могу работать кем угодно, ведь любой космолингвист — обязательно и связист по совместительству. Пойди поговори с центральным диспетчером... Ты сам-то скоро уходишь обратно?

— Через неделю. На Шеридан.

— Нет. Это не для меня, — через силу проговорил Кирилл, припоминая пасмурные озера Земли Мейбл Шеридан и снова заходясь от удушья. — Выкинь меня по пути на любом маяке. Только бы отсюда. От этого моря.

Командир наклонился к нему — глаза Кирилла, голубые хулиганские глаза, освещавшие целый корабль или четверть планеты, были подернуты зеленой мутью.

— Что с тобой? — спросил Инглинг, потому что ему необходимо было это знать.

За окном шуршало, наваливая гальку к подножию больницы, теплое лиловое море. Лицо Кирилла снова свело судорогой.

— Не могу видеть воду, — с каким-то недоумением проговорил он. — Море ли, река... Пить могу, не бойся. Только из глиняной кружки. Ну иди же, звони диспетчеру. Или я действительно тронусь.

Осторожно-ступая, командир вышел. Он пропадал около получаса, и когда вернулся, вид у него был какой-то небожничный — как у потрепанного боевого петуха.

— Представь себе, отыскалось место — синекура! Странно-примный дом. И всего один светляк от Большой Земли. Подходит?

Кирилл кивнул. Страннопримный дом — так были прозваны спасательно-аварийные буйки в дальнем Приземелье. Раскиданные на расстоянии светового года от Солнца, что по теперешним меркам считалось уже окрестностями Земли, они были готовы оказать помощь сбившимся с курса кораблям, которые из-за поломки или еще по каким-нибудь причинам выныривали из подпространства слишком далеко, для того чтобы идти дальше на планетарных, и слишком близко от Земли, чтобы манипулировать неисправными гиперпространственными двигателями.

— Вызывай машину, я сейчас подымусь, — сказал Кирилл, щурясь от слишком яркого света.

— А вот это не пройдет! Я с трудом уговорил здешних церберов забрать тебя через неделю под личную ответственность, да и при условии...

— Ну и черт с ними, — неожиданно сдался Анохин. — Неделю я продержусь, это я тебе обещаю. Но ни дня больше... И сделай милость, задерни шторы. Раз осталась неделя, тебе пора...

Он методично обходил станцию, свываясь с каждым ее уголком. Кольцевой док, куда загоняли покалеченный корабль, — дырка от космического бублика. Сам бублик — машинные отсеки, реакторный зал, оранжереи и жилые корпуса — был смонтирован из двухслойного астролита, без которого немыслимо было бы современное строительство в Пространстве. Станции возводились там и тогда, где и когда удавалось подстеречь и главное — притормозить приличных размеров астероид. Затем к нему на паре сухогрузов перебрасывался небольшой плавильный цех, который превращал бесцельно блуждающую по Вселенной глыбу камня в тонкие полупрозрачные панели, из которых специально выдрессированные для этого кибы возводили висячие сады Семирамиды вкупе с дворцами Аладдина, разумеется, с поправкой на каноны космической архитектуры. На такой-то рукотворный островок, подвешенный в черноте Пространства, точно елочная игрушка, он и попал по собственной воле и неукротимому желанию.

На станции было все необходимое и ничего лишнего; то же самое можно было сказать и о немногочисленном персонале, принявшем Анохина, как он это понял, с традиционным радушием: все были донельзя приветливы, но никто к нему не приставал. А иного ему было и не нужно.

Он заглянул в обе обсерватории, рубку связи, скромные оранжереи, где тоже было только все необходимое — помидоры, клубника, фейхоа — и никакой экзотики. Он миновал только бассейн. Со временем, по-видимому, он и к этому привыкнет, но время это еще не наступило. Мысль о времени заставила его взглянуть на часы — до начала вечерней вахты оставалось пятнадцать минут.

Он направился в центральную рубку. С нехитрыми своими обязанностями он познакомился еще на пути сюда, на борту «Харфагра», и поэтому первый свой рабочий день он начинал без энтузиазма, приличного только новичкам в космосе. Инструкций ему почти никаких не дали — в самом деле, какие тут могут быть инструкции: сиди себе и жди сигнала от приборов, они за тебя все заметят и ничего не пропустят — каждый надежно дублирован; в случае чего решение примет большой станционный вычислитель, тебе придется только проконтролировать это решение. Но такое встречается нечасто, поэтому сиди себе, гляди в черный иллюминатор или играй с малым вычислителем в тихие настольные игры...

Ему пожелали спокойной вахты, и он остался один. Раскрыл вахтенный журнал, автоматически проставил: «25 августа 2091 года, 19 часов. Дежурство принял Кирилл Анохин».

И только увидев эту дату написанной на бумаге, он внезапно понял, что она означает. Прошел год. Ровно год с того дня, когда он, в полном смятении от бессмысленности своих развлечений, кубарем катился с Гималаев, чтобы вернуться к «настоящей» жизни. Он связался с Инглингом...

Нет. Инглинга он еще не нашел. Сейчас он сидит в нижнем лагере, держа в руках дымящуюся кружку, в которой ром пополам с чаем, и сморщенные ягоды горного можжевельника, и два юнца из спасательной команды презрительно повернулись к нему спиной. Инглингу он позвонит позже, часа через два, когда в верхнем лагере зажжется нежное и тоскливое пятнышко костра...

Он стряхнул с себя наваждение прошлого и обернулся к дисплейному пульту. Оливковые экраны высвечивали несущественную информацию, все механизмы станции жили своей размеренной машинной жизнью, где любое вмешательство человека — даже элементарное любопытство — было просто нелепо. Да, это счастье, что он догадался захватить с собой незаконченные расшифровки из последней экспедиции.

Он включил ММ — малый мозг — и, задав ему определенную долю кретинизма, сыграл с ним несколько партий в столеточные шахматы. Было интересно, но утомляло. Он запустил на боковом экране короткометражный бестселлер «Из частной жизни комет», не обнаружил и намеков на сенсационность и мельком взглянул на циферблат.

Прошло два часа.

Год назад в этот миг он разговаривал с Гейром Инглингом.

Он грохнул кулаком по панели пульта и заметался по рубке — благо размеры позволяли. Он просто физически чувствовал, как затягивает его прошлое — словно сзади, к затылку, приставили раструб вытяжной воронки, и холод воздуха, скользящего по вискам и утекающего назад, шевелил его волосы. Он противился этому притяжению назад, как инстинктивно сопротивляется человеческий мозг внезапному приходу безумия. Так ведь нет же, нет! С завтрашнего дня — восемь часов в спортивном зале, и даже за обедом — мытарство с дешифровкой, и в форсированном режиме — шериданский язык, здесь, кажется, механик по гипертрансляторам чешет на всей группе альфа-эриданских как бог. И пора учиться ручному монтажу, не на каждой же планете за спиной будет торчать услужливый киб...

«Прилетай!» — шепнул из прошлого Инглинг.

Кирилл почувствовал, что спина его покрывается холодным потом. Теперь это уже не был только страх потери равновесия во времени и падения в пустоту, которая за спиной; сейчас к этому цепенящему, но уже не новому ощущению примешивалось еще одно — раздвоение воли. Потому что внутри уже проснулся другой Кирилл, так и не

пришедший в себя от горя и теперь готовый отдать все свое настоящее за поминутное воспроизведение тех двадцати четырех дней, которые были отдалены от него целым годом.

«Надо что-то делать, надо что-то делать...» — с тоскливым отчаянием повторял он себе, и выплескивал остатки зеленого чая в костер, и брел к западному склону ловить ультрамариновый рериховский закат подальше от высокомерных и ничегошеньки не понимающих юнцов. И еще через час, окончательно замерзнув, возвращался в лагерь, чтобы сразу же влезть в мешок и тихонечко включить незабвенную сорок девятую Гайдна...

Кирилл рванулся к пульта, с непривычки долго искал каталог станционной фонотеки и, не мудрствуя лукаво, врубил на естественную громкость какую-то из шестнадцати симфоний Шнитке. Могущество музыки, помноженное на непомерную гордыню человеческого духа, эту неотъемлемую черту всего второго тысячелетия, наполнило его целиком, изгоняя и естество настоящего, и иллюзорность прошлого... Кто-то тихонько приоткрыл дверь в рубку, вероятно, встревоженный громовым «Санктус».

— Да? — спросил Кирилл, выключая фонограмму.

— Нет-нет, ничего, — ответили ему из-за двери, и тотчас же в рубку проник отголосок беззаботных, как ласточки, гайдновских скрипок...

Он запустил пальцы в распатланную шевелюру и зарычал. Тогда дверь все-таки распахнулась настежь, и в рубку вкатился коротконогий смешливый механик-полиглот с печальными и внимательными глазами древнего халдея-врачевателя.

— Вам что, нехорошо? — скорее констатировал, чем спросил он.

— Да нет же! — Кирилл с отчаянием замотал головой — он все силы положил на то, чтобы здесь никто ни о чем не догадался. — Просто воспоминания одолевают...

Механик закивал, словно именно это он и ожидал услышать:

— Придется привыкать, голубчик, придется привыкать. Мы тоже первое время маялись. Каждый. Ну, за исключением особо толстокожих. Надо как-то приспособливаться, экранироваться, а тут вряд ли дашь совет, это — индивидуальное...

— От чего экранироваться? — ошеломленно спросил Анохин.

— Ну, от того самого, что вас одолевает, как вы изволили выразиться. До Земли-то ведь ровно световой год. — Мелко перебирая ногами в меховых сапожках, он подбежал к иллюминатору, ткнул коротеньким пальцем в бестелесную черноту. — Так что стоит прищуриться — и вы увидите себя самого, в объеме и цвете, и точнехонько на год моложе. Ну и весь антураж, разумеется.

Кирилл, окаменев, глядел мимо его руки и мимо стен станции; глядел на крошечную янтарную бусинку, которая на самом-то деле

была Солнцем, но на таком расстоянии каждому казалась Землей. И вот на этой видимой ему Земле все было, как год назад.

Маленький халдей деликатно вздохнул:

— Год — очень точно фиксируемый отрезок, — продолжал он задумчиво, время от времени приподнимая брови и наклоняя голову набок — вероятно, такое движение позволяло ему экономить на произнесенных «понимаете ли», которые были эквивалентны, — поэтому здесь, на нашей станции, на нас накладывается не просто наше прошлое, долетающее с Земли, а **ОЧЕНЬ ЧЕТКО ПРЕДСТАВЛЯЕМОЕ** прошлое. Наше пси-излучение, пролетающее через глубины космоса, попадает в совершеннейший усилитель — собственный мозг. А он еще и настроен в резонанс — воспоминания-то идут день-в-день. Вот и начинается твориться с человеком всякая чертотварщина, а он еще убеждает себя не верить собственным ощущениям. А его трясет все сильнее и сильнее, и ни в одном медицинском анамнезе такового заболевания не значится. Потому как это не заболевание, а состояние, я его называл темпорально-психологический флаттер, точнее, пси-темпоральный, один хрен, меня все равно не слушают, было же время — в телекинез не верили. Видели, а не верили. На психотронную связь перейти не могли, потому что потихонечку пользовались, а с высоких кафедр разыгрывали аутодафеи с вариациями... Теперь в этот пси-темпоральный флаттер не верят, а самих скручивает, вас вот, например. А вы себя, поди, убеждаете, что грипп. А?

— Не «а». Удивляюсь, как это мне самому в голову не пришло.

— Да вы умница! — восхитился халдей в меховых сапожках. — Может, попользовать вас, повоздействовать на воспоминания? Я в какой-то степени могу... В конечном счете ведь любой усилитель может сбить с режима.

Кирилл ужаснулся:

— Так топором еще проще. Надежнее, главное.

— Нет, мы определенно найдем общий язык! Тогда, может, просто посидеть с вами?

— Спасибо. Буду искать способы экранироваться.

— Ну, надейтесь, надейтесь. Главное, что могу сказать вам в утешение, — что это ненадолго. Через год вы улетите с Земли сюда... то есть обнаружите, что уже улетели — и конец флаттеру. Финитя ля флаттер! — крикнул он, исчезая за дверью.

Кирилл, не отрываясь, продолжал смотреть на янтарную крупницу света. Теперь, осознанное и уже не иллюзорное, прошлое вливалось в него без сопротивления его пугливого разума; музыка, правда, исчезла, но он весь был полон странного покоя...

А полон ли? Что-то кончилось. Оборвалось. Зачем он слушал эти объяснения? Они все испортили. Ввели в логические рамки. Обер-

нули наваждение реальностью. Как вернуть это колдовство? Что он натворил?!

Кирилл метнулся к пульта, наклонился над светящимся циферблатом. Было половина двенадцатого. А год назад в это самое время...

Он просто спал. Только и всего.

Двадцать шестое августа он пережил относительно спокойно — лихие перегрузки, которым он сознательно предавался всю первую половину дня, почти не оставили ему сил на то, чтобы обращать внимание то на промелькнувший из прошлого льдистосизый висячий аэропорт Санхэба, то на плывущий навстречу пестротканый заповедник реконструированного Багдада, где он год назад имел неосторожность пообедать, чтобы потом мучиться изжогой всю Флоренцию, бесцельно пошататься по которой он позволял себе каждый раз, когда судьба забрасывала его в узкое голенище итальянского сапога.

Вечерняя вахта была беспокойна — из подпространства не вышел супертанкер «Парсифаль», и рубка была набита народом до четырех утра, пока неповоротливый гигант не дал о себе знать аж из четвертой зоны, где в благополучном удалении от любого из обитаемых миров он стравливал в пустоту несметное количество жидких соединений ксенона из своих продырявленных метеоритом баков, что грозило Вселенной образованием отвратительнейших зловоных микротуманности. Смененный, наконец, с вахты, он вернулся в каюту и уснул, уносясь на северо-восток в уютном гнездышке трансконтинентальной подземки.

Двадцать седьмого, обессиленный той двойной жизнью, которую взваливал на него проклятый пси-темпоральный флаттер, он едва поднялся с постели и побрел на завтрак, трудом отличая чьи-то соленые шуточки по поводу вчерашней протечки «Парсифаля» от собственного прошлогоднего голоса, исповедующегося Гейру на пороге метеокорректировочной станции. Он вяло поиграл в баскетбол, отказался от обеда и побрел на вахту, непроизвольно отыскивая в заоконной черноте теплую кроху бесконечно далекого солнышка, отождествляемого не просто с Землей, а именно с круглым, неярко отсвечивающим озером. Грозовая толща набухла там над противоположным берегом, и надо было торопиться.

Он забрался в перелесок, потом выбежал обратно на прибрежный песок и все озираясь, настороженно и нетерпеливо — не слышно ли голосов? Вроде бы уже пора...

Но когда они донесли и сердце мягко и обморочно запрыгало куда-то вниз, потому что началось, ему вдруг стала нестерпима эта рабская покорность уже раз прошедшей череде событий.

Нет, не пройдет, ваше сиятельство, громовержец всемогущий,

но отнюдь не всеблагой! Представления не будет. Вообще ничего не будет. Он просто не догонит этих перепуганных непогодой горепутешественников, они свернут себе на боковую тропинку, и встреча не состоится...

Смертная тоска охватила его, когда он понял всю чудовищность своего позднего бунта: ведь он не увидит больше серого платья, ускользающего от него каждый раз, как только он отводит глаза, он не будет прижиматься лбом к шероховатым прутьям мокрой ограды, он не услышит...

Он побежал.

Расталкивая упругие рюкзаки, он ворвался в самую гущу смешавшейся толпы, вздрагивая и озираясь на каждый звук, и внутри него все натягивалось, словно струна, которую настраивают все выше и выше — ну же, ну... «Кира!» — донеслось из-за спины, и он задохнулся, ловя воздух ртом, потому что в следующий миг он должен был увидеть ее.

Он должен был увидеть ее — и отвести взгляд, но он этого не сделал, потому что знал, как мало им оставалось — только двадцать четыре дня; и он с мучительной гримасой, совладать с которой не мог, глядел ей прямо в глаза — серые огромные глаза, такие светлые, словно миллиарды звездных искр удалось оправить в один темный ободок; и она смотрела на него, и продолжалось это так долго, что она не выдержала и подняла руку, заслоняясь от его взгляда.

Он охнул и закрыл глаза. Не было! Не было этого!!! Да что же это такое?..

Он открыл глаза — она ускользнула, как и должна была сделать, и он ринулся вперед, повинуясь ее уклеечно блеснувшей ладошке, но ее уже не было ни за оградой, ни в кустах, по пояс в тумане, и он — проклиная себя, крича на себя, умоляя себя остановиться — он уже был на пороге ее дома. Все мучительно и сказочно повторялось, но теперь у него появилась надежда на то, что он властен вмешаться в течение судьбы, обрывающейся на мокрой прибрежной тропинке проклятого девятнадцатого мая трижды проклятого две тысячи девяносто первого года. Сегодня он властен над другим числом — над двадцать седьмым августа. Но изменив то, что произошло в грозовой августовский вечер, он изменит и все последующее. Он станет властелином судьбы, только цена за эту власть будет непомерная — их любовь.

Убить любовь. Силы небесные, как просто! Словно убить что-то живое. Ничего нет проще убийства, и человечество целые тысячелетия жило, и развивалось, и становилось все разумнее и разумнее благодаря тому, что ежедневно убивало — зверей и птиц, оазисы и прибрежные долины, деревья — и собственных собратьев. Теперь же ему предстояло убить что-то эфемерное, бесплотное — любовь. Всего-то. Убить любовь и спасти этим человека.

СВОЮ любовь.

Он бессильно прикрыл глаза, но темноты не наступило — сумерки опущенных век озарялись непрерывными вспышками. И она была здесь, на расстоянии вытянутой руки. Сейчас всего этого не станет. Всего через какое-то мгновение... Нет, через минуту. Через две. Через три. После двух чашечек кофе, которые он поставит ей на колени. После семи молний, ударивших в зеленое озеро. После ее отчаянного, по складам произнесенного «у-хо-ди!».

Он отчетливо помнил, что она повторила это несколько раз — значит, он мог помедлить еще минуту; но тут она сжала губы, и он понял, что она больше не произнесет ни звука — проклятый Перун перехитрил их, и теперь у него нет повода для отступления, и сейчас повторится все, что было, и двадцать четыре дня бездумного счастья, и сумасшедшие письма, и гиблый берег майского озера... В какой-то миг он почувствовал, что собрал в единый огненный кокон все счастье, все безумие, всю любовь целого года, и, поднявшись выше грозowych туч, он швырнул оземь свое сокровище, и оно, вспыхнув подобно молнии, угасло и исчезло, опалив его и выбросив в ночную темноту, в незатихающий грохот и свист бури, и он побрел куда-то в гору, захлебываясь черной дождевой водой, и шарил оцепеневшими руками по какой-то стене, пока ему не отворили, и он ввалился в комнату, переполненную разомлевшими от тепла людьми, где с него содрали мокрое, и напоили, и укрыли, и не приставали, и всю ночь дружелюбно бубнили то тут то там, перешагивали через него, подталкивали, пристраиваясь теплым боком или шершавым спальником, а он лежал неподвижно и околевал от боли и тоски по всему несбывшемуся; и так же недвижно, ничком лежала она на своей узенькой ледяной постели, и он угадывал ее боль, и недоумение, и тоску непревзойденного одиночества, и неведение собственного спасения...

Маленький механик заглянул в рубку, наклонился, перехватывая немигающий взгляд, что-то забормотал...

— Немедленно. Немедленно! — донеслось наконец до Кирилла.

— Что, — с трудом разлепляя губы, спросил Кирилл, — что?

— Немедленно уезжайте. Когда-то обычный флаттер превращал в прах стальные машины. А пси-темпоральный — с ним не то что бороться, в него верить еще не научились. Противостоять ему могут лишь немногие, и вы не из их числа...

Он вещал, ритмично наклоняясь вперед и прикрывая круглые глаза выпуклыми веками, как это делают птицы, издавая отрывистый крик. Сказать бы ему, мол, я из того единственного числа, что не только решился противостоять этому непрерывно мчащемуся потоку прошлого, но и сумел повернуть этот поток в другое русло. Тяжелая это штука — ворочать прошлым. Все мускулы ноют, слов-

но одними руками переворачивал вверх гусеницами десантный вездеход...

— Дурной сон привиделся, — старательно выговаривая слова, проговорил Кирилл. — Подождите меня в столовой, я сейчас подымусь...

Он поднялся, дивясь тому, что смог сделать. Внутри него было что-то тяжелое, мертвое, что теперь постоянно нужно было носить при себе. Господи, тошно-то как! Он оттолкнулся щекой от чьей-то свернутой куртки, подsunутой ему под голову, — ушли ведь и забыли... Его одежда, уже высохшая, висела напротив погасшего камина. Он оделся, выбрался из дома. Вчера, в темноте, он не рассмотрел это причудливое сооружение — что-то вроде длинного павильона, с одной стороны ограниченного островерхой колокольней, а с другой — старинной пожарной башней с серебряным шаром на плоской крыше. Что ж, если это все сооружено специально для таких аварийных ночлегов, то, наверное, каждая такая архитектурная причуда имеет строго функциональное объяснение.

Он невесело усмехнулся. Тонкий утренний туман, производное от вчерашнего ливня, слоистой палево-сиреневой дымкой прикрывал выход из ложины. Не задохнуться от этой свежести, этой тишейшей красоты мог только робот... или мертвец. Чем был он после того, как вчера уничтожил то единственное, ради чего и стоило-то жить на белом свете? Ведь она так и сказала ему, расставаясь: «Без этого не стоило бы жить на земле...». Сказала бы.

Теперь не скажет.

Он глотнул холодного воздуха, превозмогая боль, — надо было привыкать, теперь ведь боль будет постоянной составляющей всех его ощущений. Сейчас он пойдет вниз, к озеру, пройдет мимо ее дома, и тогда боль разыграет уже в полную силу. Так что держись, Кирилл Павлович!

«Я держусь», — отвечал он себе, — я просто удивляюсь, как это у меня получается. Никогда бы не заподозрил, что у меня столько силы все это выдержать... И что-то будет дальше?»

Он тихонечко двинулся в туман, уже угадывая слева очертания маленького дома. Все было тихо, и он, не опасаясь, обошел палисадник и подобрался к окну. И замычал, потому что такой боли он и представить себе не мог: она стояла у письменного стола, во вчерашнем примятом платье, и медленно перекладывала какие-то бумаги. Как он мог забыть, что вот так же побежал к озеру умываться, а потом подобрался к окну, и она так же стояла, перебирая все, лежащее на столе, — искала носовой платок; теперь ему стоило только провести мокрой рукой по натянутой пленке, чтобы та скрипнула и запела под его пальцами — и все началось бы сначала, словно вчера он и не бежал с ее порога: она вскинула бы голову и, как это умела она одна, в доли мгновения очутилась бы у окна, прижимаясь щекой

к тому месту, где он опирался на тонкую, стремительно теплеющую пленку... Он заставил себя сделать назад шаг, другой; она так и не поднимала голову, и движения ее были замедлены и механичны, словно она и сама не знала, зачем вот так перебирает совершенно не нужные ей бумаги. Было в ней что-то неживое, погасшее, и от нее — вот такой — уходить было во сто крат тяжелей.

Он пытался, пока не влез в воду, потом набрал полную грудь воздуха, словно собирался туда нырять, круто повернулся и помчался по тропинке, ведущей вдоль берега к вертолетной станции. Когда он позволил себе обернуться, домика уже видно не было.

Через час с четвертью, задыхаясь, он выбрался к вертолетному стойбищу. Ни одной машины, как ни странно, не было.

«Когда рейсовая?» — спросил он киба-диспетчера, услужливо выползшего из своей будки. «Часа через четыре». — «А если вызвать?» — «Да вряд ли получится быстрее, в нашем регионе лишних не держат. Чать, не Альпы». — Видно было, что беднягу программировал любитель старинной лексики.

Кирилл отошел на кромку поля, присел и натянул куртку на голову. Сердце болело так, что заполняло собой каждый уголок его тела.

Обратно, даже если бегом, — не меньше часа. Это если он совсем рехнется и ринется назад, ополоумев от боли. Но он выдержит. Так или иначе, а час времени у него есть. «Если я куда-нибудь двинусь до прибытия вертолета, — сказал он кибу, — держи меня за ноги и не пускай. Силушки хватит?» — «Не сумлевайся», — заверил его хорошо запрограммированный киб...

Прошлогодняя поляна размывалась полусном, выявляя очертания настоящего. Кирилл дождал кусок омлета, с усилием проглотил. Столовая была пуста, только из-за соседнего столика, страдальчески приподняв брови, с бесконечным сожалением глядел на него маленький механик.

— Знаете, я действительно прилягу еще на часок, — сказал ему Кирилл. — Только сделайте милость, не насылайте на меня во сне кибермедика.

— Клянусь Волосами Береники! — не без аффекции откликнулся халдей. — Но, видит Вселенная, кого боги хотят погубить — лишают разума...

— К счастью, не сердца.

Он добрался до своей каюты и рухнул на койку, уповая не на богов, а на исполнительность киба, который в случае чего удержит его за ноги...

Проспал он не час, а все четыре, и проснулся от зудящей тревоги. Зудел вертолет, дававший полукруг над неожиданным пассажиром и примеривавшийся как бы подсесть поближе. Но кроме вертолета было и еще что-то, уже пришедшее в голову, но пока не на-

шедшее словесного выражения. Чего-то он не учел... не додумал... Ну хорошо, сейчас он улетит, последняя возможность накликать непоправимую беду исчезнет.

Ну да. Он-то исчезнет. Но раз несчастье произошло...

То ведь причиной может быть и НЕ ОН!!!

Кирилл вскочил, и тотчас же гибкое щупальце хлестким арканом оплело ему ноги. Он шлепнулся, взыв от бешенства.

— Кретин! Я же тебе велел до вертолета. До!

— Извиняюсь. Вертолет еще не сел.

Вертолет сел. Щупальце убралось.

— Есть в кабине фон дальней связи? Быстренько законтай меня с диспетчерской космопорта.

Киб со свистом свернул щупальца, кальмаром метнулся к вертолету и наполовину скрылся в окошечке.

— Сработано! — Доложил он через десять секунд.

— Вот и умница. А теперь проинформируй диспетчера, что космолингвист Кирилл Анохин прибудет на «Харфагр» точно к моменту отлета. И не ранее.

Он шагал по тропинке вниз и твердо знал, что оставшиеся двадцать три дня не позволят себе ни одной встречи, ни единой фразы.

Но если возле нее появится хотя бы заходящий турист — он свернет ему шею. Потому что, оставаясь для нее невидимым, он не спустит с нее глаз ни днем, ни ночью.

И, уже подходя к ее дому, он вдруг вспомнил, что за сегодняшний день уже дважды проходил ТО САМОЕ место. И ведь ничего не почувствовал. Даже не заглянул вниз, в воду. Значит ли это, что он сумел обмануть судьбу, или все-таки она обманывала его, и беды нужно было ждать просто в другом месте?..

Его приютил длинный нелепый коттедж, в котором ночевали туристы, — пропахший сеном, шуршащий полевыми мышами, набитый, оказывается, самой разнообразной всячиной. Настоящий странноприимный дом... Не много ли на него одного?

Следить за ней, скрываясь в кустарнике на склонах холмов, оказалось делом несложным — повинаясь каким-то внутренним толчкам, она неизменно приходила туда, где бывали они вместе... где могли бы они быть вместе. Безучастная ко всему, она отсиживала положенное время и медленно брела домой, совершенно не зная, что ей делать по пути, чтобы не вернуться к дому слишком поспешно. Один раз она вдруг запнулась и беспомощно поглядела вправо, словно не зная, как же быть дальше... Кровь застучала у него в голове, и он, перестав владеть собой, вылез из своего укрытия и двинулся ей навстречу: ведь это здесь он взял ее на руки и нес до самого дома, распевая дикую языческую песню собственного сочинения.

Какая сила заставила ее оглянуться призывно и растерянно? Или жить не могла она больше вот так, без его рук?

Она увидела его, и лицо ее засветилось. Так освещается озеро, когда ясный костер зажигается под синим утесом и золотая дорожка силится дотянуться до противоположного берега. «Вы не улетели?» — проговорила она тем голосом, каким говорят, пробуждаясь ото сна. Он, полузакрыв глаза, медленно выдыхал воздух, так что внутри образовывалась ледяная пустота, и пока этот холод не заполнил его всего, он не разжал губ. Потом отвел глаза, медленно произнес: «В тот раз я был болтлив и навязчив. Извините». И пошел прочь, с трудом переступая негнушимися ногами.

Больше он не позволял себе забыться.

Дважды проходили толпы — то геологи-практиканты, то просто гуляющие, чудом забредшие в такую даль. Все это не имело значения — она к ним не вышла, да и как могло быть иначе, ведь в эти последние дни они прятались от любого шума, способного помешать им.

Потом к ней, сиротливо сидящей на замшелых мостках, подошел человек, и Кирилл узнал Гейра. Гейр? Неужели Гейр?..

Он готов был снова ринуться вниз, но в этот миг, возвращая его в настоящее, взвыли оглушительные сирены: совсем неподалеку из подпространства вываливался совершенно истерзанный корабль. И вахтенные, и те, кто был свободен, — все уже через три минуты были в скафандрах, готовые к погрузке на спасательные боты, но станцией недаром командовал Румен Торбов — человек, прошедший в Пространстве в общей сложности четыре десятка лет: буксир-толкач уже мчался к гибнущему кораблю на добрых пятнадцати «9», ведомый одними киберами, и Анохин, прижатый лопатками к дверному косяку в переполненной шлюзовой, с облегчением увидел на дверном экране, как буксир маневрирует возле корабля с ускорением, которого не выдержало бы ни одно живое существо, — нет, прав был начальник станции. Прав был он и тогда, когда, оглядевшись, рывкнул на весь тамбурный отсек:

— А почему связники в шлюзовой? Марш на место!

На бегу расстегивая скафандры, связники помчались по коридору, как штрафованные приголовишки. Конечно, четкая связь — это сейчас чуть ли не главное, когда надо сбалансировать человеческий разум и скорость, доступную только механизмам. Они мчались галопом, и начальник, гулко фыркая, старался не отстать от них.

— Памва — держать буксир, Маколей — держать Базу, — выпалил он, врываясь в центральную рубку. — Анохин и Нгой — в резерве. И повремени-ка стаскивать скафандры...

Ждать и быть наготове. Нгой гибким и естественным движением скользнул вдоль стены и опустился на корточки, готовый в любой момент оттолкнуться лопатками и в один миг занять по коман-

де нужное место. Анохин покосился на него и присел рядом. Так они все видели и никому не мешали. А на экране у Торбова буксир, лихо тормознув и разбросав во все стороны опоры-захваты, уже присасывался к борту искалеченного корабля как раз в том месте, где смутно виднелись пазы катапультного отсека. Если там есть хоть кто-нибудь живой, то теперь осталось ждать совсем немного...

«Все собирался заглянуть к вам, да как-то не получалось, — долетел из прошлого голос Гейра. — Ну, до будущего лета!» — и пошел берегом, и она стояла лицом к озеру и даже не поглядела ему вслед...

— В шлюзовой, готовить десантный бот! — крикнул начальник станции. — Шесть человек десанта, для связи Нгой.

Нгой вскочил и выметнулся в дверной проем. Гейра тоже уже не было видно.

— Анохин, к пульту, держать бот на связи!

Вглядываясь в экран и с недоумением замечая, как неслышно подобралась осень — вот ведь и зелень на том берегу вся покрылась желтыми и багровыми пятнами, — он вдруг впервые и оттого с особой остротой осознал всю несоизмеримость того, что долетало до него с берега прошлогоднего посеревшего озера, и той настоящей жизни, движущей частью которой были его руки, его глаза, его мозг.

— Пошел бот! — крикнул начальник станции.

Руки сами собой замерли на верньерах настройки, не выпуская улетающий бот из рамок экрана. «Иди, — сказал он ей, — иди, пожалуйста, мне сейчас будет тяжело сразу в шести измерениях...» Она послушно побрела к дому, ступая неуверенно, как ходят больные или почти незрячие. Буксир, прилепившийся к боку корабля, рванул на себя все щупальца и вместе с выданным кубом катапультной камеры отлетел в сторону. А где-то в самой глубине черного экрана пепельно-светящаяся фигурка подошла к изгороди и теперь держалась за прутья, словно у нее не хватало сил добраться до порога...

— Буксиру оставить камеру, уводить корабль как можно дальше!

По-видимому, на дисплее, не видимом Кириллу с его места, появились какие-то угрожающие данные, переданные буксирным компьютером. Буксир разжал щупальца, так что камера едва видимым кубиком повисла в черноте, и уверенно боднул громадную тушу гибнущего корабля, как муравей толкает перед собой увесистую гусеницу. Видно, корабельный котел пошел вразнос, потому что снова послышалась отрывистая команда:

— Буксиру развить полную мощность, выбрасывать на ходу кибов!

...Она вошла в сад, и мокрые листья, задевая ее светло-серое платье, оставляли на нем темные пятна и полосы. Сейчас она укроется в доме, и сегодня ей уже ничего угрожать не сможет. «Спокой-

ной ночи тебе, серая ящерка», — и она обернулась, словно услышала. Спасательный бот подлетел к висящему в темноте кубику и слился с ним. В наушниках тотчас же треснуло и заверещало.

— Живы! — крикнул Кирилл. — С бота передают — изнутри доносится стук! Сейчас будут налаживать переходник...

Она кивнула вечернему стилому озеру и затворила за собой дверь. В рубке, куда набилось уже человек двадцать, стоял радостный гвалт. Живы! И это на корабле, который по меньшей мере вылез из подпространства в кометный хвост, если только не в ползучую малую туманность... Везунчики!

Кирилл скосил глаза — с момента аварийного сигнала, когда автоматически включается отсчет аварийного времени, прошло ровно сорок восемь минут. Где-нибудь там, на приличном уже отдалении, вскоре беззвучно громыхнет обреченный корабль. Буксир жалко, да что поделаешь? Главное — живы люди. Сорок восемь минут, и спасательная операция прошла, как будто перед глазами развернулась то ли учебная, то ли приключенческая лента. Работали руки, работали безупречно, и кибер позавидовал бы... Тогда какая же разница между этим настоящим и тем прошлым, с которым он денно и ночью мыкается один на один?

Да вот в том и разница, что прошлое неразделимо принадлежит ему одному. И только ему.

А в остальном прошлое и настоящее равны — он так же, как и в реальной жизни, спасает человека. Любимого, дорогого, но если оценивать со стороны — какая разница? Важно, что спасает человеческую жизнь. И не за сорок восемь минут. Девять месяцев надо продержаться под этой двойной нагрузкой, ни на час не отвлечься, ни на день не заболеть. И молчать. Не поверят ведь, помешают. Значит, молчать и делать свое дело — спасать человека.

Экран погас — бот подвалил к шлюзовому причалу.

Три последних дня, которые оставались ему на холмистом берегу, он провел почти спокойно. То, что раньше было болью и страхом, теперь обернулось заботой и делом. Ему даже показалось, что он утратил какую-то долю своего чувства — что ж, не удивительно; ведь все то, чем он занимался с того момента, как бежал от нее в исполосованную молниями ночь, было не чем иным, как методичным убийством любви. «Во имя жизни, да!» — кричал он себе. Во имя жизни, как убивают колос во имя сотворения куска хлеба...

И замечал, что логика его безупречна и доводы убедительны.

Он овладел собой настолько, что в последний день позволил себе пройти мимо нее. Она стояла у воды, безучастно глядя на отражение лесистого мыса, который когда-то напоминал им ассирийского царя, омывающего озерной водой свою черную бороду. Услышав его шаги, она не обернулась.

— Кира! — окликнул он ее каким-то чужим голосом.

Она посмотрела на него через плечо, не отвечая.

— Вот я и улетаю... — совершенно потерянно забормotal он. — Теперь уже окончательно...

Он ведь приготовил какую-то фразу, но сейчас ничегошеньки не мог вспомнить.

— Живите счастливо! — выдохнул он, хотя смысл сейчас имело только первое слово.

В ее широко раскрытых глазах не было ничего, кроме отражения озерной воды.

— А я... не живу, — с каким-то спокойным удивлением проговорила она. — Мне просто незачем жить.

На него нахлынул такой ужас, что он закрыл глаза. И он знал, что когда откроет их — ее уже не будет на этом месте.

Он заставил себя глянуть — она стояла все так же, не исчезая, не пропадая, не утекая струйкой серебряного песка. Словно это была уже не она.

Он пошел прочь, все время оглядываясь и ожидая, что не увидит ее на прежнем месте, но она не ушла даже тогда, когда он скрылся за поворотом, и тогда он понял, что из этого потока прошлого исчез он, прошлогодний, а весь берег остался, только виден он теперь не вблизи, а из какой-то дальней точки — то ли сверху, то ли из глубины холмов. И кроме этого неожиданного виденья, осталась спокойная уверенность в своей власти над всем происходящим на этом берегу.

Она теперь редко выходила из своего домика, и когда это случалось, он неотступно следил за ней, готовый остановить любой ветер, утихомирить самую неистовую бурю. С первых чисел октября она стала на два дня улетать в соседний городок, где давала какие-то уроки и брала материалы для работы у себя, на берегу. Городок он видел смутно, и это его не тревожило — почему-то он знал, что там с нею ничего не может случиться. Вертолет неизменно подлетал к самому ее дому, и эти ее отлучки приходились на вторник и среду.

Девятнадцатое мая было субботой.

Когда выпал пухлый снег — раз на всю зиму устоявшийся и ни разу не подтаявший, — с того берега стал приходить старик-егерь, тот самый, который любил разводить костры под «ассирийской головой», и они молча бегали на лыжах — он по своим делам, осматривая зимние пристанища знакомых ему зверей, а она просто так, следом, чтобы не бродить совершенно одной. Это было хорошо, что она каталась под присмотром, и удивляло Кирилла только одно — что никакое зверье не подходило к ней и ничего из ее рук не брало.

В монотонной напряженности совершенно одинаковых дней время летело неуловимо, и когда снег разом стаял и холмы подернулись неуверенной прозеленью, он вдруг изумился собственному спокойствию: ЭТО надвигалось, а страха не было.

На девятнадцатое он взял себе ночную вахту и с первых же минут почувствовал неудержимое желание как-то взбодриться. Кофе выпить, что ли? Ни одним уставом варить кофе на вахте не запрещалось. Но он не пошел на камбуз только потому, что сам сказал себе: рано. Еще, может быть, и не так припечет. Ночные часы текли неторопливо, все световые индикаторы фиксировали тишь и благодать, и серебряной звездочкой тлел ночник в квадратном окне, оплетенном по низу уже набравшим силу плющом.

К восьми утра ночник еще не погас; явился кто-то на смену, и Кирилл, косясь на видимый одному ему огонек, побрел по коридору, чтобы запастись всякой снедью. Желательно было целый день пребывать в собственной каюте, и чтобы никаких авралов. Но настоящее не было в его власти, и это весьма его тревожило. Он наскоро похватал бутерброды, запасся целым пакетом погремушечно дребезжащего кофе и задумался перед редко открываемым баром. В тот первый вечер она пообещала ему кофе и ром. Чашечки с кофе он поставил на ее прямые колени. Рома не было. Значит, и здесь — кофе без рома.

В каюте он обратил внимание на то, что светлячок погас; он забрался с ногами на койку и принялся за дело. В первую очередь он испортил погоду: мелкий колючий дождь и резкие срывы ветра никак не наводили на мысль о прогулке. Легкий озноб заставил ее забраться обратно в постель с прелестной старой книжкой, которая каким-то чудом отыскалась на верхней полке; так прошло время до обеда. Часа в три он что-то отвлекся, и выглянуло солнышко — пришлось срочно подключать вариант «старый егерь». Какая-то мелочь, срочно понадобившаяся старику, обернулась цепью воспоминаний, затянувшихся на добрых три часа. Итого — шесть вечера. Начинало темнеть, и Кирилл забеспокоился: сумерки и весенняя пора располагали к порывам необдуманным и трудно программируемым. Оставалось не очень приятное, но абсолютно надежное средство: легкая зубная боль. Переборщить тоже нельзя — последовал бы вызов врача или обращение к сильнодействующим средствам, а тут чем черт не шутит... А так — это снова постель, и искусственный камин, и таблетка совершенно безобидного болеутоляющего. В половине девятого началась трансляция из Байрейта — давали «Тристана и Изольду», и можно было позволить себе несколько расслабиться. Вагнера он не любил, сейчас же его и подавно интересовала только продолжительность спектакля. Закончился он, хвала обстоятельным классикам, достаточно поздно, чтобы напрягать фантазию в поисках каких-то занятий — автоматически включился маломощный гипноизлучатель, навевающий мысли о сне, и до полуночи остались минуты.

Кирилл вытянулся на койке, закинул руки за голову. Устал он безумно, и это не было приятной ломотой в меру поработавших мускулов — нет, это было одеревенение тела, слишком долгое время

пребывавшего в полной неподвижности. Вот только какое время — сутки? Или почти год?

Что-то заставило его сесть, напряженно всматриваясь в противоположную стенку, как будто на ней могло появиться какое-то слово. Но слово уже явилось, оно звучало как гонг — год! Год! Добровольно приковав себя к прошлому, он ни разу не подумал, что за это время на настоящей Земле прошел почти год. Свое дело он сделал, уберег ее, ничего не подозревавшую, от всего, что могло быть, и даже от того, чего и быть не могло. Жизнь ее, направленная его волей по новому руслу, безмятежна и безопасна. Во всяком случае, она обещала быть такой год назад. Но что бы ни случилось за этот год — все равно эта была жизнь БЕЗ НЕГО! И, шумная или одинокая, счастливая, или безрадостная, это была реальная жизнь, а не скрупулезное, поминутное повторение прошлого, к которому он добровольно приковал себя, как когда-то смертников приковывали к пулемету.

Но чем же жила она все эти девять реальных месяцев, промелькнувших на родной планете?

Он поймал себя на том, что сидит, скрестив ноги и обхватив пальцами узкие щиколотки, и непроизвольно раскачивается, как медведь в тесной клетке, и вместо того торжества, о котором он мечтал всю эту зиму, — ведь справился, ведь получилось, ведь поломал он к чертовой бабушке ту нелепую трагическую околесицу, которую нагородила судьба, — вместо всего этого он получил в награду один коротенький вопрос: а теперь-то что?

Он глянул на часы — было двадцать минут первого. У него появилось ощущение, что где-то он оступился и беззвучно ухнул в зыбкую, студенистую массу, как герцог Кларенс в бочку с мальвазией.

Он нагнулся и нашарил под койкой тяжелые башмаки на магнитной подошве. Пора на Большую Землю. Справились с прошлым — справимся и с будущим. Хватит с него космоса, и далекого, и близкого. Дождаться первого же корабля, а там будет видно, что-то теперь. И если увиденное уж чересчур разойдется с желаемым — что ж, ломаем и это. Опыт обращения с судьбой уже имеется.

Он нарочно подходил к домику справа, по сосновому молодняку, прилично вымахавшему за год... Прошлой осенью он спустился прямо на пляж, а потом бежал к станции Унн, не очень-то глядя по сторонам. Как всегда, пристально глядели на него два ясных костра, зажигавшихся с начала сумерек у подножья «ассирийской головы», что на том берегу. Небо было прозрачно, и он отнюдь не стремился услышать голоса любителей дальних прогулок, спасающихся от напастей погоды. Но ее он должен был увидеть уже сейчас, до того, как тропинка пойдет по песку.

Он замедлил шаг, высматривая впереди светло-серое платье. Под ногами захрустел песок.

Ну хорошо. Пусть не светло-серое. И пусть не здесь. Хоть в саду. Хоть на пороге...

Калитка была распахнута. Из окна лился яркий свет, но обходить дом и заглядывать через стекло у Кирилла не хватило сил. Он перепрыгнул через четыре ступеньки, рванул на себя дверь и остановился, не проходя дальше.

Пустые книжные полки, на письменном столе — лампа без абажура и чучело бурундука. На полу стебли камыша, и коробчатая лохматая шкура, сваленная на топчан, и живой бурундучок, остекленными глазами засмотревшийся на чучело собрата, и острый запах полыни и формальдегида.

Здесь ее не было и быть не могло. А где она могла быть? Невероятно, чтобы этого никто не знал!

Сзади, в саду, затрещало, и Кирилл, стремительно обернувшись, увидел старого егеря, который привязывал к колышку двух пестрых коз. Взгляды их встретились, и егерь, оставив вдруг свое занятие, медленно пошел по дорожке, щурясь и явно стараясь что-то припомнить.

— Добрый вечер, — сказал Кирилл, очень стараясь, чтобы голос у него не сорвался. — Вы не пытаетесь меня вспомнить, я ведь был здесь два года назад... Конец августа... Сентябрь... Вы тогда на том берегу жили. А здесь, в этом доме...

Он остановился, потому что, собственно, уже спросил все, что ему нужно было знать, чтобы жить дальше. Старик подходил, отводя руками ветки бузины и жасмина, вылезавшие на тропинку, и по его лицу нельзя было сказать, понял ли он, о чем его спрашивают, или нет. У последней ступеньки он замер и уставился тусклым взглядом в нижнюю пуговицу блестящей Кирилловой куртки. Похоже; что он намеревался молчать долго.

— Вы не помните?... — потерянно пробормотал Кирилл.

Старик вскинул подбородок, и лицо его было неприветливо и замкнуто:

— Так ее давно уже нет, — скупо проговорил он, словно осуждая Кирилла за неуместное любопытство.

Кирилл молчал, словно не расслышал его слов. Нет, этот старик что-то путает. Нужно бежать к Унн. Нужно спрашивать. Нужно искать. Да не может быть, чтобы все пережитое и выстраданное им оказалось напрасным! Он же чувствовал, что ломает прошлое, повертывает, не дает вернуться на прежний путь! Почти год он ворочал эту глыбу, у него все тело ноет от этой текущей на него тяжести — и голова, и руки, и позвоночник... В конце концов, существует же какая-то мировая справедливость, какой-то вечный закон, по которому за великую жертву должно следовать и великое воздаяние! Он же отнял любовь у них двоих, и пусть это останется тайной, чем была эта

любовь для нее, но у себя вместе с нею он отнял половину жизни. Так не может быть...

Не может быть, чтобы такой ценой он не купил хотя бы неделю... Хотя бы день.

— Значит, год назад,— хрипло проговорил он, ожидая, что его остановят и поправят,— все-таки она умерла год назад, девятнадцатого мая...

— Какой год? Какой май? — досадливо прервал его старик. — Вы что-то путаете, молодой человек. Это случилось два года назад, двадцать седьмого августа две тысячи девяностого года. Была чудовищная гроза. Вы когда-нибудь слышали о молнии Перуна? Поток огня и грохота, в тысячи раз превышающий обычный грозовой разряд... Это считалось легендой. Я и сам не верил, пока...

Кирилл не слышал его бормотания. Два года назад. Дарованная временем и пространством сила, которую он сам, собственной волей и разумом, превратил в черную молнию уничтожения. Точное отражение в озерной воде возник перед ним зыбкий, пепельно-серый образ. «А я не живу,— услышал он.— Мне просто незачем жить...».

«Это я...— говорил он себе,— это я. Это я был...».

— Это я был Перуном...— бормотал он уже вслух,— это флаттер... удвоивший... удесятеривший... Все, что я видел потом,— только бред, только сны наяву... Я послал эту молнию! — крикнул он прямо в лицо отшатнувшемуся старику.

— Зачем? — недоверчиво спросил тот.

— Чтобы убить нашу любовь...

Старик пожевал губами, но вслух больше ничего не произнес. Горе у этого юноши, не в себе человек. Слушать его дальше — еще и не такого наговорит, да и сам поверит в это. Убить любовь... Эк что выдумал! Разве убьешь любовь, пока жив человек?

И все-таки — что же заставило ту девушку выбежать на берег в такую грозу? Непонятно...

Михаил Емцев

Светлая смерть во Владимире

Игорь Исаич, научный работник одного из столичных институтов, мужчина сырой и подозрительный, посапывая, выбрался из такси и с раздражением огляделся: прямо перед ним в низеньком здании из светло-серого кирпича, с огромными стеклянными окнами, будто рыбы в аквариуме, шевелились люди. «Стеклянное безумие,— определил Игорь Исаич.— Своеобразный архитектурный стриптиз...»

Он двинулся к двери с надписью «Экскурсбюро». Рядом с черной вывеской, на которой алтарно поблескивали бронзовые буквы, суту-

лились экскурсанты с чемоданчиками и рюкзаками. Их сутулил леденящий ветер. «Ну и погодка,— подумал Игорь Исаич.— И это ранняя осень, а что будет дальше?»

Он машинально поискал глазами источник тепла — солнце, но оно терялось в мощной паутине серых зданий и серых облаков.

В диспетчерской было душно, от свежеевыкрашенных батарей плыл въедливый запах нитрокраски. За деревянной перегородкой сидела пожилая, небрежно покрашенная женщина. Она лениво перелистывала конторскую книгу в типично канцелярском, шинельного цвета переплете. От женщины и от книги тянуло волокитой и организационной немощью. Увидев Игоря Исаича, женщина почему-то рассердилась:

— У вас группа?

— Один я.

— Ах, один...

— А что, как один?..

— Ничего.— Она что-то отметила в сером кондуите.— Идите на посадку. Ваш 13-57.

Ее голос раздражающе вибрировал.

«С чего они все такие злюки? — спросил себя Игорь Исаич.— Вокруг полным-полно злюк. Хроническая остервенелость всех против всех. Славно начинается моя поездочка! Гармонирует с моими делами, ничего не скажешь...»

Но больше он ничего не успел себе сказать, так как в диспетчерскую вошли женщины. Оживленно щебеча, они столпились у стойки, толкаясь и перебивая друг друга, стали выяснять, кто раньше пришел, кто за кем стоял.

Одна из них показалась Игорю Исаичу знакомой. Внезапно он ощутил тревогу. Нежный абрис щеки и светлый завиток волос, увиденные им сбоку, были связаны с каким-то досадным чувством забытого прошлого. Не желая длить неловкий процесс узнавания, Игорь Исаич вышел из помещения.

«Будем надеяться, что это не Вера,— сказал он себе.— А если и она, то у нее может оказаться другой маршрут. А если тот же маршрут, то мы можем попасть в разные автобусы. Вполне вероятно, что и не встретимся. Ужасно не хочется встречаться».

Было по-прежнему холодно, уже рассвело, здания подкрасились в лиловые тона, грохот машин усилился, город проснулся.

«Когда уезжаешь, родной город быстро становится чужим. Смотришь и не узнаешь. Считай, путешествие началось».

Он бросил окурочку на асфальт, поднял его, опустил в урну и зашагал к автобусу.

Вера смотрела в окно. За стеклом, на бетонной площадке, под колесами соседней автомашины шла бесшумная битва: похожий на грязную кляксу воробей выхватывал из-под розовых голубиных

лапок кусочки хлеба. Взъерошив жалкие перья, будто вдруг намокнув, он врывался в голубиную стаю, делал несколько точных ударов клювом и удирал с добычей. И здесь, претендуя на неправый дележ, на него набрасывались другие воробьи, из тех, которые обычно трусливо жались сзади, возле голубиных хвостов.

Она не заметила, когда вошел Игорь Исаич, и увидела его уже идущим по проходу в двух шагах от своего кресла. Ее поразила брюзгливая маска страдания на знакомом лице. Шляпа кастрюлей нахлобучена до ушей. Разве он носил очки? Рассеянный, подслеповатый взгляд... Куда подевались его васильковые очки? Вместо них оловянные плошки за толстыми линзами, боже мой!..

Позолоченная дужка очков скользила книзу, они спадали, и это заставляло Игоря Исаича держать голову в вынужденно горделивой позиции. Движение рукой, когда он вбодворял очки на место, видно, стало у него машинальным и частым, будто он беспрестанно приподымал невидимую даль. Две резкие складки от крыльев носа к углам рта выдавали хроническое неизбывное раздражение. Как оно не шло Игорю! Впрочем, может быть, это не Игорь? Нет, кажется, это он...

— Вы сидите не на своем месте,— сказал он пожилой женщине, глядя поверх голов в конец салона. Его взгляд остановился на Вере.

«Просто хоть беги от этих знакомых! Прямо отбою от них нету. Везде они. Пластическую операцию, что ли, сделать? Или перекраситься? Под африканца, например. Это же Вера. Вера собственной персоной».

Игорь Исаич дернулся, ноги его напряглись, тело рванулось назад, душа запросилась домой. Сменить билет, поехать другим рейсом, выпрыгнуть, удрать... Все пропало.

— Здравствуй, Вера,— сказал он.— Вот так встреча. Какими судьбами?

— Здравствуй, Игорь! Гора о горой...

«Ах ты, заяц,— подумала она,— ты всегда был зайкой. А сейчас ты старый беляк».

— Ты здесь одна?

— Да.— Она показала на свободное место рядом с собой.— Сидись.

«Все пропало, влип,— сказал себе Игорь Исаич,— зря я сочинял для жены версию об институтской экскурсии, зря обманул институтских друзей, сказав, что еду с женой. Мне не удастся побыть в одиночестве... Золото ты мое бесценное...»

Игорь улыбнулся, морщинки лучиками разбежались по лицу, и стал узнаваем. Они помолчали.

«Очень важно, с чего начинать,— думал Игорь Исаич.— Если затронуть все эти «а помнишь?», считай, хватит до конца поездки. Занятие для кавказских долгожителей. А у меня... ну о том, что у меня, лучше не думать. Опять же — не надо говорить о детях. Для

женщин это то же самое, что для мужчин политика. Попробую обратить внимание на окружающих...»

— Главное, чтобы подходящая публика подобралась,— сказал он негромко.

«Никаких воспоминаний! — думала Вера.— К чему эти покрывные пеплом зыбкие эмоции? Лучше уж обсуждать попутчиков...»

Как суетились эти люди! Предстоящее путешествие возбуждало, пьянило их. Голоса экскурсантов звучали громко, глаза блестели, движения были порывисты, определения метки, решения категоричны.

— Чемоданы сюда?

— Нет, чемоданы туда!

— Чемоданы сюда!

— Сюда, сюда чемоданы!

В автобус вошел багроволикий, рано поседевший мужчина.

— Наши все? — закричал он.— Все сели! Юрочка тут? Тогда порядок, можно отчаливать. Я ваш папочка.

«Ну и горлышко. Орет, как резаный,— подумал Игорь Исаич,— ведь ранняя рань сейчас. Возможно, это у него с вчерашнего. Ведь сегодня суббота. Вот и все. Суббота сегодня».

— Пельский, сюда! — закричали сзади.— Давай сюда, Пельский!

— Айн момент,— сказал багроволикий,— где гитара? Юрочка, у тебя гитара?

— Вот мы и влипли,— сердито буркнул Игорь Исаич.— А я надеялся на отдых.

Вера снисходительно улыбнулась.

— Не стоит расстраиваться. Притерпимся.

— Возможно. К тому времени, когда вернемся домой. Хочешь, составлю прогноз этого путешествия? Исходные данные очевидны, как говорится, написаны на лицах наших попутчиков.

— Не стоит,— ответила Вера.— По-моему, ты не в духе.

— Это ничего. Злость обостряет ум. Милые наши спутники едут по профсоюзным путевкам, не на свой счет. Памятники бывшего им нужны, как галоши для налима. Станут всю дорогу песни горланить. Может, и драчка случится. А по приезде мы попадем в кемпинг, потому что мест в гостинице не окажется. Будем дрожать от холода, ходить неумытыми и голодными. Туристскую пищу я есть не смогу из-за язвы желудка, а ты — из-за кулинарных соображений...

— Ну, Игорь, ты стал пессимистом. Как ты отважился на это путешествие?

— Да вот так. Взял и поехал.

— А я уже третий раз еду по этому маршруту, — сказала Вера.

— Ах, вот как! Тогда будешь моим личным экскурсоводом. Люблю квалифицированную информацию.

«Чем трещать о своем прошлом, — подумал он, — говори лучше о

прошлом Руси. Из любой неудачи можно извлекать пользу. Ох, и надоели мне эти мизерные извлечения... Но как же быть с моей главной неудачей?»

— Что с тобой? — спросила Вера, увидев, как зрачки Игоря внезапно расширились и сделали глаза неожиданно выразительными.

— Нет, ничего... Все о'кей.

— Мне показалось...

— Пустяки. Не обращай внимания...

«Тебе показалось правильно, попала в самую точку. Но не думай, что я стану с тобой откровенничать. Хватит. Наоткровенничался».

Пока автобус выезжал из города, в салоне стоял галдеж. Но потом, когда машина набрала скорость и наполнилась самолетным гудением, когда отмелькали островерхие пригородные дачи и пошли-поплыли длинные леса, пассажиров укачало, и многие задремали.

Автобус несся по глянцевому, блестящему от дождя асфальту навстречу встающему из тумана солнцу. Мимо пролетали глухие, сырые, по-оперному декоративные лесные заросли. Под колесами автобуса оставались холодные осенние реки, ветер неустойчиво гудел в фермах мостов.

Игорь шелестел страницами маленькой книги с вызывающе цветастой обложкой.

— Что читаешь? — спросила Вера.

— Да вот, фантастику.

— Фантастику? Я ее не люблю. Наивная литература, и не детская, и не взрослая. А претензии большие.

— Вообще-то ты права в каком-то смысле, — сказал он, помолчав. — Наша скучная жизнь фантастичней любой фантастики...

— Конечно! — воскликнула Вера и заговорила тоном бывалого гида:

— Сейчас мы въедем с тобой в старинный Залесский край. С древних времен он был изобилен и богат. Полноводная была в те времена Клязьма. В лесах водился пушной зверь, реки и озера изобиловали рыбой, на тучных поймах паслись многочисленные княжеские стада. Разве не интересно знать, какой была тогда жизнь здесь? Реальная, не придуманная...

— Это очень просто, — сказал Игорь, — садись на машину времени и поезжай назад, в XI век. И все увидишь, как оно было на самом деле. По крайней мере, глазами фантаста.

— Фантаста... — разочарованно протянула Вера и махнула рукой.

Игорь подумал, что все же хорошо бы ей рассказать. Каждый день при встрече с новым или давно не встречаемым человеком у него возникала такая надежда — его наконец поймут правильно. И тогда очень хотелось рассказать. Но затем он вспоминал оскорбительные, недоумевающие взгляды, растерянные улыбки, успокоения: «Ах,

оставьте, бросьте думать, не забивайте голову чепухой!» — и у него пропадало желание откровенничать. Вот и сейчас, глядя на Веру, он было подался к ней, но тут же одернул себя.

А Вера меж тем говорила. Было похоже, что она решила в считанные минуты сделать из него поклонника Древней Руси.

— Разве это не интересно?! — то и дело восклицала она. Речь ее как-то вдруг наполнили старинные названия и имена: Юрий Долгорукий, Успенский собор, Ирпень, Суздаль, Кидекша... Все это было так же далеко от Игоря, как страницы школьного учебника по древней истории.

Игорь Исаич хмыкнул.

Недоверчивый звук этот пришелся в разгар объяснения насчет оборонительных достоинств берегового хребта Клязьмы. Вера запнулась на полуслове и посмотрела на Игоря. В глазах собеседника она увидела больное растерянное недоумение. «Зачем? — казалось, спрашивал он. — Зачем мне все это знать?»

Вера умолкла. Ей стало неловко, точно она непроизвольно обнажилась. «Что это с ним происходит? Или уже произошло?»

До самого Владимира они молчали. Тому был предлог: в автобусе пели.

По приезде на место экскурсантами завладел гид — молодой, аристократического вида человек, энергичный и всезнающий.

...Начался осмотр Владимира с прославленных Золотых ворот. Сооружены в 1164 году. Дошли до нас в искаженном виде. Основные повреждения связаны с нашествием татар и последующими перестройками...

«Не показались мне Золотые ворота, — резюмировал Игорь Исаич, — то ли они в землю вросли за века, то ли эти башенные пристройки с боков их утяжеляют, не знаю, но не могу разделить восторгов нашего гида. А вот здесь прекрасно».

Они стояли, восхищенные и растроганные открывшейся панорамой. По склону холма на вершину медленно всползала густая лесистая поросль. В его центре высилось сверкающее пятиглавие Успенского собора. За ним виднелся арочный железнодорожный мост и растворенная в голубом тумане Клязьма.

«Истинно воплощенное раздолье, — подумал Игорь Исаич, — бездна воздуха, света и свободного пространства. Фактически никаких ограничений для любого произвольного перемещения...» Мысль о том, что все это может быть для него навсегда утеряно, больно кольнула его.

В глаза и уши Игоря Исаича вливалась мощная волна информации.

Дмитровский собор. Одноглавый храм великого князя Всеволода. Гармоничное мощное здание. Небольшой с виду, внутри собор кажется обширным, просторным, величественным. Под сводами хорov

сохранились остатки фресок «Страшного суда». Игорь Исаич рассматривал фрески с улыбкой.

«Напоминают заседание парламента. Или студенческую аудиторию. Только спинки у сидений очень высоки. Да одеяния святых несовременны. А так — похоже».

Когда садились в автобус, Вера спросила Игоря Исаича, как ему понравилось увиденное. Он ответил, что с ходу трудно разобраться, впечатления должны отстояться, просветлеть. Одним словом, нужно время.

— Чему там светлеть, — сказала Вера, — и так все ясно. Это чудо.

В Боголюбове часть экскурсантов решила знакомиться со старинной, не выходя из автобуса. На заднем сиденье разыгрался серьезный карточный бой.

Большое село Боголюбово живописно и значительно. Оно расположилось на высоких холмах, вблизи клязьменской поймы. Возводя свой дворец-город, князь Андрей полагал контролировать здесь нерльское устье. Ансамбль Боголюбовского дворца многосложный, византийски отяжелен роскошью.

«Князь умел давить на психику посетителей, — думал Игорь Исаич, — пышностью своего двора сбивал чужую напыщенность. Впрочем, современные властители по сути своей недалеко ушли от монголоидного князя. Небоскребы — это все тот же материализованный символ могущества, что и Боголюбовский дворец. Форма только иная.

Ну, а мне-то какое дело до всего этого?»

От своего неслышимого выкрика Игорь Исаич точно проснулся. Поток доселе беспрепятственно вливавшейся в него информации приостановился. Игорь Исаич увидел крохотное двухэтажное строение, соединенное арочным переходом с такой же незначительной колоколенкой. Быть может, в прошлом это и был величественный дворец, но сейчас он оставлял мизерное впечатление.

Перед зданием возле напыщенного и велеречивого гида толпилась группка людей. И в первых рядах с полуоткрытым ртом стояла Вера. Та самая Вера... Эх. Люди были некрасивые, утомленные, в смятых одеждах. Они скучали, пока экскурсовод распространялся о красотах кивория, некогда украшавшего двор князя Андрея. Заметное оживление возникло при описании гибели владельца Боголюбова. Оказалось, что заговорщикам не удалось сразу добить князя. Их там было много, опочивальня тесная, они, наверное, толпились, мешали друг другу. Толкались, переругивались, тяжелые, неуклюжие убийцы. А может быть, все происходило молча, без слов, были одни только звуки, ухающие, кричающие, с придыханием. Нет, князь должен был что-то сказать, крикнуть, пригрозить. Не может быть, чтобы молчал. Укорял, должно быть, своего верного слугу,

который его предал. Анбал, или, как там его, осетин этот, тоже должен был озвереть. Все они были там как звери. И князь, и заговорщики. Звери против зверя. А потом израненный зверь сполз по ступеням лестничной башни и спрятался в нише. Что он думал, что ощущал?.. Боль, приближение смерти? По-видимому, все то, что думали, чувствовали и переживали миллионы израненных зверей, умиравших до него и после него. Они добились его в нише, дело было сделано, история покатила дальше. Но направление движения слегка изменилось. Вектор событий приобрел иной уклон...

Вечером Игорь Исаич долго лежал в своем номере, равнодушно рассматривая выкрашенные зеленой краской стены, пока не позвонила Вера.

— Ну как? — спросила она в трубку. — Просветляешь дневные ощущения? Что-то я не видела тебя рядом с экскурсоводом. Какой замечательный парень, не правда ли?

— Я слушал нашего замечательного гида не из первых рядов, — сказал Игорь Исаич. — За тобой трудно угнаться. Что касается ощущений, то можно прояснить. Заходи, я в тридцать втором.

Она чуточку поломалась, а затем согласилась. Договорились встретиться после ужина, и в девятом часу она постучала в дверь номера. В комнате никого не оказалось. Смятая постель, газеты на полу, знакомая книжка в цветастой обложке на столе. Вера присела и нехотя перелистнула несколько страниц.

— А! И ты, получается, увлекаешься фантастикой? — проговорил Игорь Исаич, войдя в комнату. Он нес, прижимая к груди, несколько бутылок и коробку с печеньем. — В буфете абсолютная пустота. Вакуум.

— Однако этот вакуум ты едва доволот до номера? — улыбнулась Вера. — И напрасно. Я сейчас же уйду.

— Зачем же тогда зашла?

Он разлил чернильного цвета вино, и они выпили.

— За встречу, что ли?

Она внимательно смотрела на него. На языке вертелся вопрос, но задавать его было неловко. И все же она решилась.

— Хотела тебя спросить... у тебя все в порядке?

— Все, — насторожился Игорь. — А что?

— Да ничего, просто мне показалось, что ты озабочен, огорчен чем-то. Может, я ошибаюсь...

Игорь покачал головой. Вино помогло ему преодолеть свою постоянную настороженность.

— Ты, Вер, как всегда смотришь в корень. Ничто от тебя не скроешь. Дома у меня все в порядке. И с женой, и с детьми. Хотя с женой известно какой порядок — он то и дело превращается в беспорядок. А с детьми все о'кей. Они меня не огорчают. Я тоже стараюсь не огорчать. Но...

Он обтер губы конфетной оберткой.

— Непорядок со мной, а не с домашними. Тут одна история вышла. Правда, не история, а так... гнуснятинка, мелочь какая-то...

Игорь замолк. Вдохнул.

— Да, да, вышла история. Да какая история, так бред, блажь, а вот поди ж ты, никак не могу с ней справиться. Даже рассказывать неудобно. Год назад я пошутил. Точнее, не один я... Но ничего в этой шутке не было плохого, и тем не менее потом все пошло наперекосяк. У нас в институте есть вычислительный центр, ВЦ, это сейчас модно. А в вычислительном центре работают мои друзья, и однажды по моей просьбе они ввели в машину программу, содержащую все известные данные обо мне. Я попросил машину ответить на вопрос, когда отойду в вечность. И она ответила...

Вера раскрыла глаза.

— Правда? Ой как интересно!

Игорь Исаич хмыкнул.

— погоди, интересное будет дальше. Дело в том, что машина сказала, когда я умру, точно, в какой день и час. И назвала приблизительно, разумеется, место...

Вера смущенно молчала и во все глаза смотрела на Игоря. Она не знала, как следует сейчас вести себя.

— Понимаешь, — сказал Игорь Исаич, — все это было шуткой. И друзья мои хихикали, и я посмеивался. Но вот уже когда машина перерабатывала мои данные, так сказать, переваривала мою жизнь, мне что-то почудилось. Я даже не знаю, откуда это пришло и к кому первому. Ко мне ли, к друзьям? На секунду стало мне нехорошо, очень нехорошо. Душевная тошнота какая-то проявилась в тот момент.захотелось прекратить происходящее. Зачем, мол, не надо, назад, но было поздно! И все поняли, что поздно. Аркадий, мой приятель, программист, тот даже чуть побледнел. Но они смеялись. И я смеялся. Это был затянувшийся смех, без надобности. Не очень принужденный, но и не очень нужный...

— Ты испугался?

— Да, может быть. Даже наверное. Но совсем чуточку, какое-то короткое мгновение. Потом все прошло, и мы уже смеялись от души. Хотя тень эта осталась. В памяти осталась. Все запомнили, что она была.

— Что сказала машина?

Игорь Исаич саркастически улыбнулся.

— Приткая ты очень. Нетерпеливая. Все вы такие. Куда ты рвешься? Вот скажу сейчас слово — и вся твоя спокойная жизнь кувырком. Понимаешь?

Он выжидательно и отчужденно заглянул ей в лицо. Вера ощутила холодок, точно встала над обрывом или вышла на крохотный балкончик двенадцатого этажа. Она прищурилась насмешливо.

— Ты меня не пугай: у меня сердце больное. Волноваться вредно...

— Если сердце не в порядке, тогда и разговаривать незачем. К чему тебе лишние расстройства?

— Нет уж, раз начал, досказывай. Чего тебе напророчила эта дурацкая машина?

— Она не дурацкая, — нахмурился Игорь Исаич. — В том-то и дело, что не дурацкая... Я провел с ней там немало часов. Должен сказать, она оставляет прекрасное впечатление. Во сто раз лучше иного человека. Умнее, сообразительнее, правдивее, честнее, наконец!

— Ты что-то, Игорь, того...

— Не того, а именно так! — горячо сказал Игорь Исаич. — В эту машину можно было бы влюбиться, имей она соответствующую внешность. А что касается меня, то здесь ничего не поделаешь: машина была правдива, и только. Она сказала все, что должна была сказать.

— И все же, Игорь Исаич?

— Аркадий уставился на дисплей и глаза вытаращил. Ответ и ему показался диким. Правда, сперва все засмеялись, особенно при появлении начала фразы.

— Господи, какой же ты... — не удержалась Вера.

— Никакой. Ты слушай. Там было... «Бойся маленьких черненьких старух! Коль не одолеешь свою мнительность, то при участии близких друзей убьешь себя и подругу свою на улице столицы...» и дальше шла дата и час.

— Когда?

— Завтра, в шестнадцать пятнадцать.

Они помолчали. Вера сидела напряженно и неловко. Господи, какая чушь! Да полно, не шутит ли он...

— Ты только не говори мне ничего, — хрипловато сказал Игорь, — я уже все сказал себе за этот год, понимаешь?

— Повтори предсказание.

— Бойся маленьких черненьких старух! Коль не одолеешь свою мнительность, то при участии близких друзей убьешь себя и подругу свою на улице столицы. 17 сентября 81 года в шестнадцать пятнадцать.

— Сегодня шестнадцатое сентября, — сказала Вера.

— Да, шестнадцатое, а завтра в шестнадцать пятнадцать... — Игорь Исаич поперхнулся, вскочил с места, прошелся по комнате. Смотреть на него было неловко и страшно, так он был жалок. Вера опустила голову.

— Ты... поверил этому предсказанию? — спросила она, не глядя в сторону Игоря Исаича.

— Да нет же, черт возьми! Сначала нет. Ну кто верит машине? Прогноз у нее вероятностный, количество ошибок огромно, точность

предсказаний ничтожна, то есть где-то в области статистики несчастных случаев. Это все равно что верить в возможность попасть в авиакатастрофу. Не исключено, что она вас не минует, но только не семнадцатого сентября в шестнадцать пятнадцать. Это уж, извините, сказка! А цифры-то какие — семнадцать, шестнадцать, пятнадцать. А? Мистика!

— Так в чем же дело?

— А в том, что не верить-то я не верил, но словно бы ожидал чего-то. А потом заметил, что другие сотрудники, из тех, кто знал, например Аркадий и еще кое-кто из ребят, как-то странно на меня посматривают. Как бы с непрошеным сочувствием. Точно скрывают что-то от меня, хотят поделиться, но жалеют. И тогда меня будто ошарашило. Я понял...

— Что же ты понял?

— А вот что понял. Они поверили машине, понимаешь? Они поверили и ожидали, что же со мной произойдет?! Возможно, они знали, почему в тот раз машина не ошиблась. Или там было что-то другое, но машине они поверили. Я угадал точно и пошел к ним в открытую. Спросил. Да где там! Ты же знаешь, какие у нас все альтруисты. Принялись успокаивать. Это, мол, все твоя, Игорь, мнительность. Машине, мол, положено нести бред собачий, на то она и машина. И рассказали о том, сколько раз и как позорно эта машина ошибалась. А я смотрю им в глаза и вижу — врут. Верят они в предсказание — и все тут. И вот тогда...

— Ты поверил?

— Пожалуй, — нехотя согласился Игорь Исаич. — Но не сразу. Я целый год боролся с этим проклятием, с этим наваждением, с этим ночным и дневным кошмаром. Ведь не поверил в нее до конца: и верил, и не верил. Сомнение меня одолевало. Ты понимаешь, какая это мука? Нет хуже состояния. Ни да, ни нет. А тут еще ребята решили дать задний ход. Они сочинили версию, будто предсказание это шуточное, специально подстроенное Аркадием. Якобы он хотел излечить меня таким путем от излишней мнительности. А какая такая у меня мнительность? Не больше, чем у других. Диабет доказан анализами, а язва была у меня еще в студенческие годы. Ну, вегетативная дистония, спазмы сосудов...

— Игорь, а вдруг и в самом деле шутка?

— Какая там шутка! Ведь у них руки дрожали! И глаза насквозь потерянные... Уверяю тебя, то была минута высокого прозрения. Нас точно обожгло. Я понял, есть вещи, которыми не шутят. Нельзя безнаказанно сорвать печать дьявола. Мы это сделали. Вернее я сделал. Они были только исполнителями моей воли. Эх, если б я мог представить, что за этим последует!

— И что же последовало?

— Ничего. Просто я понял, что влип, увяз, погорел. И они поняли.

Отсюда и растерянность, и неловкий смех, и глаза книзу и в стороны...

— И тогда-то ты увлекся фантастикой?

— Чутьочку позже. До нее я испробовал многое: спорт, туризм, вино, разные встречи... Помогало, помнится. Первое время. А потом все начиналось снова. Мысли, мысли и все об этом, об этом. Неужели, думалось мне, машина права? Неужели остались считанные деньки?

— А ты бы спросил машину по-новому, для проверки.

— Что ты? Что ты, Верочка? Этого никак нельзя делать! Хорошо, если ответ будет иным, и то я буду сомневаться, ну а если все то же самое? Тогда как? Хоть вешайся. А фантастика мне понадобилась, чтобы ответить на вопрос, может ли машина мыслить как человек.

— И тебе помогли фантасты?

— Нет, конечно. Но отвлекли. Временно.

Вера долго молчала, не зная, смеяться ей или огорчаться. Наконец медленно проговорила:

— Я как только увидела тебя, почуяла неладное. Тогда в автобусе у тебя было такое лицо...

— Какое такое? — быстро спросил Игорь Исаич. — Как у князя Андрея в «Войне и мире»? Перед тем, как он...

— Оставь, пожалуйста, не говори глупостей. Просто очень уж ты был тогда озабочен, напряжен. Вот мне и показалось, что у тебя неприятности. И только. Что, впрочем, и подтвердилось.

— Мне иногда кажется, что я немного помешался. Тронулс я на этом пунктике, — задумчиво сказал Игорь.

— Нет. Ты просто поверил. Очень сильно поверил.

Вера встала и подошла к Игорю Исаичу. Он ощутил холодок ее зубов через прижатые губы.

— Как же ты намучился, бедный! — пряча улыбку, воскликнула она. — Целый год быть смертником. Целый год надеяться на помилование. Ты, должно быть, адски устал, Игорь?

— Да, устал. И я рад, что завтра все кончится. Так или иначе, но придет полная ясность. Сейчас меня устраивает любой исход.

Она вышла из номера Игоря поздно вечером. В холле, который пришлось пересекать под пристальным взглядом дежурных, ее остановил незнакомый мужчина.

— Извините. Я хотел бы с вами переговорить.

— В чем дело?

— Я сотрудник Загогу... Гоголина Игоря. Мое имя Аркадий Фалевич.

Вера вспыхнула.

— Давайте поговорим, — сказала она.

Они присели в глубине холла на низеньком неуютном диванчике. У Аркадия был потерянный вид. Он смущенно теребил молнию

на своей нейлоновой куртке и непрерывно курил папиросы. Между его коленями топорщился чудовищно раздутый портфель.

«Что он туда насовал, — подумалось Вере. — Сто пачек «Беломора»?»

— Мне не хотелось, чтобы меня видел Игорь, — сказал Аркадий. — Может, пойдем в ваш номер?

— Что вы?! — Вера выразительно кивнула в сторону дежурной по этажу. Та не спускала с них маленьких глазок. Аркадий поежился.

— Давайте выйдем на улицу, там есть скамейки.

Пока они шли, Аркадий сообщил, что приехал уже несколько часов назад, но очень долго разыскивал экскурсию, ведь их тут много. Потом он прятался в туалете, чтоб его не засек Игорь. Он видел, как она вошла к Гоголину в номер и ждал ее. Вера покраснела.

— Послушайте, — сказал Аркадий, — мне нужна ваша помощь. Но прежде познакомьте меня с собой. Вы хорошо знаете Игоря?

Вера кивнула. Аркадий потер руки и воскликнул, что это просто замечательно.

— Мне и о машинном предсказании известно, — добавила Вера.

— Вот как! Значит, мне повезло! Я в восторге, — сказал Аркадий. — Не придется вдаваться в подробности.

— Нет, как раз они-то и нужны мне. Я знаю Игоря бог весть с каких времен. Он был юным тогда и совсем другим. Что с ним произошло? Почему он такой? Он болен?

— Когда мужчине за сорок, он начинает чудить, — сказал Аркадий. — Игорь надоел всем со своими болячками. То у него одно, то другое. Все его болезни от мнительности. Вот и возникла идея подсунуть ему предсказание. Благо, он в то время околачивался в Центре.

— А разве это не машинное предсказание?

— Выдавала его, конечно, машина. Она сообщила то, что мы вложили заранее в блок памяти.

— Разве она не сама это сделала? То есть я хочу сказать, разве машина выдала предсказание не на основании данных Игоря?

— Данные его были введены, это верно. Но ответ машина сообщила тот, который мы предварительно в нее вложили.

Вера просияла.

— Вы стремились избавить Игоря от излишней мнительности, хотели проучить его, не так ли? Но тогда почему это предупреждение носило такой дикий характер? Какие-то старухи, улицы, точное время смерти. Зачем?

— Вышла накладочка, Вера... Текст исказился. Составленное нами предсказание звучало: «Бойся маленьких черненьких подруг...»

— Подруг? Не старух?

— Да, машина переставила слова. Впрочем, кажется, не машина виновата, а оператор. Неизвестно... Но мы намекали на нашу лаборантку Соню! А дальше шло: «Коль при участии близких и старых

друзей не одолеешь свою мнительность, убьешь себя». Затем дата. Год, число, час соответствовали тому моменту, когда было выдано предсказание. Понимаете?

— Но у него все не так! Если верить его словам...

— Игорь прав. Он да и все мы этот ответ помним наизусть. Тот, кто вводил предсказание, Генка Коростылев, сейчас говорит, что торопился, но сделал вроде все по науке. Генка не болтун, но и проверить то, что он сделал, нельзя, в машинной памяти вся программа сразу же была стерта. Есть подозрение, что машина ошиблась. Или все-таки Генка врет, боится головоломки. Так или иначе, появился ответ-предсказание, где Игорю советовали бояться маленьких старух, сообщили, что он убьет себя и прочее. Плохо получилось. Мы настроились на веселье, все наши шуточки приготовили. А как глянули на Игоря, поняли: дело плохо. Белый как мел и воздух ртом хватал. Мы, признаться, растерялись. Почуяли, не туда завернули. Стали утешать. Куда там! Ни в какую!

— Да, он поверил машине.

— Потом погода мы признались, что это была шутка. Однако документальных доказательств мы представить ему не могли.

— Надо было прийти такой чепухе в голову! — воскликнула Вера.

— Конечно. Мы все проклинаем себя. Особенно скверно чувствую себя я как инициатор. Именно мне влезло в башку разыграть его. Разыграл, называется. Целый год мучаюсь с ним.

— Скажите, Аркадий, — спросила Вера. — А эти цифры шестнадцать, семнадцать? Что они значат? Игорь находит в них особое мистическое значение.

— Чушь. Семнадцатого сентября все это и происходило, в шестнадцать часов плюс пятнадцать минут, которые были добавлены для псевдоточности.

— А год?

— С годом получилось нехорошо. Кто-то приплюсовал единицу. Либо Генка ошибся, либо машина. Генка божится, что все соблюдал, а машина молчит.

Аркадий морщился, будто касался языком обнаженного зубного нерва.

Потом он сказал, что в течение этого года они не спускали глаз с Игоря. Они прочувствовали свою ответственность и решили вести за ним постоянное наблюдение. Вошли в контакт с его супругой, хоть это и не легко. Возле Игоря все время кто-то находился. Поначалу, после того как Игорь вроде немного позабыл о предсказании, психическая травма была не очень заметна. Только еще больше усилилась мнительность. Количество потребляемых пилюль резко возросло. А так он оставался прежним Игорем. Человек трудный, но бесспорно талантливый. Но примерно за месяц до срока с ним началось буквально

ное помешательство. Он говорил только о предсказании. Вел себя как перед казнью. По словам жены, стал плохо спать. Потерял аппетит. На работе все свободное и несвободное время читал фантастику.

— Да, да, — подхватила Вера. — Меня это поразило. Я спросила его. Он ищет у фантастов, может ли машина правильно угадать будущее?

— Да, — сказал Аркадий, — лучше бы он читал работы по программированию. Тогда ему было бы ясно, что прогнозы современных машин ни черта не стоят. Это либо банальности, либо ошибки. Но Игорю нужно было иное. Он искал подтверждения своим нелепым страхам и мрачным ожиданиям. И разумеется, находил эти подтверждения в фантастической литературе. Там у бога имя — компьютер. Но не в фантастике дело.

Аркадий объяснил, что друзья и близкие Игоря Исаича создали некий совет по его спасению. На этом совете было решено использовать предсказание как метод излечения. Нужно было исключить все роковые обстоятельства, перечисленные в предсказании. Упомянутую черненькую подругу с ее согласия перевели в другой отдел. Для того чтобы Игорь в роковой день не находился на улицах столицы и вообще в Москве, была приобретена туристская путевка. Игорь думает, что это ему пришла гениальная идея уехать. Пусть думает.

— А врачи? Что сказали врачи? — Вера раскрыла ридикюль, извлекла стеклянную пробирку с зелеными горошинами, проглотила пару пилюль, звонко щелкнула замком.

— Врачи находят Загогулю, простите, мы так зовем Игоря между собой, совершенно здоровым человеком.

— Но ведь есть разные лекарства, возьмите хоть транквилизаторы. У меня самой сердце никуда и нервы не в порядке. Только на них и держусь.

Аркадий сказал, что лекарства Игорь и так принимает в большом количестве. У Игоря вегетативная дистония и спазмы сосудов мозга. Так, по крайней мере, считает сам Игорь. А он, Аркадий, считает, что нужно спустить с Загогули брюки и выпороть как следует. Это было бы для него (для Игоря, а не для Аркадия) самым действенным лекарством.

— Сомневаюсь, — сказала Вера. — Сильно сомневаюсь. Это уже стало частью его психической природы. Понимаете? Здесь нужны другие методы. Он должен сам преодолеть свой страх. Мне ваша идея использовать предсказание для лечения кажется правильной. Следует исключить все обстоятельства, которые, по мнению Игоря, должны сопровождать его гибель. Это верно, что он уехал на эти дни из столицы. Там ведь было написано: «на улице столицы»?

— Да, но со столицей вышло неладно. Вы думаете, почему я здесь? Когда Игорь уехал, кто-то сказал, что Владимир тоже является столицей, древней столицей Владимирского княжества. Понима-

ете? Стоит экскурсоводу напомнить об этом, как у Игоря начнется приступ.

— Действительно! — ахнула Вера. — Наш гид говорил и не раз. Но я не заметила, произвело ли это на Игоря какое-нибудь впечатление. Тогда меня не было рядом с ним.

— Он мог не подать виду, — сказал Аркадий. — А может, и не услышал. Парадоксы внимания заключаются в том, что никогда не услышишь главного. В первую очередь в уши набивается мусор. Так или иначе, но завтра Игоря нужно удалить из Владимира.

— А мы с утра едем в Суздаль, — сказала Вера. — И пробудем там до вечера.

— Вот и прекрасно. Я очень рад, что встретил вас. Мне ведь предстояло опекать Игоря на расстоянии. Вы помните, что в предсказании упомянуты близкие друзья. Я являюсь таковым, и мне Игорь особенно не доверяет.

— Почему же вы приехали? Неужели не было другого человека?

— Были. Но не может вся лаборатория заниматься Игорем. В конце концов, у каждого из нас своя работа, семья, дела и обязанности. Не так ли? Вот и получилось, что ехать пришлось мне.

— Да, — сказала Вера, — так бывает. Вы не волнуйтесь, я побуду с ним. Теперь-то я его не оставлю. Мне его жалко, подумать только, как он поддался! А каким был замечательным парнем! Мы с ним дружили... Знаете, мне хотелось бы увидеть это предсказание. Так, как вы его составили, и как это получилось на деле.

— Пожалуйста, вот посмотрите. Мы не один раз анализировали и сопоставляли.

Аркадий достал из кармана куртки вчетверо сложенную бумагу. Вера развернула ее и увидела жирную карандашную линию, рассекавшую поле бумаги пополам.

— Слева то, что предсказали мы. А справа — то, что выдала машина.

Вера читала:

Бойся маленьких черненьких подруг! Коль при участии своих близких и старых друзей не одолеешь свою мнительность, убьешь себя! Это получено на «Умнице» 17.9.80.16.15. Москва.

Получено!

Бойся маленьких черненьких старух! Коль не одолеешь свою мнительность, то при участии близких друзей убьешь себя и свою подругу на улице столицы. 17.9.81.16.15.

— «Умница» — название машины? — спросила Вера.

— Да. Заметьте, как все перекручено. Почти те же слова и знаки препинания, а звучит совсем иначе. Налицо вполне осмысленная перетасовка слов и знаков. Причем, Москву на столицу мог изменить

и Генка. Он и не отрицает категорически возможности такой подмены. Он только говорит, что в целом закодировал предсказание верно. В целом верно, значит, наврал в деталях.

— Какая халатность!

— Вера, вы учтите, что сначала это была шутка. Перед обедом мы составили Генке текст, сказали «закодируй и передай в память «Умницы». Генка остался, а мы пошли обедать. А после обеда разыграли Игоря. Всею виной Генкины маслины.

— Какие маслины?

— Геннадий никогда не ходит обедать. Мать дает ему здоровенный бутерброд с сыром, маслом и маслинами. Вкуснятина. Если б не маслины, Генка пошел бы с нами в столовую, текст попал бы в машину неискаженным, предсказания не существовало бы, Загогуля был бы вне опасности.

— Бы, бы! Гвоздь да подкова, да лошадь виноваты, что маршал проиграл сражение. Нет, не в Генкиных маслинах дело. Игорь болен. Его надо спасать.

Вера вновь достала из ридикюля зеленые горошины.

Аркадий поежился.

— Что это вы заглатываете?

— А!— Она махнула рукой.— У меня тут полный интеллигентский комплект. Вам не надо?

— Упаси боже!

Они еще немножко посидели на этой скамейке. Уже не говорили, а молча вдыхали в себя тишину и свежесть осенней ночи.

— Вы не поедете с нами в Суздаль? — спросила Вера.

— Помилуй бог! Он с ума сойдет, если увидит меня. Поброжу по Владимиру. Дождусь вашего приезда, вечером все вместе отправимся домой. Только сначала поужинаем. Закатим пирушку в честь освобождения от этого бреда. Думаю, что Загогуля тоже будет рад.

— Как вы устроились?

— Да никак. Мест, как всегда, нет. Ничего, где-нибудь поставят раскладушку.

— Смотрите, не попадите к Игорю в номер!

— Что вы! Я хитер и проницателен, как Мегрэ и Пуаро, вместе взятые.

Они расстались.

На следующий день экскурсионный автобус катил по мягким увалам дороги, ведущей к Суздалю. Погода выдалась на славу: солнечная, сухая, безветренная. Склонившись к Игорю Исаичу, Вера шептала ему на ухо:

— Давай не будем думать о том, что ты мне рассказал вчера? Посмотри, как отлично все складывается. Какая красота вокруг, гармония, умиротворение. Не будем, а?

— Не будем,— неуверенно отвечал Игорь Исаич, собирая губы в вынужденную улыбку.

— И спрячь ты, пожалуйста, свою фантастику. Что еще вычитал?

— Да так, рассказец забавный...

...Проехали село Павловское, и за ним сразу обнаружился Суздаль. Вера тотчас же стала охать и восторгаться. Де, мол, он и зеленый, будто дача, и бело-розовый, как зефир, и белопенный, как кефир. Игорь Исаич подавленно молчал.

«Уютный городок,— думал он.— Слишком уютный. Неправдашный какой-то. Впрочем, может, все наоборот. Мы неправдашние, а он как раз на месте. Мы суетливы, злы, тщеславны. А он спокоен, слегка равнодушен, ленив и вечен. Он себя сохранил, а мы растеряли в бесконечной смене социальных мод. Мы, он, я... Я. Я. Во мне все дело».

«Что мне с ним делать,— подумала Вера,— ничего он не забыл, только что не плачет. Что делать?»

— Мне хотелось бы,— сказала экскурсовод,— начать наш осмотр памятников Суздаля вот с этой деревянной церкви Николы из села Глотова.

Они стояли на зеленой лужайке перед деревянным зданием с остроконечной крышей. Осиновый купол церкви отливал черным серебром. Экскурсовод, милая молодая женщина, изъяснялась певучим владимирским говорком.

«А что, если пообедать с ним,— подумала Вера.— Именно в шестнадцать пятнадцать. Для отвлечения».

Вдруг Игорю Исаичу показалось, что у него остановились часы. Он в испуге снял их с руки, потряс, покрутил пружину и приложил к уху. Часы мирно тикали.

— Сколько времени? — спросил он у Веры.

— Без четверти час,— ответила она,— а что?

— Ничего, мои часы отстали. С чего бы это? Всегда так точно ходили.

— Не завел, наверное.

Игорь Исаич нервно проверил завод, подвел стрелки и еще раз до отказа подкрутил пружину. Раздался легкий, едва слышный щелчок. Игорь Исаич дрогнул. Он прислушался — часы безмолствовали.

— Слушай, я, кажется, перекрутил пружинку.

— А ну-ка, дай сюда.

Вера слушала, трясла, постукивала, но часики не отзывались.

— Похоже, что так,— сказала она.— Но это пустяки. В любой мастерской тебе за пять минут сменят пружину.

— Как же я здесь буду без часов? — растерянно сказал Игорь.— Я же не могу без часов.

Вера внимательно посмотрела на него.

— Я дам тебе свои,— сказала она.— Вот только проверю время.

Она отошла к одному из экскурсантов, спросила у него время и, возвратясь, протянула часки Игорю.

— На вот, только смотри, не потеряй. Они золотые.

— Золотые?

— Ну не совсем. В позолоченном корпусе.

Экскурсовод, вероятно, была влюблена в Смоленскую церковь. Выйдя из Спасо-Евфимиевского монастыря, она остановилась возле храма и долго не отходила.

Потом они ехали к Кидекшу. Вера говорила:

— Ты рассказывал о генах, помнишь? Я и подумала, что в человеке должен быть еще один ген, кроме тех, которые определяют его рост, цвет кожи и способности. Ген красоты. А? Да, да, ген красоты. Ведь посуди сам, кто были эти строители? Неграмотные мужики, лапотники, чернь. И хозяева их, князья эти да епископы, недалеко ушли. Мрачные, хитрые, жестокие. А какую красоту создавали. И сегодня трогает душу, успокаивает глаз. Значит, было в них знание, не зависящее от образования, от эпохи. Князь Андрей Боголюбский, азиат, развратник, а как тонко и глубоко чувствовал возвышенное! Храм Покрова на Нерли — это же девушка, плывущая по водам! А Суздаль?

— Да, в этих храмах есть что-то женское. Наивное украшательство, бесхитростное побрякушество. Чистота. Ласковая какая-то архитектура. Нежная, если здесь применимо это слово.

— Вот, вот. Откуда все это? Наверное, в течение веков сформировался в человеке этот ген красоты, который и позволяет ему создавать шедевры, невзирая на эпохи.

— Ген красоты? — Игорь Исаич нервно почесал переносицу. — Что ж, допустимо. Ведь основной параметр красоты — гармония, т.е. сообразное, совершенное соотношение частей. Совершенное соседствует с полезным. Отсюда легко представить, что ген красоты и вообще сама красота являются оценочным показателем из категории полезных. Связь с полезностью здесь не однозначна, не линейна, но она есть. Может, ты и права, такой ген существует. Он и определяет целостность восприятия. Ген прекрасного должен быть соединен с геном жизни. Это зодчество прекрасно, потому что жизненно. Оно вобрало в себя информацию прошлого в стремлении человека к совершенству. Оно же очень умело и точно передает это стремление другим поколениям. Аппарат передачи информации и сама информация красоты здесь неразделимы. Наши чувства при виде храма близки чувствам, которые возникали у его современников. Красота реализует связь времен...

Игорь Исаич вдруг оборвал себя и замолк, забился в глубь кресла. Похоже, он застыдился своей философской тирады.

— Красота, — сказала Вера, — по-моему, прежде всего удовольствие

ствие. Наслаждение. Это как бы награда за творческую удачу. За найденное совершенство.

— Ты права. В конечном счете красоту можно рассматривать именно как премию, выдаваемую при создании совершенных форм. Полезных форм.

— Причем здесь полезность? — быстро сказала Вера. Ей нравился этот разговор, он уводил Игоря от его больных мыслей. — Что ты видишь здесь полезного? Эти шпильки? Эти маковки? Эти тянущиеся в космос колокольни? Какой от них толк, польза? Они красивы, не более.

— Их польза в красоте. Их цель быть красивыми, и эта цель достигнута путем применения несложных средств. Какая польза от красивого женского наряда? Она заключена в производимом впечатлении. Эти храмы впечатляют, останавливают внимание, концентрируют мысль. В этом полезность их красоты! — точно подводя черту, заключил Игорь Исаич.

Кидекша. Белокаменная церковь Бориса и Глеба. Поставлена на обрыве над Нерлю. Храм суровый и скупой. Внутри он так же прост и спокоен, как и снаружи. Фрагменты фресок: пальмы и павлины на стенах. Внутри церкви сумрачно...

— Мерзли они здесь, должно быть, отчаянно! — заметила Вера.

— Что вы? — откликнулась экскурсовод. — Это храм летний. Для зимних служб была выстроена теплая двухклетная церковь Стефана. Попросту большая каменная изба с церковной головкой. Впрочем, церковь Стефана была построена намного позже. Чуть ли не через шестьсот лет. А до этого, вероятно, ее роль играла какая-нибудь деревянная изба.

Осмотр был окончен. Экскурсанта спустились на берег Нерли, чтоб еще раз оглядеть церковь Бориса и Глеба со стороны реки. Действительно, зрелище было впечатляющим. Неожиданно белый, спокойный и уверенный храм представлялся естественной гармоничной деталью ландшафта. Он был здесь и стражем, и украшением.

У них еще оставалось несколько минут перед посадкой в автобус. Разгоревшись теплым осенним солнцем, туристы медленно бродили поужайке. Игорь Исаич и Вера прохаживались возле храма.

— Он великолепен, — говорила Вера. — Красивее многих суздальских.

— Да, в нем есть что-то настоящее, — согласился Игорь Исаич. И вот тогда произошло неожиданное.

Они заметили, что возле Святых ворот стоит один из туристов — Юрочка. Этот неприятный тип вел себя на протяжении всей экскурсии, по мнению Веры, некорректно: кричал, хохотал, задавал неуместные вопросы. И сейчас он творил что-то непозволительное: отковыривал перочинным ножом облицовку Святых ворот.

— Сувенир добывает себе на память в Кидекше, подлец,— сказал Игорь Исаич.

— Какая наглость!

— Я сейчас.

Игорь Исаич быстро зашагал к туристу. Вера чувствовала, как гнев перехватывает ей дыхание. После короткого разговора с Игорем Исаичем любитель сувениров ретировался с княжеского надворья. Игорь Исаич принялся возиться возле стены, видимо, ликвидируя последствия Юрочкиных деяний. Вера уже хотела было крикнуть ему, чтоб он кончал, все уже сели в автобус, им тоже пора, как вдруг точно из-под земли появилась маленькая, монашеского обличья старуха. Откуда она взялась, понять было невозможно. По мнению Веры, бабка сконденсировалась из воздуха. Это был весьма ядовитый конденсат. Старуха напустилась на Игоря Исаича. Она кричала, что он паразит и разоритель, татарин и антихрист. Она обещала ему скорую смерть, печать которой ей якобы была видна на лице Игоря Исаича. Она заверяла, что смерть эта будет болезненна и мучительна. А уж то, что произойдет с Игорем Исаичем после смерти, пугало саму старуху.

Игорь Исаич успел только развести руками.

Пообещав с короб несчастий его родственникам, старуха пропала. Возможно, она удалилась, как все нормальные люди, но у Веры осталось впечатление, что старуха испарилась. В этом было нечто мистическое.

Подошел Игорь Исаич. На него было больно глядеть. Лицо обвисло. Глазки под очками растерянно рыскали. Вера ощутила резкую острую боль в сердце и схватила за ридикюль.

— Ты слышала? — голос Игоря Исаича с трудом продирался сквозь бугры и заносы в собственной гортани. — Откуда она взялась? Маленькая, черненькая...

— Пойдем, пойдем быстрее,— Вера влекла его к автобусу.

— Постой,— сказал Игорь Исаич. — Ты же видела. Это была маленькая черненькая старуха.

— Ну и что? — спросила Вера.

— Как что? Неужели ты забыла? Как и предсказано...

— Игорь! Оставь глупости.

Игорь Исаич посмотрел на нее.

— Слушай, ты езжай с ними. Они еще ездить будут, медовуху пить. А мне это не нужно. Я поеду во Владимир. Я хочу в гостиницу.

— Как же ты поедешь? Кидекша — деревня! Отсюда не доберешься до Владимира.

— Я видел здесь возле продмага такси. Я не хочу... Неужели ты не понимаешь, что мне осталось каких-нибудь два часа. Неужели ты этого не понимаешь?

— Не глупи, Игорь!

Вера пошла к автобусу и предупредила руководителя экскурсии, что они решили добираться своим ходом.

В такси Игорь Исаич долго и напряженно молчал. Вера проглотила таблетку нитроглицерина и почувствовала некоторое облегчение: боль ушла из груди и переместилась под лопатку. Вдруг он заговорил.

— Это напоминает землетрясение, земля уходит из-под ног, — сказал Игорь Исаич. — Самое страшное, что непонятно, как это произойдет. Знаешь, что оно произойдет, но как, не знаешь. Это ужасно. Ужасно.

— Погоди, — сказала Вера. — На, проглоти.

Она протянула ему руку. На ладони лежало несколько желтых таблеток.

— Что это? — слабым голосом спросил Игорь Исаич.

— Успокоительное. Прими.

— А почему так много?

— Меньше не подействует. У тебя шоковое состояние. Глотай. Игорь Исаич покорно проглотил.

Вера чувствовала, как его бьет нервная дрожь. Эта нервная пульсация передавалась ее телу, усиливая боль под лопаткой.

Вот и Боголюбово. Скоро Владимир. Совсем скоро Владимир. Она взяла его за руку и заплакала.

Наконец, они приехали. В гостиницу, в номер, она его вела, почти неслась на себе.

Игорь Исаич сразу же опустился на кровать. Он смотрел на нее непроницаемым взглядом. Он смотрел на нее как сквозь сон.

— А теперь уходи, — сказал он.

— Я не оставляю тебя такого. Я сейчас вызову врача.

— Нет. Ты этого не сделаешь. Ты же знаешь, что врач мне не поможет. Здесь не должно быть людей. Было ж сказано: «При участии близких друзей». Я не хочу. Уходи.

Непоколебимость в его голосе заставила Веру дрогнуть.

— Хорошо, я уйду. Что ты будешь делать?

— Я закрою двери на два оборота ключа. Чтоб никто не вошел.

Ни друзья, ни подруги.

— Так.

— Я отключу телефон, настольную лампу и все, что соединяет меня с внешним миром. Заверну краны. Опущу шторы. Лягу и буду ждать. Шестнадцать пятнадцать.

— Хорошо, — сказала Вера, — оставайся. Я уйду. Только не отключай телефон. Я после позвоню. После шестнадцати пятнадцати, ладно?

— Ладно.

Он уже возненавидел ее за то, что она толчется здесь, болтает и не уходит. Выходя, Вера еще раз окинула комнату беглым взгля-

дом. На письменном столе завернутая в полотенце стояла бутылка. Край полотенца отвернулся, обнажив коньячную этикетку.

«Неужели Аркадий успел здесь побывать?» — подумала она, прислушиваясь к резкому щелчку ключа...

Когда такси подъехало к гостинице, Аркадий был в ресторане. Он видел, как смертельно бледный Игорь, опираясь на плечо Веры, прошел к себе.

Аркадий бросился наверх. На его стук последовало слабенкое «да, войдите».

Вера лежала на кровати, голова ее была прикрыта полотенцем.

— Вера, что случилось? Вы заболели?

— Я скверно себя чувствую. Ну да, не впервой. Отлежусь.

— А что с нашим подопечным? Я ждал вас к вечеру, а вы прикатили средь бела дня. У Игоря отвратительный вид. Что-нибудь произошло?

— Да. Если разрешите, я немного помолчу, а потом все расскажу. Я очень устала.

Аркадий отошел к окну и посмотрел вниз. Перед гостиницей находилась широкая улица. По ту сторону ее сверкало нечто современное и стеклянное. А за «стекляшкой» плыли в мареве знаменитые владимирские дали. Свобода и простор. Свобода без края. Хм.

— Я уже, кажется, ничего, — сказала Вера, садясь на постели, — Слушайте.

Она рассказала, что произошло в Кидекше.

— Это действительно была противенькая, маленькая, не столь черная, сколько серая старушонка, злая, как паук, остервенелая и глупая. Ее ярость потрясла Игоря. Она напугала его.

— Что же он теперь делает?

— Что делает? Умирает. Ждет своего часа. Но я надеюсь, что он сейчас спит. Когда он пускал от страха пузыри в такси, я всадила ему лошадиную дозу барбитуратов. Они его успокоят.

— Это не опасно?

— Да нет же. Я знаю норму.

Они помолчали.

— Может, вызвать «скорую помощь»? — робко спросил Аркадий. — Психиатра?

— Э, нет, — возразила Вера. — Так не пойдет. Только не психиатра.

— Нужно же что-то делать, — сказал Аркадий, — действовать. Куда-то пойти. Сказать, кому надо. И вообще. Он там лежит. Один. Ему плохо. А мы здесь сидим, говорим. А вдруг он умрет!?

— Я тоже вначале так думала — пойти, сказать, позвать. Ничего не нужно. Он должен помочь себе сам. Ему никто не поможет. Никто, понимаете?

Аркадий поморщился.

— Я понимаю, что вы правы, но, согласитесь, нелегко бездействовать именно сейчас.

— Да, нелегко. Очень нелегко. Но приходится.

Они сердито замолчали.

Глядя на Веру, Аркадий подумал, что, в сущности, ничего не успел о ней узнать. Для женщины она на редкость скрытна. Кто она, что она? Быть может, она заинтересована в том, чтоб возле Игоря сейчас никого не было. И почему они вернулись из Суздаля так рано?

Вера ощутила новый приступ боли. Аркадий раздражал ее. С самого начала они там, в институте, вели себя как последние дураки. Раз знали, что Игорь псих, зачем было предсказывать всякую чушь? А теперь нечего суетиться. Нужно ждать.

Раздался телефонный звонок. Вера сняла трубку. Говорил Игорь.

— Все в порядке, Верочка, — сказал он, громко зевая, — уже прошло пять минут после рокового времени. И ничего не случилось. Я буквально засыпаю от той дряни, что ты мне дала. Чем ты меня опоила?

— Вот и спи, — быстро проговорила Вера.

— Нет. Как раз сейчас я не должен спать. Сейчас я хочу тебя видеть и слышать. Хочу извиниться перед тобой за свое мерзкое поведение. Хочу просить прощения и стать на колени. И вообще, мне сейчас нужно быть молодым, бодрым и красивым. Приходи. Тут у меня сюрприз от друзей.

Вера положила трубку.

— Это Игорь, — сказала она. — Он приглашает к себе. Все в порядке. Рубикон перейден.

— Вроде, рановато, — заметил Аркадий, — сейчас только четыре часа. Ему осталось ждать еще пятнадцать минут.

— А у него мои часы, и я их подвела минут на двадцать вперед. Аркадий посмотрел на Веру.

— А вот это умно. Как вы догадались?

— Догадалась. Оказия случилась. Он так терзал свои часы, что они сломались. Пойду причешусь. У меня, должно быть, жуткий вид.

Она удалилась в ванную. Аркадий ждал ее, от нетерпения подпрыгивая на месте. Не прошло и десяти минут, как Вера была готова.

Будто приглашая войти, дверь в номер Игоря была широко раскрыта. Комната пустовала.

— Игорь! — позвала Вера. Аркадий заглянул в туалетную комнату.

— Его нет, — сказал Аркадий. — Он только что вышел.

Он показал на недопитый стакан коньяку. Рядом с бутылкой лежала записка.

«Дорогой Игорь! «Умница» поздравляет тебя с избавлением от бесовского наваждения и дарит первые три звездочки, с тем, чтобы остальные ты хватал уже прямо с неба», — прочла Вера. — Это ваша?

— Да, — сказал Аркадий, — я ждал вас поздно вечером.

— Барбитураты и коньяк, — Вера покачала головой, — это очень плохо. Но где же он сам?

Аркадий покружил по комнате, подошел к окну. Вера услышала негромкий вскрик:

— Вон он! Там, на улице.

Увидев фигуру Игоря, распростертого на асфальте, Вера отпрянула от стекла.

— Сколько? — спросила она.

— Шестнадцать восемнадцать.

— Значит, он уже три минуты лежит там, — сказала Вера.

— Надо к нему! — Аркадий было рванулся, но тут же остановился, увидев, как обессиленно опустилась на стул Вера.

— Вам плохо?

— Ничего. Дайте мне немножко воды. Только без коньяка.

Пока он мыл стакан, пока Вера глотала свои пилюли и пила воду, постукивая зубами о стекло, пока она переводила дух и медленно-медленно шла по лестнице, проезжавшая «скорая» подобрала и увезла Игоря. Свидетели не смогли сказать, что именно произошло. Вышел человек на улицу и упал. Может, пьяный, а может, больной, неизвестно. Вроде, не мертвый, но и на живого тоже мало похож.

Потом Аркадий искал такси, и Вера, задыхаясь, твердила всю дорогу, что предсказание, как ни крутите, сбылось. Старушка была? Была. Шестнадцать пятнадцать было? Было. Близкие друзья, которые подсунули Игорю снотворное и коньяк, были?

— Замолчите, ради бога! — раздраженно сказал Аркадий.

Потом они долго молча сидели и ждали в приемном покое. Там было чисто и тихо. За стеной негромко переговаривались медсестры. В коридоре витали традиционные запахи больницы: карболки, эфира и подгорелой каши. В ушах Веры нарастал далекий звон, похожий на шмелиное гудение. Стаи шмелей и пчел. Тысячи пчел и шмелей. Миллионы.

К ним вышел дежурный врач. Молодой красивый человек в белом халате. Аркадий бросился к нему. Вера осталась сидеть. Она не могла встать. «Как много стало у нас красивых врачей», — мелькнула ненужная мысль. Боль становилась невыносимой. Она давила, жгла, рвала. Это была уже не боль, а пожар в груди. Стены приемного покоя накалились и вспыхнули беспощадно слепящим пламенем.

«Сварка у них здесь, что ли?» — подумала Вера.

— Ничего с ним не случилось, — сказал врач. — Не нужно хлестать водку стаканами. Переутомился, понервничал, и вот вам результат — обморочное состояние. Он уже в порядке. Минут через десять выйдет к вам. Скажите спасибо, что сходу не попал в вытрезвитель. Вот было бы некрасиво. Москвич?

— Да, доктор, — Аркадий стал сбивчиво рассказывать историю

Игоря. Врач слушал, хмурился, недоверчиво хмыкал. По всему было видно, что у него нет сочувствия к услышанному.

— Я привез с собой его приятельницу, — сказал Аркадий, — возможно, она знает кое-какие подробности.

— А зачем? — Врач поднял брови, недоуменно посмотрел на Аркадия. — Ваш друг здоров. Я же сказал, что самое большее через полчаса он выйдет.

Аркадий обернулся, хотел окликнуть Веру, но запнулся. Его поразила поза женщины.

— Ей плохо?

Врач, не отвечая, рванулся вперед.

...Есть незримые для глаза стихии, что десятилетиями невостребованными хоронятся в душах людей.

Но бьют часы, звонят колокола, с хрустом рушатся бетонные ограды совести и оживают стихии.

Поднялась стихия стыда, высокой крутой волной встала над судьбой человека. Вот сейчас — падет, расплющит, понесет безоглядно.

Пусть уносят волны стыда.

От своего мерзкого никчемного тела и вечного за него страха — пусть уносят волны стыда.

От ядовитых пилюль и таблеток, от журнала «Здоровье», зачитываемого до дыр, от аптечных прилавков, от советов знатоков и шарлатанов, от стопок бесполезных рецептов — пусть уносят волны стыда.

От праздных застолий, кухонных пустословий, от хохмочек, шуточек, штук, от жизни пустой, безлюбовной, немилосердной — пусть уносят волны стыда.

От тихого коварного зверя с нерусским именем Эгоизм — пусть уносят волны стыда.

Пусть всего меня унесут от меня волны стыда.

Высокой стеной поднялась над Игорем стихия стыда.

Нависает, стоит и не падает...

А падает, сеется мелкий дождичек, затягивая холодной белестью больничные окна, охряные стены, торопкие фигурки прохожих. Осень уже, глубокая осень, да как внезапно и властно взялась сразу со всех концов! Из небес, из недр, из смятенной души. Горбится, сутулится Игорь Исаич под мокрыми деревьями, поглядывая на синюшные, под стать погоде, окна больницы. Мелкие, как дробинки, мысли мелькают в ученой голове.

Что сказал Аркадию этот врач, когда отшумели санитарки, отвокливались посетители? Ей и только ей нужна была помощь, а не вашему этому! Озверелый эгоцентрик! Правильно сказал, все правильно. Подсудимый возражений не имеет. Никогда он себе не простит, ни-

когда. Если она умрет, уйдет и он. А впрочем, не верьте этому подсудимому, граждане судьи, он привычно обманывает вас.

Пусть от лживой, ленивой и подлой совести моей уносят волны стыда.

Он останется жить, граждане судьи, он труслив и до безумия любит себя. Он не посмеет. Только жить ему будет очень плохо. А когда он жил хорошо?

От рабской и низкой привычки жить лишь бы жить — пусть уносят волны стыда.

А вот в холодном тумане нарисовался Аркадий. Милый Аркашка, но и он тоже оттуда, из прошлого.

Пусть уносят волны стыда.

— Я уезжаю, — сказал Аркадий. — Ты остаешься?

— Да.

— А почему не там? — Кивок на больницу.

— Там родные, настоящие больные.

— Ага, — он помялся. — Но ты это, не очень... люди встают и после тяжелейших инфарктов!

Игорь Исаич ничего не ответил. Аркадий засуетился, выдергивая из кармана книжонку с пестрой обложкой.

— Это твоя. Сборник фантастики.

— Оставь себе. На дорогу, в поезде. Зачем мне фантастика?

Аркадий хмыкнул, вздохнул, попрощался и ушел, зажав под мышкой книгу.

Пусть уносят волны стыда.

Эдуард Геворкян

Чем вымощена дорога в рай?

1

Праздник начался утром.

Еще не весь снег растаял в горах, и прохладный ветер иногда становился пронизывающим. Майское нежаркое солнце зависло над Шварцхорном и било в глаза. Канат, протянутый над головами, неразличим — в синем небе словно без всякой опоры кувырвался и плясал канатоходец. Его красные гетры и зеленый костюм казались вырезанными из цветной бумаги.

К подножью темной громады Шварцхорна светлыми бусинами шли открытые платформы. Оттуда туристы поодиночке и группами добира-

лись сюда, на ровную площадку, зажатую между обрывом и склоном. К склону лепились гостиничные коттеджи и дома жителей долины.

Мимо прошла группа, ее вел юноша в куртке с эмблемой экскурсионной службы. В свое время и я выслушал обстоятельный рассказ о том, как и почему здесь празднуют много веков приход весны; как суровые горцы прекращали на время недозволенную охоту во владениях жестоких баронов и собирались здесь, соревнуясь в гибкости тела, силе кулака и остроте глаза. И бароны, умерив нрав, снисходили до веселья. Сегодня, как всегда, праздник начался состязанием канатоходцев. Продолжат лучники. На склоне народ уже толпится у большого, слепленного из глины и веток осла. Самые нетерпеливые рвутся перепрыгнуть осла, не касаясь его руками. Нетерпеливых осаживают и придерживают — всему свое время, туристы только прибывают, зачем же портить людям настроение, не каждый день они могут попасть на «Эзельфест».

Обычно после праздника Эдда уговаривала меня на штурм Шварцхорна. Я добирался до снегов — почти середина горы — и безнадежно скисал. Эдда тормозила меня, соблазняла красотами ледяных пещер, сердилась, говорила, что я нарочно, а я отдувался, вытягивал в себя заметно разреженный воздух и кивал, соглашаясь... В детстве мне удалили верхушку правого легкого. Горы были не для меня, а я не для гор. Эдда не знала об этом.

Четвертый май я приезжаю сюда с надеждой, что она вспомнит о празднике, и я встречу ее и спрошу... У меня было много вопросов, но со временем они растаяли, остался только один — почему она ушла?

Три года, три последних года в поисках меня сопровождал Бомар. В колледже он был самым худым, тогда его и прозвали Пухляш в насмешку. Кличка оказалась пророческой — Пухляш стал тяжелым на подъем, появилась одышка, а весу в нем под сто, если не больше. Я вызывал его за неделю до праздника, и он героически сопровождал меня. В этом году не смог. «Заболела мать, — сказал он, глядя мимо экрана, — врачи, анализы...» — «Не могу ли я быть полезен? — спросил я, — Как это матушку Бомар угораздило заболеть?» — «Надеюсь, все обойдется», — ответил он. «И я надеюсь, — сказал я. — Непременно наведаюсь к матушке Бомар на знаменитые пироги с голубятиной». — «Ты уже восемь лет обещаешь», — со странной интонацией сказал он.

И вот я один. Праздник только начинается, народу еще мало. Сижу на камне и не решаюсь подняться, начать пустое кружение. С Пухляшом было легче. Он молча топал рядом, односложно отвечал на вопросы, невозмутимо разглядывал встречных и громко сопел, если приходилось идти в гору. После праздника он немногословно прощался и улетал домой.

Надо непременно позвонить матушке Бомар, в самое ближайшее время, а еще лучше — слетать к ней в гости, на пироги.

Снизу, от дороги, послышится густой свист. Низко, чуть не приминая

траву, шла машина. Кто-то из распорядителей побежал навстречу, возмущенно размахивая руками. Во время праздника машинами здесь пользоваться запрещено, а на санитарную платформу она не похожа.

Машина поднялась над дорогой, описала полукруг и с хрустом села на песок и мелкие камни площадки. Я с большим удивлением узнал в ней мой личный «трайджет». Машине полагалось быть в ангаре, а ангар — по ту сторону океана. «Трайджетом» пользуюсь только для протокольных визитов или в экстренных случаях — летит быстро, но энергоресурс месяца съедает за два дня.

Я подобрал куртку и пошел к машине, соображая, что могло произойти за время моего отсутствия. Слабые точки всего две: реакторные блоки на Эри и опреснительные буи в Проливе. За опреснители я спокоен, Лапуэнт подвести не мог. Техника старая, но Лапуэнт ручается. С блоками сложнее, копят блоки, чуть-чуть, но копят, дозиметрический контроль уже шевелит бровями...

Из машины вылез Апоян, и я пошел быстрее. Если мой заместитель в субботу лично выдирает начальника с отдыха, то дело серьезное. А когда я увидел, как из люка высунулась голова Матиаса, руководителя Конфликтного бюро, то припустил бегом.

Матиас заметил меня и помахал рукой. Апоян кивнул и полез обратно в кабину, я последовал за ним.

— Что случилось? — спросил я.

— Сейчас, сейчас, — Матиас разогнул один палец, — во-первых, необходимо срочно заблокировать систему «Медглоуб» хотя бы на сутки.

— Позвольте, Дэниел, — немного растерялся я, — глобальные акции мне...

— Извините, — перебил Матиас, — необходимо отключить только ваш чифдом. Транспортная сеть уже заблокирована, а на «Медглоуб» нужны ваши полномочия.

— Вы полагаете... эксцесс?

— Боюсь, что гораздо хуже, — ответил Матиас и разогнул второй палец, — боюсь, что преступление.

Над океаном я включил комп и перевел на него управление. На прямую связь вышел координатор «Медглоуба». Попросил код полномочий, дождался, пока я вводил брелок-жетон в прорезь компа. А потом сказал, что через несколько минут отключит чифдом от сети. Я спросил, насколько это неприятно, на что он поднял одно веко и ответил, что за сутки или даже за неделю больших неприятностей не будет. В больницах и комплексах прекрасно функционируют автономные системы, и если некоторое время они будут лишены текущей информации, то и бог с ней, с информацией. Что же касается неприятностей ординарных, добавил координатор, то он немедленно поставит Совет в известность, и

мне надо будет подготовить серьезные мотивировки для Конфликтного бюро.

Тут из-за моей спины выдвинулся Матиас и сообщил, что Бюро в курсе. Тем лучше, отозвался координатор, поговорим на Совете.

Зарябили помехи, «трайджет» шел над грозовым фронтом. Я развернул кресло от пульта. Матиас разложил на коленях планшет и водил пальцем от побережья к побережью. На карте высветились цифры, расстояние, наверно.

— Итак?

Матиас поднял голову.

— Это по делу Чермеца.

— Вот как? — сказал я. — Разве оно не закрыто? Что там было — исчезновение или взрыв?

— И то, и другое, — ответил Матиас. — Ко всему еще обнаружена вторая лаборатория.

— Где? — спросил я. — Где именно? Догадываюсь, что у меня...

— На юге, Грин-бич.

Неприятно. Секретная лаборатория мерзавца оказалась в моем регионе. Нашел уютное местечко! Если то, о чем он истерично кричал на Совете, хотя бы на четверть правда, — мне предстоит скверная работа.

— Скверно, что они успели взорвать лабораторию на Халонге. Сейчас там копаются ребята из Юго-восточного бюро, чифдом Нгуен Зы. Пока выносили решение об изоляции, они подняли все на воздух. Исчезли Чермец и его лаборант, Сассекс. Приблизительно в это же время исчез или был похищен экспериментальный корабль. Программа в бортовой комп не была введена, так что они могут вынырнуть где и когда угодно, да и то при большом везении. Но такое везение... — Матиас с сомнением покачал головой.

— Я знаком с делом в общих чертах. Но в сводке ничего не говорилось о персонале. У него были сообщники?

— Да. Но они себя называли иначе. Впрочем, теперь хватает и других дел. Пока остановим Холлуэя, пока... — он махнул рукой.

Мы с Апояном переглянулись. Конфликтное бюро сделает всю работу, нам же расхлебывать последствия.

Что ни говори, а этический прогресс хоть и не ползет черепахой, но и стремительным его назвать нельзя. Впрочем, есть чем и гордиться. Отцу было шесть лет, когда демонтировали последнюю боеголовку, а когда я пошел в школу, уже во всем объеме разворачивалась программа «трех П». Продовольствие, педагогика и порядок. Судя по книгам, фильмам и рассказам мамы Клары, это были веселые и трудные годы взлета надежд, реализации дерзких проектов. Миллиарды и миллиарды перестали идти на смертоносный металл, а пошли на школы, больницы, поля... Потом времена безудержного энтузиазма и героических всплесков прошли, и началось ровное горение. Если бы не Великая Пандемия, унесшая сотни миллионов и последствия которой мы ощу-

щаем до сих пор, рывок был бы стремительней! Тем не менее наконец мы можем сказать, что человек, может быть, пока еще не венец творения, но он уже и не мелкий сукин сын. Преступление, причинение зла человеком человеку стали редкостными явлениями. Но тем страшнее и опаснее рецидивы «добрых старых времен», будь они прокляты!

Прошлое дотянулось и до нас с Эддой. Ее дед был археологом, и где-то в Африке они раскопали склад какой-то боевой химии... На пятом году семейной жизни характер Эдды стал меняться. Мы знали, что детей нам иметь нельзя, индекс генетического риска на порядок выше допустимого, да и ее здоровье было не идеальное. Эдда хотела взять ребенка, но очередь тянулась годами, да и я относился к этому с сомнением. Она чувствовала, и возможно, именно тогда айсберг семейной жизни, медленно таявший снизу, внезапно перевернулся.

Она ушла, не оставив записки, адреса, ничего. Взяла кое-какие вещи. Поиски ничего не дали, видимо, сменила личный номер и фамилию. Через несколько месяцев пришло странное письмо, я с трудом узнал ее почерк, подписи не было...

Апоян ткнул пальцем в экран.

— Берег! Минут через десять — Шибугамо.

Вскоре под нами пронесся залив Фанди. Зеленая тройка с буквой «М» в верхнем левом углу экрана сменилась двойкой, затем единицей. На звуковой мы вошли в коридор, меня сразу же засек диспетчер и пустил вне очереди. У ангаров «трайджет» развернулся носом к диспетчерской башне, автопилот выплюнул диск марш-программы и отключился.

— Мне надо спешить,— сказал Матиас,— но думаю, что сегодня еще не раз придется вас побеспокоить.

Он соскочил на литое покрытие и быстро пошел к стоянке платформ. Апоян проводил его взглядом и вздохнул:

— Боюсь, что так оно и будет.

2

Моя резиденция занимает весь шестьдесят девятый этаж. Пять залов с терминалами, аппаратные, резервные генераторы и все такое... На семидесятом живут сотрудники управления, а над ними ничего, кроме оранжереи и неба. Когда наваливалась бессонница, я выходил на смотровую, прижимался лбом к холодному стеклу и стоял, пока стекло не запотевало и буравчики звезд размывались искрящимися пятнами. Иногда помогало.

Окна в моем кабинете выходят не на леса, как у Апояна, а на город. Нагромождение коробок и башен — словно пьяный архитектор играл с набором строительных блоков и лепил их вместе и порознь, как куда придется. Раздражали нескладные углы и стыки домов, ломанные кривые улиц... Когда истечет срок моего управления, непременно примкну

к движению «Зеленое утро». Среди них много симпатичных людей, Пухляш Бомар например. Есть там, правда, и фанатики деурбанизации, но их всерьез не воспринимают. Века кровавых проб и роковых ошибок выработали хоть маленький, но все же иммунитет против великих рывков, грандиозных ускорений и больших прыжков. Чуть не допрыгались! Лесные городки и поселки милей и благодней уродливых мегаполисов, но последствия массового исхода из городов пока непредсказуемы. Всего два десятилетия, как понятия «голод» и «нищета» отошли к историческим дисциплинам, а абстрактный термин «всемирное братство людей» начал медленно, но верно обрастать плотью. И если сейчас все брызнут по кустам — цивилизация развалится. Может, через пару веков...

К концу рабочего дня я так изматывался от лиц, объектов и постоянной готовности к принятию мгновенного и безошибочного решения, что мечтал даже не о хижине в лесу, а о комфортабельном необитаемом острове. Впрочем, необитаемым быть ему недолго, Корнелия найдет меня и там.

В терминальных залах сейчас тихо и пусто — несколько дежурных линий, один тоскующий дежурный и два консультанта.

Но с минуты на минуту воскресная тишина может лопнуть экстренным вызовом Совета, примчится Матиас, войдет Апоян с ворохом материалов по делу Чермеца — сейчас он как раз подбирает их для меня... Если понадобится, я вызову начальников секторов, а те, в свою очередь, — остальных. Случалось нам работать по воскресеньям, редко, но случалось.

Скоро информация дойдет до Совета, меня вызовет неразговорчивый Калчев и скажет: «Здравствуй! Что это ты безобразничаешь с «Медглоубом»? На обоснование пять минут».

Над столом пыхнул красный огонек прямого вызова, высветился двузначный код Совета.

На меня озабоченно смотрел Калчев.

— Здравствуй, Эннеси! Совет просит оказать полное содействие Матиасу. Можешь использовать все ресурсы. Полномочия неограничены. До завтра!

Я посмотрел на клавишу общего вызова, но решил пока не поднимать людей. Может, все обойдется, и региональные службы справятся сами. Вряд ли! Неограниченные полномочия...

Вошел Апоян. Он выложил на стол прозрачную корзину с папками, блок-кассетами и отдельно — большой конверт с эмблемой Конфликтного бюро. Сочувственно посмотрел на меня.

— Здесь последние материалы из КБ. Боюсь, дело пахнет кризом.

Я не взмахнул руками и не вскричал: «Только этого мне не хватало!» или других, приличествующих моменту слов. Мыслишка, плавающая в глубине сознания, всплыла на поверхность и удовлетворенно произнесла «Aga!»

— Зачем же так сразу — криз... — Я придвинул к себе ближайшую папку, — делом занимается Конфликтное бюро. Расследование — это компетенция КБ. Принимать решения на нашем уровне...

Я тянул. Саркис понял мое состояние и подыграл.

— Правильно. Матиас — цепкий мужик. Мы с ним через недельку махнем ко мне в Базмашен, на рыбалку.

Однажды он и меня уговорил махнуть на рыбалку. Рыбалка не состоялась, я самым дурацким образом свалился с обрыва и вывихнул ногу. Саркис пытался вправить ее на месте, но я орал и отбивался. Тогда он взвалил меня на спину и шесть километров волок до дому не останавливаясь. Его жена, ни слова не говоря, вцепилась мне в лодыжку и дернула с вывертом... Потом меня долго поили чаем с медом и домашним вареньем.

Через два года кончится наше управление, и Саркис станет чифом. Заместителем у него будет кто-либо из наших мест, или же заместителя направит чифдом Ахаггар-Тибести, сопряженный по конкурсной сетке с нами.

— Что там было с кораблем? — спросил я, перебирая блок-кассеты.

— Воспользовались отсутствием охраны. Корабль — первый из «дыроколов», системы жизнеобеспечения не развернуты, пробный полет намечался на будущий год.

Он скучным голосом рассказывал о том, как чисто символическая охрана пряталась от дождя под навесом, перечислял, что успели смонтировать на корабле, а что нет... А я думал: обидно, просто обидно! Результаты многих лет труда, мучительных поисков, гениальных догадок и смертельно опасных экспериментов грубо и гнусно похищены!

В конце прошлого века в кольцах Сатурна была обнаружена чужая станция-зонд. Была радость — мы не одиноки во Вселенной, и был шок — да, мы не одиноки, но еще неизвестно, чем это чревато... Никто, правда, не ожидал, что первая же пилотируемая экспедиция на Темный (так окрестили зонд) сумеет овладеть управлением этого огромного черного шара и привести его на окололунную орбиту. Два десятка лет его разбирали на маленькие кусочки, многое так и осталось неясным, но из того, что сумели понять, неожиданно получили гипердвигатель. Человечество, до сих пор с опаской ползающее по Солнечной системе, начало осторожно присматриваться к звездам. Дело оставалось за малым — придумать, на что сгодятся звезды? А теперь вся эта героическая эпопея отодвигается на годы — первый корабль сгинул, и два негодая, похитившие его, вместе с ним.

— А вот последние материалы по лаборатории в Грин-бич, — сказал Апоян. — Это из папки Матиаса, и тут еще что-то закрытое, — добавил он и вытащил из кучи пакет с эмблемой КБ.

Так, фотографии лаборатории, вид сверху, голографический обзор, перечень оборудования, списки сотрудников... Что за черт! Мало того что они ухитрились в наше время создать секретную лабораторию, так

еще и людей набрали! Чем же их соблазнили? А это что? Фотографии за номерами с 12 по 45 изъяты (изъяты!), причины излагаются в сопроводительном листе, там же и протокольные отсылки. Где сопроводительный лист?

Я вскрыл пакет и извлек кассет-бокс, заблокированный замком. Апоян с удивлением посмотрел на меня, а я на него. Бокс я открыл личным ключом и взял бумаги. Прочитал. Потом еще раз начал читать, но на первой же странице меня наконец проняло... Пересохло горло, защемило сердце, а к затылку словно приложили лед. Я выдвинул верхний ящик и кинул под язык несколько шариков «тонуса».

— Ты... знаком с этими бумагами? — я никак не мог откашляться и сглатывал после каждого слова.

— Разработка темы? — поднял брови Саркис. — Матиас немного успел рассказать: преступная самонадеянность, обман Совета, недопустимый риск...

Матиас ничего ему не сказал! Скверно. Теперь он со мной нырнет в это варево по самую макушку, но я последний, кто пожелал бы этого. Уничтожить, спрятать бумаги? Глупо. Пощади я Апояна сейчас, он узнает потом все равно. Да и что говорить, неразделенная ответственность — это доблесть, неразделенное знание — трусость.

Я протянул ему листы и отвернулся к окну.

Низкое облако вилось между вершинами домов. Сверху оно было похоже на распотрошенную перину. С крыши Дома Театров снялась пассажирская платформа и нырнула в перину...

Апоян громко сказал несколько непонятных слов, кажется, по-армянски.

Развернув кресло к нему, я молча взял бумаги, вложил в бокс и запер.

— Ладно, — сказал Апоян, — эмоции потом. Все-таки это криз.

— Боюсь, что ты прав. И хорошо, если локальный...

3

Матиас появился в полдень.

— Я на несколько минут, — предупредил он, сделал кому-то знак рукой за экран и прибавил звук, — на несколько минут, — повторил он.

— Минутами не отделаешься, — сказал Апоян. — Как это вы криз проморгали?

— С нами разговор впереди. Не знаю, сколько поротых задниц я насчитаю, но под розги лягу первым, — без тени улыбки ответил Матиас. — Сейчас нет времени. Прошу полномочия на кратковременную изоляцию.

— Послушайте, Дэниел, — удивился я, — это же дело вашего Бюро! Что вы с такими проблемами к нам...

— Мы не знаем, скольких придется изолировать,— перебил Матиас.

Апоян присвистнул. Я вспомнил разговор с Калчевым.

— Срочно?

— Срочно. К вечеру, если прояснится, я сам приеду.

И отключился.

Через несколько минут со мной связался дежурный оператор и сообщил, что Матиас занял шесть линий и требует еще пять. Я подтвердил запрос.

— Как же это называлось?— проговорил вдруг Апоян.— Был термин...

— Не понял?

— Сейчас... Сейчас... Вспомнил, вивисекция! Вот как это называется! Но какие сволочи!..

Мигнул вызов.

— К вам Уэлан,— озабоченно сказал дежурный.

— Давайте.

На экране появилось длинное лицо Уэлана. Прищулив глаза и дергая за рыжий ус, он рычал на кого-то в стороне. Увидев меня, оставил ус в покое.

— Привет, Чиф! Экологи запечатали два блока!

— Поздравляю.

— Если мне сейчас же не дадут десять единиц, я не ручаюсь за остальные блоки. В региональном требуют обоснования, и не на десять, а на шесть. Пока будут тянуть, загадим Эри и все вокруг.

Я поднял глаза на Апояна. Саркис пожал плечами и руками изобразил на голове сомбреро.

— Паникуешь, Юджин?

Как я и рассчитывал, Юджин Уэлан немедленно вспылил и принялся тщательно обкладывать все и вся, начиная с гвоздя, на котором висит кепка регионального диспетчера, затем досталось диспетчеру и так далее, по восходящей. Минуты две он будет извергаться, пока доберется до меня. Я соображал, чем заткнуть прореху в энергобалансе. Все-таки не дотянули до конца сезона. Лихтер с блоками на подходе, но пока разгрузят, пока смонтируют, пока экологи все обнюхают и дадут добро... Не вовремя! Десять единиц! Многовато. Шесть даст региональный, а четыре?.. Попросить у Перейры? Мы им и так задолжали. Корнелия на последнем совещании заявила, что ей неудобно смотреть в глаза Шульхеру, экономисту Перейры. Ну ничего, пусть не смотрит...

Уладив проблему с Уэланом, я на несколько секунд расслабился. Саркис молча сидел рядом, потом предложил перекусить. Не успел я подняться с места, как мигнул вызов и на связь вышел Матиас.

— Мы нашли Холлуэя,— сказал он,— нашли и блокировали.

Он не успел, хотя уже авел кассету в синтезатор. Мы отключили энергоподвод.

— Хорошо. Чем я могу быть полезен?

Вопрос был неуместен, но надо было получить несколько секунд, чтобы перестроиться после Узлана. Если Матиас вышел на меня, то не для того, чтобы поделиться будничными заботами Бюро. За пять лет управления я уже стал не тот, накопилась усталость. И ошибаться нельзя, и не ошибиться невозможно...

— Затруднение. Нам не выдают Холлуэя,— ответил Матиас после недолгой паузы.

— Вы меня удивляете, Дэниэл,— продолжал я свою линию, постепенно входя в рабочее состояние.— Что же, мне вместо вас хватать его? Кто его не выдает? Если у него... как их... сообщники, то примените силу. В разумных пределах. Полномочия у вас есть.

Матиас молча смотрел на меня, и это мне не нравилось.

— Боюсь, что здесь я не смогу применить силу,— медленно произнес он,— впрочем, посмотрите сами.

Они развернули объектив. Я увидел большое здание, два полукружья охватывали многоэтажный конус в центре. Перед домом плотно стояли люди в белых халатах — издали нельзя было разобрать, что там происходит. В окнах было заметно движение, из некоторых летели вниз какие-то предметы. Присмотревшись, я обнаружил, что здание оцеплено платформами Конфликтного бюро, над крышей тоже висели платформы.

— Что там у вас происходит?— спросил я.— Дайте ближе!

Изображение дрогнуло и поплыло на меня. Я вдруг сообразил, заметив эмблему над воротами, что это Онкологический центр в Калгари и что люди в белых халатах — врачи.

— Он выдал себя за больного,— заговорил Матиас,— в приемной оглушил врача и прорвался к компьютерному залу фармакологического синтезатора. Дежурный к тому времени очнулся и поднял тревогу, кто-то сообразил позвонить в Бюро, я дал команду отключить их от энергосети. Он успел ввести рецепт-код в машину, но она не успела переварить. Правда, к тому времени они уже были выключены из «Медглоуба», но если бы он успел получить препарат — проблема стояла бы неизмеримо сложней. А может, и проблемы не было. Впрочем, это ваши прерогативы...

Объектив пошел наверх, в окна показались лица. То, что это больные, я понял сразу — изможденные, землистые лица, у некоторых глаза казались неправдоподобно большими, настолько было велико истощение: кожа, обтягивающая лицевые кости, тоньше бумаги... Дали максимальное увеличение — почти мне в лицо летели брызги слюны из перекошенных в крике ртов. Они кричали, метали вниз обломки приборов, разбитые стулья, чудовищными птицами летели вниз какие-то тряпки...

— Он вырвался из рук моих ребят и ушел по транспортному тоннелю в больничный сектор. А через десять минут они все с ума посходили, вышибли персонал и моих людей. Представляете, они почти все на постельном режиме, и такая вспышка! Не могли же мы к ним применить силу! Пытались толковать, но... Проклятье!

Тяжелый предмет, вылетевший из окна, задел кого-то, беднягу оттащили в сторону. В окнах замерли, но потом снова начался бедлам.

— Почему ничего не слышно?— спросил я.

— Далеко,— ответил Матиас,— ничего не разобрать, кричат несвязно.

В одном из окон появился белый рулон, его трянули — развернувшись, он повис, слабо развеиваясь на ветру. На нем черной краской было выведено: «Убийцы!» и «Здоровье сейчас!». Из других окон тоже вывесили простыни с такими же надписями.

На экране снова появился Матиас. Он был бледен.

— Кассета у меня. Вот она. Привезу ее сам.

— Спасибо, Дэниэл. Что с Холлуэем?

— Не знаю, пока не знаю. Уйти он не сможет.

— Как он сумел выкрасть кассету? Впрочем, это дело третьейской комиссии.

Матиас вздохнул, потом сказал, что не уверен, следует ли передавать дело Холлуэя в комиссию. Хотя кассета и была введена в компьютер, последствия обратимы. А то, что он взбунтовал больных, свидетельствует скорее о его невменяемости, чем о преступном умысле. «В конце концов,— добавил он после заминки,— неизвестно, поступил бы он, Матиас, лучшим образом, если бы у него, как у Холлуэя в прошлом году, скончалась жена от саркомы. Надо учесть, что и мать Холлуэя умерла от рака желудка. Детей он не имел, а жена его...»

— Вы так защищаете его, словно это ваш друг,— заметил я.

— А он и есть мой друг,— с некоторым удивлением ответил Матиас.— Разве вы не знали? Рэймонд Холлуэй, мой заместитель... Я молчал.

— В конце концов я выполняю свой долг,— продолжал Матиас,— а если Рэймонд пошел на преступление, то, очевидно, полагая, что исполняет свой. И я не знаю...

Он прервал себя, глянул вбок, поднял брови и, сказав «хорошо», повернулся ко мне.

— Извините, Эннеси, удалось связаться с Холлуэем.

— Подключите и меня.

«Дэниэл, ты меня слышишь?.. Я на самом верху... Ты слышишь?..»

Окна и этажи слились в полосу, объектив дернулся вверх, к крыше. Там, у самой кромки, стоял высокий худой человек, державший в руке коробку транслятора.

«Дэниэл, ты меня слышишь?— продолжал звенящий от напряжения голос.— Ты меня слышишь?..» — «Я вижу и слышу тебя, Рэймонд,— ответил голос Матиаса,— но мне хотелось бы поговорить с тобой в более подходящей обстановке»,— «Дэниэл, будь ты проклят, Дэниэл!»

Лица Холлуэя не было видно, солнце за его спиной било в объектив. Его темная фигура выпрямилась, он отшвырнул коробку транслятора и, широко раскинув руки, качнулся вперед...

Я закрыл глаза.

4

Десятый час, сумерки сгущаются в вечер. Несколько раз ко мне как бы случайно заглядывал Саркис. Убедившись, что я все еще здесь, уходил к себе.

Матиас весь день наводил порядок в Онкологическом центре, вернулся, передал кассету, начал диктовать отчет и только в этот момент сорвался и потребовал немедленной своей отставки. Саркис увел его к себе.

Я листал дело Чермеца, пытаюсь размотать чудовищный клубок проблем, разбухающий с каждым часом. Ничего не поделаешь — любой криз, любой этический кризис вырастает бледной поганкой на хорошо унавоженной веками почве гордыни, самолюбия, неумного тщеславия... И не преступный умысел движет инспираторами этих кризисов, а самые что ни на есть благие намерения.

Утром меня поднимет вызов Калчева или самого Рао. Они предложат отдать дело в Совет, я, естественно, откажусь. На то и выбран чифом, чтобы принимать решения и отвечать за них, а не перекладывать на чужие плечи. Выше меня только Совет, боюсь, и ему скоро придется несладко. После Холлуэя дело усложнилось...

Чермец и Сассекс. Десять лет назад они пошли на преступление — первое в ряду многих. Уговорили, подкупили, обманули, словом, каким-то образом вовлекли в преступный сговор врача из родильного отделения. Иногда бывают случаи, когда в горных или отдаленных районах пытаются завести детей, не проходя генетического контроля. Урок Великой Пандемии не впрок. Из-за безответственности родителей рождались уроды. «Живое мясо», как выразился в протоколе один из экспертов. Последние двадцать лет научились безошибочно определять, родится ли здоровый ребенок, с допустимыми отклонениями или же уродец без малейших шансов на разум. Но просчеты неизбежны, и врач этот согласился не подвергать эктаназии плоды. Чермец же поставил серию экспериментов над этим... материалом. Преступление — да, но еще не криз. Правда, возникает проблема, как поступить с уцелевшими существами? Никакого разума, зачатки рефлексов...

Я был на заседании Совета, когда разбиралось это дело. Свои преступления Чермец оправдывал благими намерениями, поскольку удалось получить универсальное средство от злокачественных опухолей. «Рак побежден!»— кричал он перед лицом Совета и не оправдывался, а гордился своим деянием, гордился откровенно и нагло. Он готов принести себя в жертву условностям и согласен с любым решением Совета. А потом побег, непонятный взрыв лаборатории, случайный или неслучайный, гибель почти всех его сообщников... Кассета с записью синтез-программы была найдена случайно, в другой, глубоко законспирированной лаборатории, где он и продельывал свои каннибальские эксперименты.

И преступление породило преступление — заместитель Матиаса крадет кассету и скрывается, надеясь ввести ее в ближайшую фармацевтическую систему, и когда ему это не удается, в отчаянии кончает с собой.

Кассета теперь у меня, лежит в нижнем ящике стола рядом с прошением об отставке Матиаса. Что-то надо с кассетой делать. Либо я приму решение, либо нет. Если нет — опять два варианта: отдать дело Совету или объявить референдум. Но тогда у меня не будет морального права продолжать управление...

Дверь тихо пошла в сторону. Почему-то я решил, что это Корнелия. Но в проеме показалась фигура Саркиса, за ним горбился Матиас.

— К вам можно, чиф? — спросил Саркис.

— Входите... — Я включил верхний свет и на миг зажмурился — после полумрака заболели глаза.

— С вами хотел связаться Соколов, но я попросил отложить до завтра.

— Спасибо, Саркис!

Апоян сел у окна, Матиас тяжело уложил свое тело в кресло напротив.

— Еще хотели связаться двое: ваш друг Бомар и Корнелия,— добавил Апоян, усаживаясь поудобнее.— По-моему, Корнелия жаждет общения, но я рискнул сказать, что вы сегодня в цейтноте.

— Да-а... Ну ладно. Ситуация прояснилась, действительно криз, к тому же осложненный. Завтра, самое позднее послезавтра сводка пойдет в «Новости». К этому времени мое решение должно пройти обсуждение Совета, и если Совет не сочтет его исчерпывающим...

Я на всякий случай трижды постучал ногтем по столу.

— Фундаменталисты опять поднимут головы,— равнодушно сказал Матиас, не раскрывая глаз.

— Бог с ними, хватает своих забот. К тому же вопрос, какие именно фундаменталисты? Христианские, мусульманские, буддистские

или эти, новые, как их... Впрочем, неважно. Когда вводили генетический контроль, у них были газеты, радиостанции, а главное — лидеры, среди которых даже члены Совета. Если бы не Пандемия тридцать четвертого года, они бы и сейчас кричали о евгенике, расизме и требовали отмены контроля. Сейчас даже самые твердоголовые сообразили, что речь шла не о больных или о людях с врожденными пороками, а о страшной патологии... Интересно, зачем я это вам рассказываю?

Матиас промолчал, а Саркис улыбнулся.

— Тянете время, чиф, — сказал он. — По-моему, вы усложняете. Имеет место классическая ситуация — «дар дьявола». Несоответствие товара и цены, которую придется за него выложить. Еще одно звено из вечной цепи целей и средств. Самое простое решение — отвергнуть результаты преступных экспериментов. Раз стало известно, что лекарство существует, а это, кстати, еще только слова Чермеца, так мы его получим сами.

— Знать, что оно существует, все равно что иметь его, — пробормотал Матиас.

— Не спешите, Дэниэл, — с досадой поморщился Саркис. — Ни одна этическая проблема не может быть корректно решена без нарушения этических аксиом. Вопрос сейчас ставится так: если мы принимаем «дар», то тем поощряем других авантюристов, полных благих намерений. Столько лет старались, вытягивали людей из болота предрассудков, асоциальности, неэтичности наконец! И вот стоило появиться одному преступнику, как за ним уже вздымается волна, и Холлуэй ее провозвестник. Кстати, кто может поручиться, что следующие «благодетели» не начнут экспериментировать на людях?

— Пробный камень, — совсем неслышно сказал Матиас.

— Именно! Кассета — пробный камень нашей этической зрелости. Будущих медиков учат на примерах героических классиков. Означенные классики в свое время с риском для жизни раскапывали могилы и резали мертвецов, чтобы проникнуть в тайны организма. Сейчас любой студент потрошит ваших родственников в морге для тренировки — и никакого риска. Для студента, разумеется. Я утрирую, но дело не в этом. Человек с благими намерениями шел наперекор этике своего времени, и потомки объявили его героем. Пусть в таких случаях невозможно снятие кризиса, да что там говорить, такие кризисы — эмбрионы грядущих сдвигов в самой этике. Но какой страшный соблазн для тех, кто готов идти на все ради своих амбиций! Завтра мы можем вступить в контакт с иным разумом... Да черт с ним, с иным! Что мы скажем нашим детям сегодня?

— Рэймонд уже никогда ничего не скажет, — неожиданно громко сказал Матиас, поднялся, кивнул и вышел.

Я прислушивался к монологу Саркиса. Действительно, шлейф этических кризисов тянется за медициной со времен незапамятных. Не так

давно она переварила, не отвергла данные по предельным параметрам функционирования человеческого организма, данные, полученные варварским путем. Стыдливо усвоили эти знания, решив, что жертв все равно не вернешь, а информации пропадать не следует. Забыты Менгеле, Мюнх, Исии, а ведь это всего лишь прошлый, двадцатый век! Если копнуть глубже, всплывут такие кошмарные преступления во имя благих целей, что Чермец покажется младенцем. Да что медицина! Мы тщательно, любовно сберегаем наше прошлое, с умилением разглядывая буколические картинки полузабытых времен. Без истории мы ничто, без памяти о прошлом не найти дороги в будущее — достойный лозунг, что и говорить! Но история — это не только громовые слова и благородные жесты, не только беспримерные подвиги и величайшие проявления человечности в человеке. Это века и века беспросветной тьмы, подлости и обмана, насилия и жестокости, коварства людей и цинизма власти, копошение в грязи и потная кутерьма... Помня все — и лучшее, и скверну, забываем, что из прошлого просачивается тихо, каплями, каплями, каплями гной. От отца к сыну, от человека к человеку медленно и незаметно злоба и зависть, корысть и ложь... Как поставить заслон, как не допустить, чтобы с вечными ценностями не просочилась хотя бы одна каплягноя, — под силу ли такая задача? Если нет, — тогда удел человека — позор и грязь во веки веков, яд поразит организм, и тщетно отсекай орган за органом. Все начнется сначала, и снова будет горек плод трудов наших...

Так что — отвергнуть? Не просто...

Саркис смотрел в окно. «А ведь ему через год пятьдесят, — подумал я. Скоро будет дедом. На выходные к внукам...»

Тихо звякнул вызов. Апоян развел руками. Я включил экран и тихо застонал — на меня уставилась своими глазищами Корнелия.

Мне стало плохо. Мне стало хорошо. С Корнелией я мог быть грубым, наговорить несправедливой ерунды, даже вспылить. Одним словом, всячески нарушать установления Большого Этического Конкордата, что не позволительно никому, тем более мне. Но природа человеческая восхитительно несовершенна, и слава богу! Да и Конкордат пока еще в стадии разработки, пройдут годы, если не десятилетия, пока он реализуется в полном объеме. Однажды Корнелия откровенно заявила, что прекрасно понимает, как незтично влюбляться в своего начальника, как вдвойне незтично осаждать по всем правилам женского искусства мужа, пусть бывшего, но все-таки мужа своей подруги, но ей плевать на этику, когда она видит меня. Как-то на собрании заведующих отделами она во всеуслышание спросила, собираюсь ли я наконец жениться на ней, а если нет, то почему? И хоть бы кто крикнул или даже улыбнулся! Она настолько приучила всех к мысли, что рано или

поздно я окажусь в сетях, что не обратили внимания — это была ее охота, как сказал бы...

— Чиф, ты плохо выглядишь!

— Корнелия, ну что ты от меня хочешь, Корнелия? Я просил не трогать меня хотя бы раз в неделю.

— Посмотри мне в глаза, нет, ты мне в глаза посмотри... Вот так! Если тебе плохо, то я сейчас приду.

Только этого не хватало! Во мне поднялась сладкая тоскливая обреченность и захлестнула с головой, но через секунду я был собран и зол.

— У вас есть что-либо конкретное ко мне, уважаемая Корнелия Бургеле?

— Ничего служебного, уважаемый чиф Оливер Эннеси. Ты сердисься, значит ты пока здоров. До завтра.

И отключилась.

Апоян поднялся с места и вопросительно посмотрел на меня.

— Просмотрю еще раз сегодняшнюю запись,— сказал Саркис,— где-то здесь материалы по онкоцентру...

— Вот они. А я немного подышу на смотровой.

К лифтам мы шли молча. Когда я приму решение, он узнает первым. Но не сейчас. Торопиться нельзя. Сам ничего пока не знаю.

Саркис попрощался и вышел на своем этаже.

На смотровой никого не было. Обычно в это время свободной скамейки не найдешь, парочки со всего здания ждут полночного фейерверка над Домом Театров, воркуют и тихо обжимаются. Но в воскресенье здесь пусто: все набегались и нагулялись, начался туристический сезон.

Пора принимать решение. Конечно, оди. раз за все управительство я имею право на крайнюю меру, могу объявить референдум, минуя Совет. Но не будет ли это насилием здорового большинства над больным меньшинством, если «дар» будет отвергнут? Что, если человечество брезгливо плюнет на замаранный кровью и подлостью «дар»? Это так красиво, эффектно — взять и отказаться! И вполне в духе Конкордата. Совет, если я струшу и отдам ему дело, может тоже отвергнуть — принципы, конечно, не дороже людей, но кто знает, сколько найдется в Совете красноречивых управителей, решивших выдвинуть свою кандидатуру на второй срок?

Принять «дар», ввести кассету в фармацевтические синтезаторы и напомнить всем почти забытое: «победителей не судят» — девиз подонков и вождей. Снова воскреснут глубоко затаенные амбиции, и кто-то очередной возьмется за скальпель или разрядник с самыми благими намерениями.

Скудный выбор: либо этическая ретардация, шаг назад, торможение, либо же насилие, чреватое непредсказуемым кризисом. Интересно, не возникнет ли тупик из-за моего благого намерения принять всю полноту ответственности, не делясь ею ни с кем? Так и буду топтаться меж этических догм?

Слишком долго и слишком успешно я подавлял эмоции при решении важных вопросов — это, кстати, тоже одно из установлений Конкордата. Но не есть ли этика без эмоций — извращение? Я видел их лица, и Саркис сейчас, наверно, всматривается в глаза больных...

Можно обмануть самого себя. Вариант — кассета вводится в систему, лекарство синтезируется, но каждый, кто захочет воспользоваться им, должен обязательно ознакомиться в общих чертах с делом Чермеца. Знать, какой ценой оно досталось. Потом решать, вправе ли он пользоваться им.

Но это вариант для дураков. Я знаю, что такое психика больного человека, что такое страдания сына, когда на его руках умирает неизлечимо больной отец... Да кто больных спрашивать-то будет? Врач пропишет, больной примет — и весь разговор! Может, потом, после выздоровления, рассказать, сообщить, а это, в свою очередь, вызовет такой мощный этический потенциал, что вполне можно пренебречь риском появления пары-тройки новых авантюристов? Сколько противоречий...

Разумеется, я прекрасно понимал, что все эти рассуждения просто оттягивают время, решение пришло, когда я увидел их лица, и грех на мне, что я не успел остановить Матиаса, не остановил Холлуэя.

Решение принято, и да будет так! Но одна мысль ехидно точила меня, и не было у меня ответа: ну, почему эти мерзавцы сами не ввели кассету? Неужели были уверены... Если бы несчастный Холлуэй успел!..

Над Домом Театров беззвучно и высоко поднялись разноцветные огни.

5

Мимо скамейки прошелестел манипулятор, убирая обрывки, щепки, мелкий мусор. В листве над головой захлопали крылья, с дерева снялась птица и перелетела через оранжерею. Из полутьмы выдвинулась моечная машина, подкатила к стеклу и пошла по периметру, оставляя за собой быстро сохнувший след.

«Надо непременно навестить Бомаров, — подумал я. — Сколько лет прошло! Пухляш может обидеться, хотя не могу представить себе обиженного на кого-либо Пухляша. Интересно, цел ли штурвал на чердаке их дома? По семейным преданиям, его привез некто

Клеман Бомар, плававший чуть ли не с самим Морганом или еще с кем-то из знаменитых пиратов».

Я убежал к Бомарам, спасаясь от удушливой заботы мамы Клары. Она дрожала надо мной, будь ее воля — заперла бы навсегда в доме. Естественно, я тяготился этим, бунтовал, сбегал при удобном случае к Бомарам, потом мы с Пухляшом топали на ферму Ганко. Эда выносила нам бутерброды, и мы втроем шли на пруд или к скалам.

Много лет спустя, после смерти отца и гибели мамы Клары в авиакатастрофе, я перебирал бумаги, письма, счета — семейный архив, и наткнулся на заклеенный пакет с грифом генконтроля, почему-то оказавшийся между страницами книги расходов за сорок шестой год. Вскрыл — и тогда мне все стало ясно: и причины истерической заботы мамы Клары, и непонятная уступчивость отца, человека сурового и прямого...

Поздно. Пора спать. Завтра меня ждут мелкие заботы — прелюдия большого скандала. А еще лучше ничего не откладывать, и прямо сейчас ввести кассету в «Медглоуб» со своего личного терминала. Интересно, почему Холлуэй не воспользовался своим? Не смог или не захотел? Может, он выкрал кассету из-под носа Матиаса и, не соображая ничего, рванулся в Центр? Непонятно...

В коридоре лампы светили через одну. Все равно, после темноты смотровой свет неприятно резал глаза. Что-то неладно с ними — стоит немного понервничать в последнее время, как перепады освещения отзываются болью в темени.

У входа в кабинет я остановился и с недоумением прислушался. За дверью приглушенно лязгал металл о металл, сбоку пробивалась тонкая световая черта. Я выключал свет.

Дверь отошла беззвучно, и я вошел.

Сейф был распахнут, а содержимое валялось на полу бесформенной кучей: бумаги, книги код-допусков, ленты и прочее. В сейф по пояс влез человек в спортивном облегающем костюме. Он и гремел внутри, пытаясь, очевидно, открыть внутренний бокс. Бессмысленное занятие.

Что-то неладно, сообразил я, а через секунду вспомнил и слово «взлом». И тут же узнал потрошителя сейфа, трудно не узнать. Вот он обернулся на мое покашливание, и я увидел его круглое лицо с очками на толстом носу, щетинистые усы...

Он с криком распрямил спину и спокойно наблюдал, как я прохожу к своему месту, сажусь и соединяю пальцы на колене.

— Здравствуй, Эннеси, — говорит он и, посопев: — Ты хорошо выглядишь.

— Здравствуй и ты, Бомар, — отвечаю я, — и ты, Пухляш, неплохо выглядишь. Я бы даже сказал, превосходно.

Он бросает на пол металлический стержень со сплюснутым и раздвоенным концом, подходит к моему столу и садится в кресло на-

против. Хлопает, вспомнив что-то, себя по лбу, лезет за пазуху и извлекает небольшой предмет, осторожно нажимает на выступ сбоку. Из предмета выдвигается короткая трубка. Пухляш бережно кладет ее на стол перед собой и поднимает на меня подслеповатые глаза.

— Поговорим? — спрашивает он.

— Поговорим, — соглашаюсь я недоумевая.

— Значит, так, — произносит он после недолгой паузы. — Ты мне сейчас отдашь кассету или же сам введешь ее... — Он тычет пальцем в терминал, а до меня начинает медленно доходить идиотизм ситуации.

— Ничего не понимаю, — говорю я.

Но это не так, все прекрасно понимаю, мои пальцы начинают дрожать — на Холлузе не оборвалась цепь благодетелей... «Хоть бы это все оказалось шуткой, разыграшем», — взмолился я.

— Вот это, — Он показывает глазами на предмет с трубкой, — нейронная глушилка. Если не отдашь кассету, я буду вынужден...

Я молчу. Он тоже. Сказать, что шел сюда единственно для того, чтобы ввести кассету? Или молча подойти к терминалу, зарядить кассету, набрать код «Медглоуба» и указать ему на дверь. Потом забыть Пухляша навсегда. Но кто поручится, что Пухляш сочтет себя неправым? Отнюдь! Он — победитель, и в следующий раз опять вломится ко мне с нейронным парализатором во имя очередного благого намерения.

Злость уступила место любопытству — неужели он действительно будет меня... пытаться ради всеобщего блага?

«А ведь будет», — подумал я, увидев его глаза. Пустые...

— Послушай, — миролюбиво спрашиваю я, — а с чего ты взял, что кассета у меня, а не в Совете? Откуда ты вообще узнал про нее? В «Новостях» еще ничего не было.

Он сопит, снимает очки и кулаком трет глаза. Если быстро перегнуться, то можно схватить глушилку. Интересно, где он ее взял, они же все номерные? Нет, он определенно болен, что-то с головой, возможно...

— Может, ты мне спокойно объяснишь, что тебя сюда привело?

Если он сейчас потянется к глушилке — запущу в него диктофоном, а там видно будет. Но он сидит молча, неподвижно, а по лицу ползет странная гримаса. Когда я понимаю, что это улыбка, мне становится жутко — улыбающегося Пухляша я не видел лет двадцать, если не больше.

— Ты уверен, что тебе понравится объяснение? — спрашивает он.

— Откуда я могу знать, если я его еще не услышал.

— Сейчас услышишь.

Он лезет в карман и достает несколько мятых листов бумаги в прозрачной обертке. Кидает через стол.

— Сначала прочти это.

Я не глядя возвращаю. Пакет падает рядом с креслом на пол. Но он не нагибается за ним.

— Напрасно, — говорит он, — напрасно. Тебя больше не интересует судьба Эдды?

Если он нашел ее и собирается вести торг — тогда он не болен, а просто подл. Я положил руки на стол, коробка диктофона теперь в нескольких сантиметрах от правой ладони.

— Она умерла, Оливер! — тихо говорит он. — Умерла четыре года назад.

Он берет глушилку, а я сижу и смотрю на него.

Он взял глушилку, сложил телескопический ствол, сунул за пазуху и откинулся в кресле.

— Ты очень большой человек, Оливер, и за четыре года не нашел времени навестить меня, наш дом. Ты звонил мне, когда тебе было плохо... Раз в год, в мае. А может, ты боялся встретить Эдду один? Но ты ни разу не позвонил и не спросил, а мне каково? Ты всегда был первым, но пришла она все-таки ко мне.

«Отчего она умерла?» — хотел спросить я, но не смог.

Бомар опять снял очки и протер глаза пальцем.

— Она умерла после родов! — пронзительно выкрикнул он. — Ребенок родился мертвым, девочка! Твой ребенок! Ей нельзя было рожать, и она умерла! Виноват ты, только ты!

«Он лжет, — сообразил я, и оцепенение сошло с меня. — Ну конечно же, лжет. Это не может быть правдой и не должно быть правдой. Придумал сейчас, сию минуту...»

— Ты восхитительно спокоен. Тебя смерть Эдды не трогает, ведь правда? Тебе неинтересно, почему она пришла к нам, почему смертельно рискнула? Твои великие заботы о всеобщем благе превыше всего! И ребенка ты не захотел взять, чтобы не отвлекал от управления. Чиф Оливер Эннеси — как это звучит! Или ты боялся быть плохим отцом?

«Надо, чтобы он замолчал. Это самая чудовищная ложь на свете, но надо, чтобы он замолчал. Я был бы хорошим отцом. Даже слишком хорошим. Я знаю, что это такое, и каким непомерным грузом ложится на приемного ребенка неистовая любовь таких родителей, как они во имя любви идут на все и не могут остановиться...»

— Ты знал обо всем четыре года и молчал?

— Как видишь, — ответил он, на секунду замаявшись.

— Bravo! Ты истинный друг, Пухляш! Что еще скажешь?

— Ты... не веришь?

— Чему верить? Тому, что ты сказал сейчас, или тому, о чем ты четыре года...

— Молчал.

— Что?

— Молчал. Говорил только ты, изливал душу, рассуждал о женщинах вообще и о загадках их психики. Ты говорил не со мной, а в меня. Если бы ты хоть раз приехал к нам, то узнал бы все.

— Так ты, пес, мстил четыре года из-за того, что я не приезжал в гости?

Бомар заскрежетал, и я содрогнулся. Смех. Нет, он заплакал. Все ложь. Больной человек... А я теряю контроль, чуть не поверил.

— Ты отнял у меня Эдду, — сипло проговорил он. — Тогда, в колледже, и потом... Если бы не ты!.. Отнял у меня Эдду, а теперь отнимаешь мать. У нее саркома.

Он снял очки и положил на стол.

Матушка Бомар... На чердаке у них всегда тепло, сухо. Я стоял у штурвала и вглядывался в заснеженное окошко, а Пухляш валялся в гамаке с видео на коленях. Штурвал с тугим скрипом вращался на железном шкворне, вбитом в темное дерево, от скрипа дергался и настороженно замирал большой паук, раскинувший сеть в углу. Паука звали Большой Серый Охотник, время от времени я ловил мух и забрасывал ему в паутину. Эдда его терпеть не могла, и когда мы разрешали ей подняться наверх, все норовила запустить туфлей. Туфлю мы отбирали, а Эдду спускали по лестнице. От крика и визгов содрогался дом Бомаров. А потом аромат пирогов с голубятиной возносился к чердаку, и даже Пухляш оживлялся. С детьми, своими и чужими, у Бомаров было просто — их не заласкивали и не шпыняли — с ними считались. У них было хорошо, особенно в великие дни пирогов с голубятиной. Прибегал кто-нибудь из Ганко тащить Эдду домой — и застревал. Приходила заплаканная мама Клара и пыталась немедленно увести меня. Но матушка Бомар железной рукой усаживала и ее за необъятный стол. Потом собирались еще люди, Бомар-старший извлекал бутыл с краником у основания, начинались длинные разговоры, а кончалось пением или жуткими историями об Одноногом Дровосеке, о гриззли-оборотне, о Поле Баньяне... Даже мама Клара веселела, а однажды спела балладу, удивив и немного обидев меня, — дома она была другая.

Почему он сразу не сказал о матери? Это ведь меняет дело. Или нет? Ну встретились старые знакомые, остро поговорили, но ничего преступного совершенно не было. Сейф — пустяки. Правда, глушилка — это уже...

— Почему ты сразу не сказал о матери?

Он пожал плечами.

— Что бы это изменило?

Он был прав, и я промолчал. Личные обстоятельства и мотивы не должны влиять на принятие решения. Совесть чифа должна быть чиста, но как быть, если ее лилейность оплачена кровью? Впрочем, решение уже принято, и все его дикие выходки из-за помрачения ума.

И насчет Эдды, естественно, вранье. Я потянул нижний ящик стола — вот бумага Матиаса. Кассеты не было!

Так. Для чего он устраивал здесь театр? Зачем ломал сейф, если кассета у него? А может, он пришел не за кассетой? Странно.

— Мы посадили в ее изголовье саженец, — сказал он. — Она просила тебе ничего не говорить, пока не кончится срок управления. Тропинка к пруду заросла, но за могилой я присматриваю...

Надев очки, он встал. По его лицу вдруг прошла судорога, взгляд изменился, он странно посмотрел на меня и... захихикал.

— Они хотели, чтобы я заставил тебя уничтожить кассету, но я их перехитрил! Они дали мне вот это, — он похлопал по глушилке, — и велели рассказать тебе кое-что. Но я их всех перехитрил! Ведь ты не допустишь, чтобы моя мать умерла!

Он возбужденно потирал руки, глаза полыхали идиотским огнем. Какое-то безумие. Кассета, безусловно, у него. Что ж, пусть вводит сам, я не против. Да и не имеет значения... Но как я устал...

— Если бы я отказался, они послали бы другого. Но я их убедил, что лучше никто не сделает...

— Уходи, Пухляш, — сказал я. — Ты получил, что хотел, вот и уходи.

— Уйду, сейчас уйду, уже ушел, — замахал руками Пухляш, затем помрачнел. — Нет, пока ты при мне не введешь кассету, не уйду! Безумие. Надо с ним поласковее.

— Я тебя когда-либо обманывал, Бомар?

— Нет, но...

— Тогда в чем же дело? С кассетой, я полагаю, все в порядке...

— Прошу тебя, — тихо сказал он, — введи кассету при мне. Или хотя бы покажи ее.

«А если он говорит правду, — мелькнула мысль, и я похолодел. — Кто взял тогда кассету? Может, пока он морочит мне голову, некто уже крадется к терминалам? И вот еще вопрос...»

— Постой, ты говорил, что тебя послали. Кто тебя послал? Кого ты перехитрил?

Он снова захихикал, но я успел заметить настороженный и немного растерянный взгляд. Он наморщил лоб и собрался что-то сказать, но в тот момент раскрылась дверь и в проеме показалась фигура Апоян.

— Не помешаю?

С грохотом упало кресло. Бомар вскочил, судорожно дернулся корпусом и, откинувшись спиной на стол, сунул руку за пазуху. Я подался вперед, схватил его за волосы и дернул к себе. Пухляш болезненно вскрикнул и выронил глушилку.

Апоян среагировал мгновенно. Он подскочил к Бомару и, отпихнув ногой глушилку, схватил его за руки.

Бомар снова дернулся, я выпустил его волосы. Он ударился головой об стол, сказал «больно» и потерял сознание. Апоян с сомне-

нием посмотрел на обмякшее тело, уложил его кое-как в кресло и сказал:

— Кажется, у Матиаса прибавилось работы.

— Посмотри, у него должна быть кассета...

— Нет.

— Не понял, — удивился я.

— У него нет кассеты. Кассета — вот она. — И с этими словами он достал из кармана кассету. — Полчаса назад я ввел ее в «Медглоуб».

6

Заседание Совета дважды переносили.

В представительский ярус набились операторы региональных сводок, журналисты, делегаты общественных конгломератов и просто любопытствующие, которым удалось проникнуть в здание.

Мы с Апояном прошли сквозь толчею и поднялись на галерею. Здесь никого не было. Я сел на диван и привалился к мягкой спинке. Саркис сел рядом.

— Экспертная комиссия к единому мнению не пришла, — сказал он. — Теперь подведение итогов вынесут на Совет. Чиф Соколов ругался и предлагал ставить вопрос о компетенции комиссии.

Я вздохнул, но ничего не сказал. Заместители знают все, у них отработанная система личных контактов.

— Матиас хотел встретиться с вами, но я просил не трогать до Совета.

— Что у него?

— Бомар.

— Хорошо, после Совета поговорю с ним. Хотя нет, сначала повидаться... Не выяснили, в какой больнице лежит мать Бомара?

— Она скончалась в прошлом году. Инсульт.

Секунду-две я ничего не понимал. Потом дошло.

— И в этом солгал!

— Нет, здесь сложнее. Матиас полагает, что замешаны в его деле фундаменталисты. Кое-кого задержали.

— Даже так!

— Не знаю. В общем, если подтвердится, им на сей раз не отвертеться. Манипулирование сознанием и так далее. Хотели уничтожить кассету любой ценой. Фанатики.

— Понятно... Нет, непонятно! Бомар сказал, что перехитрил их, требовал ввести кассету при нем.

— Матиас утверждает, что они использовали многоуровневый гипноз. Ему внушили, что кассета представляет смертельную опасность для человечества. Второй уровень — его мать больна, и только кассета поможет. Третий — он всех перехитрит. Четвертый — как только кассета оказывается в пределах досягаемости, уничтожить любой ценой.

— Сложно, слишком сложно.

— Да, это смущает. Если это фундаменталисты, то что им стоило организовать налет на резиденцию? Несколько человек с глушилками, и все! Матиас не хотел мне говорить, но я догадываюсь, чего он боится. Возможно, кто-то в Совете ведет тонкую игру...

— О господи! Только этого нам не хватало!

— Чего нам всегда хватало, так это честолюбцев,— вздохнул Апоян.

Да, круги по воде идут, а волны мутны. Мог быть и пятый уровень — Пухляш кассету как бы уничтожает, а на самом деле вручает ее ... кому? Вот и подозрительность в гости к нам пожаловала! Но сейчас мне все это было несколько безразлично.

— А как насчет Эдды?— спросил я.— Что-нибудь...

Он покачал головой.

— Нет. Никаких следов. Странно...

— Ладно, Саркис, оставим это. Кстати, спасибо, что зашел ко мне вчера ночью.

— Не за что, чиф. Собственно говоря, меня просила заглянуть к вам Корнелия. Предчувствия... Вас не было. Я взял кассету. Потом она связалась снова и опять попросила зайти...

Апоян встал, глянул вниз, в Круглый зал, и кивнул головой — пора идти. Члены Совета и делегаты постепенно заполняли ряды.

Мы спустились вниз. У входа меня перехватил чиф Соколов.

— Ну, ребята, навязали вы узлов,— сказал он сочувственно, а Саркиса даже легонько хлопнул по плечу.— Когда развяжете, приезжайте ко мне на недельку. В баньке попаримся, на охоту сходим, собак двухголовых развелось, ужас.

Соколов говорил весело, но в глазах я видел тревогу. Я хотел ответить ему что-то, но он не стал ждать, кивнул еще раз ободряюще и вошел в зал.

Меня провожали взглядами, не скажу, чтобы это было приятно.

— Вы становитесь популярным, чиф,— вполголоса сказал Апоян, садясь в кресло рядом.

— Твоими заботами,— ответил я.

— Можешь подавать на конкурс постоянного члена Совета,— шепнул он.

— Сейчас, только вот шнурки подвяжу и побегу записываться!

Так мы перебрасывались словечками, наконец табло полыхнуло зеленым «кворум», и Рао дал слово председателю экспертной комиссии.

Я уже был в курсе проблемы. После того как «Медглоуб» проглотил информацию, выяснилось, что переварить ее непросто. Обычно на синтез новых препаратов уходит до смешного мало времени. Фармацевтические комплексы отработывают проверочный цикл по ускоренной программе, и препараты идут в сеть. А сей-

час, за многие годы впервые, система заблокировала синтез, и не этические соображения были тому причиной, а голый и сухой экономический расчет.

Председатель экспертной комиссии включил демонстрационный экран.

— Для минимального насыщения препаратом всех больниц требуется полный шестилетний энергоресурс. Для выделения одной единицы препарата необходима переработка коры надпочечников более чем тысячи макак-резусов. Применение клон-мультипликаторов и поэтапный синтез...

Он говорил, показывал снимки, диаграммы, сыпал терминами, а я ждал, когда он заговорит о главном. Энергобаланс летит к черту — ну и черт с ним! Сто, двести, триста термоядерных блоков задействуем любой ценой, но чем платить за время?

— ...таким образом, — продолжал председатель, — при самой агрессивной стратегии монтажа станций насыщение препаратом возможно через семь-восемь лет. Если лимитировать все сервисные программы и законсервировать проект «Атлантида», то без особого ущерба можно синтезировать пятьсот единиц в первый год, затем столько же каждый месяц второго года и до двухсот единиц в день к концу четвертого года. Для полного излечения в зависимости от состояния больного требуется, по предварительным подсчетам, от ста до ста пятидесяти единиц. Здесь мнения членов комиссии разошлись...— Председатель сделал паузу и выключил экран.

— Принята рекомендация начать производство немедленно. Вариант, при котором синтез препарата предлагалось начать только при создании полной энергетической базы, отклонен. Относительно критериев распределения единогласия достичь не удалось. На рассмотрение Совета выносятся частные суждения, а не согласованные варианты.

Мне показалось, что кто-то сзади удовлетворенно хмыкнул. Председатель подошел к Рао и что-то сказал ему, положив на стол материалы комиссии.

— Пусть меня назовут последним дураком, если не созрел Большой криз,— прошептал я Апоюну.

— Да-а,— покачал головой Саркис,— проблема распределения... Не нужно быть последним дураком, чтоб видеть криз. Впрочем, что есть последний дурак? Почему не первый? Если быть логичным, последний дурак — это почти первый мудрец!

— Утешил! И все-таки один криз всегда тянет за собой другой. Как там у вас говорится о множественности несчастных случаев?

— Не у нас, а говорится так: «Беда не приходит одна».

«Да, именно так, — подумал я, — не приходит одна. Проблема цепляет проблему, а наши бедные мозги трещат, пытаюсь непротиво-

речиво решить их все сразу. И попробуй не реши, не учти все последствия. Незамеченная мелочь вдруг чудовищно вспухает, и идут от нее новые метастазы проблем и кризисов».

На табло вспыхнуло: «Эксперт Шерпак». С места поднялся коренастый угловатый мужчина с неопрятными волосами.

— Мне кажется, чифдом Эннеси не имел права принимать решение, касающееся всего человечества. Это нарушение прерогатив Совета. Что касается препарата, то на первом этапе производства необходимо установить критерии предпочтительности. Одним из критериев может быть социальная ценность человека — работоспособность, талант, интеллектуальный индекс. Это неприятно, но неизбежно. Лучше спасать немногих, чем никого.

Он сел. Вскочил чиф Маури.

— Позвольте! — чуть не закричал он. — Вы что же предлагаете; Давать жить «лучшим» за счет «худших»? Это же фашизм! Мало того что Эннеси и Апоян совершили непростительную оплошность, не уничтожив кассету, вы еще предлагаете усугубить кризис! Какая, к черту, социальная ценность?! Давать лекарство тем, кто в нем больше всего нуждается сейчас, сию минуту, кому сейчас хуже всех, а не делить людей на ценных, неценных! Так ведь можно договориться до того, чтобы припрятать запасец препарата на всякий случай, вдруг с членом Совета что случится!

Маури отыскал меня взглядом, покачал головой и сел. Табло пригласило выступить эксперта Штайнбринка. На противоположной стороне зала кто-то уронил папку, зашелестели бумаги. Поднялся высокий брюнет и негромко заговорил:

— К глубокому сожалению, эксперт Шерпак не одинок, его точку зрения разделяют некоторые члены комиссии. Я представляю иную позицию. Предлагается некоторое время — год, два вести накопление препарата с одновременным наращиванием энергомощностей. Затем распределение начать с тяжелобольных. В этом варианте острота проблемы будет смягчена. Что же касается предположения чифа Эннеси о возможности роста этического потенциала, то оно представляется некомпетентным.

В зале зашевелились. Обвинение в некомпетентности могло обидеть кого угодно. Только не меня. Пока это все эмоции. Когда Совет вынесет решение, тогда и поговорим.

Слово взял постоянный член Совета Павлюк.

— Отношу выступление эксперта Шерпака к опасному рецидиву старого мышления. Любой член общества должен быть уверен в том, что по сумме личных качеств он равен с остальными. Иначе общество превращается в стадо или в стаю. И еще. Тут сочли должным ругнуть Эннеси и Апояна. Об этом еще скажут много, но я считаю, что им должна быть вынесена благодарность за

доблестною ответственность. Не их вина, что все последствия не учтены...

— Вы их никогда не учтете!— крикнули с места.

Поднялась седовласая женщина.

— Лооз, делегат движения «Новый человек». Что вы тут говорите о последствиях?! Вы их не можете учесть, поскольку любая этическая дилемма неразрешима. Только формирование новой личности, новых этических отношений выведет нас из тупика личной ответственности. Сейчас каждый отвечает за себя. Тогда как принципы Дидаскала...

В зале поднялся шум. Работа Совета вступила во вторую фазу — началась неуправляемая дискуссия. Сталкивались и вышибали искры апробативные теории, ситуативная этика разбивалась об этику эволюционную, а самое интересное, после того как желающие выговорятся и выкричатся, родится формулировка или рекомендация, удивительно точная и продуманная, Коллективное мышление — великая вещь! Но как совместить его с личной ответственностью?

Как всегда спорили о Дидаскале. Спорили уже десять лет, и будут спорить долго. Человек, о котором известно только, что он назвал себя Дидаскалом, прибил к дверям Института Педагогики знаменитые принципы и облил себя горячей смесью. Самосожжение Дидаскала вызвало большой скандал и привело к отставке чифа Краузе. Михаэлерплац в Вене стал местом паломничества сторонников немедленно возникшего движения за новую систему воспитания...

Апоян дернул меня за рукав и показал глазами на проход. Я обернулся. В дверях стояла Корнелия и что-то говорила распорядителю. «Я сейчас»,— шепнул Саркис и пошел к ней. Что-то случилось!

Мне стало не по себе. При всей своей экстравагантности Корнелия не прорвалась бы на заседание Совета без особой причины. Она могла вызвать меня к экрану. Но если она вылетела сразу же за нами...

Моя рука оказалась в горячей ладони. Рядом сидела Корнелия, лицо ее было серьезно. Она выпустила мою руку, мотнула головой в сторону двери и пошла к выходу. До перерыва всего полчаса. Неужели так срочно?

Мы вышли на ярус. Корнелия пошла вперед, я следовал за ней. Она вошла в кабину связи. Диспетчера не было — она сама набрала код.

— Здравствуй, Эннеси,— наконец сказала она.

— И ты здравствуй, Корнелия!— ответил я.

— У нас неприятности. Не волнуйся, это не кризис,— поспешила добавить она, заметив мое движение к выходу.— Саркис уже вылетел, Матиас... А, вот он!

На экране появился Матиас, осунувшийся, с кругами под

глазами. Сегодня утром он разорвал свое прошение об отставке и извинился за срыв.

— Прошу полномочий на энергетический контроль.

— Что произошло, что там у вас?

— У меня,— он потер виски.— У меня ничего. А вот у вас не очень хорошо. Посмотрите...

Возникло изображение площади перед домом, где размещалась моя резиденция. Площадь была заполнена людьми, с соседних улиц подходили еще и еще. Они смотрели на окна верхних этажей, судя по всему молча. Толпа густела.

— У нас пожар?— спросил я Корнелию.

— Нет,— ответил за нее Матиас.— Они начали собираться с утра. Просто стоят и смотрят на ваши окна. Родственники больных. Мы пытались объяснить, что дело передано в Совет и по вечерней сводке новостей они все узнают, но они стоят, молчат и смотрят.

— Зачем вам энергоконтроль?

— В других местах они не стоят и не молчат.

На этот раз камера, судя по всему, находилась на борту платформы, изображение дергалось.

— Фармакологический центр в Эймери,— пояснил Матиас.

Сверху сооружения Центра казались нагромождением шаров и кубов, оплетенных серебристой паутиной. Центр опоясывала неровная шевелящаяся лента. Платформа пошла вниз, стали видны отдельные фигурки, «лента» оказалась скопищем людей. У некоторых в руках я разглядел плакаты со знакомым «Здоровье—сейчас!».

— Если они попадут на территорию комплекса, возможны несчастные случаи. Нужен контроль.

— Хорошо,— сказал я.— Свяжитесь с дежурным. Мой код плюс сто три.

Матиас отключился. Я повернулся к Корнелии. Лицо ее было спокойным, глаза опущены. Да, опущены! Никогда не видел ее такой.

— Странно, как они узнали все до сводки?

— Слухи распространяются быстрее сводок, Оливер, а еще быстрее — надежда.

Надежда... Если бы они знали, какая идет мучительная переборка вариантов из-за каждой единицы энергоресурсов! Ждать... Могут ли они ждать? Плюс сто три — энергетика. Вчера звонил Калчев... Неограниченные полномочия — личный код плюс код Совета плюс триста семнадцать... Я набрал код.

На ярусе мягко зашелестели двери, гул голосов ворвался в кабину. Перерыв.

Меня остановил чиф Баррето.

— Совет выслушает вас на вечернем заседании,— сказал он и подмигнул.— Держитесь, крик будет большой! Молодцы!

Я проводил его взглядом.

— О чем задумался, — дернула меня за рукав Корнелия, — молодец?

— Молодец,— согласился я.— И даже более того...

Я осекся.

— У нас есть пять часов,— сказал я Корнелии,— можем провести их вместе.

«И даже более того,— чуть не сорвалось у меня с языка.— Знала бы ты, хотел сказать я, что сделал сейчас «молодец». Воспользовался тем, что за общей суматохой мне оставили неограниченные полномочия, и разблокировал программу, вводя только минимальную систему приоритетов. И пока мы сейчас разговариваем, идет большая перестройка «Медглоуба», а потом будут задействованы промышленные системы, и где-то через сутки одна за другой отключатся десятки сервисных программ. Когда поймут, в чем дело, обратного хода не будет. Ничего, обойдемся несколько лет самым необходимым, без деликатесов не умрем, и звезды подождут. Я видел их глаза...»

Она крепко взяла меня за локоть.

— Давай махнем на Шварцхорн, там есть такое местечко! Заодно перекусим. Час туда, час обратно. А вечером получишь все, что тебе причитается! Я имею в виду, от Совета!

Корнелия улыбнулась. Я тоже.

— Ну что же, давай на Шварцхорн.

Праздник кончился вчера.

По полю шелестели гонимые ветром обрывки упаковок, бумажные стаканчики, разноцветные ленты... У глиняного осла копошилась детвора. Вырытые столбы лежали на земле, рядом уложены бухты канатов. Разбитые мишени белели на склонах.

Я сидел на камне у обрыва. Рядом, на моей куртке, сидела Корнелия и смотрела на сверкающую льдом вершину Шварцхорна. Мы сидели молча — все, что мог сейчас сказать, будет ложью, а что хочу сказать — пока не могу. Не сейчас...

Вечером Совет примет решение. Но до того я все расскажу. И возможно, в этот же вечер мы увидим, как один за другим гаснут огни промышленных комплексов, увеселительных каскадов и экспериментальных площадок. Так или иначе — дело сделано, и все, что обрушится на мою голову, заслуженно. Личная ответственность — да! Но где ей предел? Может, действительно необходима новая этика, иная система воспитания?.. Почти все ругали нас за ввод кассеты, отмечая, правда, что на нашем месте, возможно, поступили бы так же. Но ведь и фундаменталисты опол-

чилились на нее! А если разум и фанатизм приходят в чем-то к согласию, то не здесь ли слабое место разума?

Мне ни о чем не хотелось думать. Сделанное сделано! Надежда не умрет в глазах людей, пусть даже придется немного затянуть пояса.

Я сидел и смотрел. Рядом со мной — прекрасная женщина, и от нее исходит уютное тепло. Что еще человеку надо?

Дети подложили под глиняную скульптуру доски, палки, подтолкнули и, весело крича, покатали в нашу сторону. Вихрастый мальчишка вскочил на спину осла, радостно заорал и тут же спрыгнул. У края обрыва доски уперлись в камень, от криков зазвенело в ушах...

Дети ухватились за доски, раскатали — глиняный осел медленно перевалил вниз и закувыркался, разваливаясь на куски, дробясь, рассыпаясь...

Лев Кокин

Ретропарк

Должно быть, здесь изменяюсь с тех пор, как она приезжала с экскурсиями по школьной программе, впрочем, может быть, класс подвозили просто не к этому входу.

Тут при входе встречало табло для выбора места и времени («Нажмите кнопку, коснитесь клавиши»).

«Давай-ка махнем подальше!» — предложил тогда он, она согласно кивнула, и в капсуле на двоих они скакнули туда, куда захотели, в надежде услышать стук мотыг, который, судя по информации, полученной ими, должен был возвещать о закладке фундамента цивилизации.

Однако звуки, окружившие их тем знойным вечером, оказались значительно разнообразнее. Мерно чавкала глина под ступнями босоногих старух, месивших ее в затяжном ритмическом танце. Скрипели зерна, растираемые в муку между плоскими жерновами в руках у других женщин. Тюкали каменные тесла по чуркам. Потрескивал и чуть подвывал по-шакальи огонь в очаге посреди прохладного глинобитного дома под плоской крышей, змеино шипел в воде раскаленный голыш и булькала, закипая, вода в керамической чаше.

Из закрома она принесла ячменя в корзинке; зачерпнув, рассыпала горсть-другую поровнее по горячей золе перед очагом, затем растерла обжаренные зерна и засыпала в кипящую воду. К тому времени, когда в сумерки он вернулся со двора, наострив кремневые клинки для серпов, дух уваристой каши витал над очагом, дразнил ноздри. С аппетитом поужинали вдвоем, и, не дав ей убрать посуду, он нетерпеливо раскатал по полу кошму из козлиной шерсти, чтобы

на ней возжелать друг друга, и любить, и любить, совершенно не помышляя о том, что на рассвете всем поселением в поле...

Мужчины, двигаясь цепью и короткими взмахами серпов перерубая стебли, оставляли за собою ровные валки колосьев, женщины складывали их в плетеные корзины и относили в поселок, где на выровненной площадке лихо вымолачивали зерно палками, привязанными к ремням. С непривычки ломило спину; руки, ноги гудели, мечта-лось только бы поскорее добраться до дому, вытянуться на кошме; но назавтра опять вышли в поле и на третий день тоже. На четвер-тый он ушел с мужчинами на охоту, а она, отмахавши день на току, ждала его вечером у очага, не чая уже, когда кончится назначен-ный срок. Но к полуночи он вернулся с тушей джейрана и сбросил добычу с плеч прямо к ее ногам, так что женщину охватила гордость за своего мужчину, и благодарно и неумело до самого утра она помогала ему разделять тушу. А на рассвете нажарили нежного мяса и, доотвала наевшись, пали замертво на разостланную кошму.

Проснулись почти одновременно оба, оттого что луна, такая зна-комая по обычной жизни, круглым глазом таращилась сквозь входной проем. Когда бы эта их обычная жизнь, по условию, не была здесь запретною темой, он, наверное, похвастался бы, что не напрасно увлекался в юности спортивной стрельбой, а она бы, скорее всего, посетовала на то, что все их хваленые тренажеры не более чем игра и забава по сравнению с настоящей работой; но поскольку говорить об обычной жизни не полагалось и поскольку опять была ночь, мужчина и женщина на кошме обнялись и, вместо того чтобы возлю-бить друг друга, мгновенно опять провалились в сон, только теперь уже не в пустоту, как до этого, а в свою обычную жизнь, ту самую, из которой сюда махнули. На сновидения запреты не распространялись.

Не хуже людей обитали вдвоем во вполне обыкновенной ячейке, связанной незримыми информативными нитями с тысячами таких же других, где каждый получал по потребности, только стоило захо-теть. Разнообразнейшие знания, зрелища, впечатления — пожалуйста, оказывались ко всеобщим услугам, не говоря уже о хлебе насущном. Нажатием кнопки, прикосновением к клавише, набором кода, а то и просто наведением биотоков любые желания исполнялись, как в древней сказке о золотой рыбке. Взамен требовалось всего лишь одно: когда в голову придет что-то новое, немедленно куда следует сообщить. Но вот однажды он предложил ей махнуть поразительно. Казалось бы, нажми кнопку, прикоснись к клавише, чего проще... ан нет, его, видите ли, осенило махнуть! Она бы должна была удивиться необычному. Махнуть? Но куда?!

«Давай-ка, милая, махнем в ретропарк!»

Ей помнилось, их усаживали по четверо в прозрачные капсулы и забрасывали в нужную по учебной программе эпоху. Точно так же с ними поступали и в зоопарке, возможно, как раз по этой причине

им эти экскурсии представлялись прямым продолжением тех, с той лишь разницей, что там полагалось знакомиться с наглядными пособиями по зоологии, тогда как здесь — по истории. Одно как бы продолжало собою другое, западала в память непрерывность эволюционной цепочки — от амебы до современного человека. И в соответствии с этим за прозрачными стенками капсулы, покидать которую, понятно, не рекомендовалось ни там, ни там, — здесь резвились, в зависимости от темы, не крокодилы, слоны или обезьяны, вызывавшие у публики в капсуле то приступы сладкого ужаса, то уморительный смех, а пещерные люди, или степные, или рабы и патриции, или крестоносцы, или конкистадоры, ну а сомнений в подлинности пособий не возникало — ни там, ни там, между тем как было прекрасно известно, что перемещения во времени технически не осуществимы. Со зверями все было ясно, они живые, а вот люди... Ни у кого в классе тем не менее не возникло тогда вопроса, возможно ли, что это киберы, муляжи; а когда бы и так, чему было удивляться. Удивляться, естественно, было нечему, тем более что вообще у нынешнего поколения эта способность атрофировалась почти совсем.

И только вот тут, в первобытном от усталости и от сытости сне увидав обычную свою жизнь, они, не сговариваясь, удивились ей оба, и он, и она, насколько же необыкновенна их обычная жизнь и насколько необыкновенно прекрасна.

...Им потом не раз вспоминался бесшабашный скачок в первобытность. То, покаясь на своих сконструированных по последнему слову физиотехники ложах, ощутят вдруг шершавый поскреб свалянной из козлиной шерсти кошмы, неистребимый ее устоявшийся запах и, не имея возможности воссоздать все в натуре, примутся за эксперименты с обонятельной гаммой, составляя композицию хотя бы с отдаленно похожими свойствами. То обрядятся в набедренные повязки, изготовленные по первобытным моделям, а то запросят себя на экран видеоленту о козлах и джейранах или прямо включают зоопарк с его обитателями редкостных видов, еще существующими под строгим присмотром... В первобытной жизни была своя прелесть, в особенности если знать, что погружаешься в нее краткосрочно. А обыденность, как была ни прекрасна, постепенно, естественно, приедалась — вероятно, и потому, что стоило лишь чего-нибудь захотеть, как желание стремительно осуществлялось. Так что, бедные, мучились, выдумывая и не зная, чего бы еще пожелать; воображение иссякало.

И настал тот день, когда он ей снова сказал:

— А не махнуть ли нам, милая, в ретропарк?!

И они опять, как тогда, очутились перед знакомым табло («Для выбора места и времени нажмите кнопку, коснитесь клавиши, переключите регистр»).

Только на сей раз она опередила его:

— Давай-ка, милый, махнем поближе!

Он согласно кивнул, и капсула взмыла. И окружающий мир тотчас наполнился пронзительным звоном, нестерпимым, проникающим, казалось, сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости куда-то в самую глубину, где на него, резонируя, отзывались, быть может, клеточные мембраны, каждая из миллиардов. Не разлепляя век, она выпростала руку из-под одеяла и ладонью стукнула по надрывающемуся будильнику, словно кляп вогнала в звенящую глотку. И в блаженной тишине расслабилась было. Но тут же стряхнула с себя предательскую эту слабость, скинула ноги на пол, нащупала босыми пальцами тапки. Чуть покачиваясь, посидела еще с минутку в позе мыслителя, собралась с духом, распрямилась, разжала веки. Еще было темно. Стараясь ничего не задеть, сомнамбулой прошлепала в кухню, щелкнула выключателем, зажмурилась, чиркнула спичкой, из-под крана плеснула воды в чайник. Потом плеснула себе в лицо. Вдохнула: опять понедельник. Торопливо навела макияж и отправилась тормошить ребенка. По понедельникам отволакивать его в сад, из-за чего и заводишь звонок на час раньше. Глотнув чаю, нацарапав напоследок записку-плакат мужу, состоящую из единственного слова **к а р т о ш к а** с восклицательным знаком, втокнула укутанное чучело в лифт, вот сомнамбула так сомнамбула, не проснется до самого сада, тогда как сама уже в автобусе должна бойко работать бедрами и локтями, протискиваясь сначала, чтобы войти, потом, чтобы выйти... Но вот, освобожденная до пятницы от материнских забот, налегке вбежала в метро, однако же до своей двери не успела. Из-за этого не удалось по лицам определить, в свой ли поезд попала, то ли двумя минутами раньше, или, может быть, позже. Перебежала на следующей по перрону и облегченно перевела дух: свои! Значит, можно извлечь из кошелки журнал и, как цапля, стоя с поджатой ногой, окунуться, как в тинистый пруд, в деревенскую жизнь, а на нужной остановке ее, по обыкновению, вынесут из вагона.

Деревенскою жизнью, или, точнее, жизнью на природе, бредили одиннадцать месяцев в году. По воскресеньям семьями или компаниями бродили по пригородным перелескам, обсуждали отпускные планы, намечали маршруты. Последнее слово оставалось за мужчинами. Женщины брали реванш на этапе выработки меню... Наконец в назначенный срок, навьюченные, как верблюды, группой высаживались где-нибудь в глухомани, хоть на месяц отключиться от цивилизации, настигавшей, впрочем, и среди первозданной природы. Уже и самые отпетые руссоисты не умели обойтись без консервов, без туристского снаряжения, без транзисторов-фотоаппаратов. Однако еще была глухомань, существовала на этой Земле в естественном виде, и, напитанные ее соком, через месяц возвращались к себе в города, к своему искусственному бытию, чтобы после этого оно почти год высасывало, выжимало из них животворный сок, заставляя до глубокой осени вспо-

минать о прошедшем, а зимой и весной готовиться к следующему сезону, замыкая, таким образом, годичный цикл: вот махнем на природу!.. Однако же возвращались исправно, ни один руссоист не поселился в глуши!.. — как никто не остается навсегда в ретропарке.

Шеф любил лишний раз напомнить сотрудникам, что проектирование будущего жилища равнозначно, в сущности, проектированию будущей жизни. Собственно говоря, ее дело было чертить, передвигать линейку по ватманскому листу, по углам приколотому кнопками к чертежной доске, проводить линии карандашом по линейке. Никакой автоматике, допотопно, вручную. Эта линия — перегородка, эта — дверной проем, а вон та — та оконный. Намечали все шеф и мужчины, ее, женское, дело было аккуратно их наметки исполнить. Если верить в правоту шефа, то будущая жизнь, как и будущее жилье, отличалась от нынешней разве меньшей теснотой, или, точнее, большим удобством, но она-то знала, как ошибается шеф, и, когда бы эта тема не была, по условию, табу, она, конечно бы, расчихвостила его в пух и прах, а так ей было не больше всех надо. Ее обязанность выполнять задание в срок, в голове при этом держи хоть задачу о трех точках: как успеть в обед в соседний универсам и на обратном пути еще в универмаг заскочить.

Из-за непредвиденного собрания за картошкой он, к сожалению, до закрытия не успел. Хорошо были макароны в запасе, засыпала в воду, помешала суп, провернула говядину на котлеты, и к стиральной машине переключать на отжим. Это, ясное дело, не примус и не корыто, о которых многие еще не успели забыть, однако за всем, не прозевай, присмотри, неровен час, убежит что-нибудь, пригорит или выкипит, это тебе не обычная жизнь с многопрограммным на любой вкус обслуживанием... стоп, табу!.. пока суп кипит, шипят на сковородке котлеты, варятся макароны и полощется в машине белье, умудрись еще в комнате пропылесосить и по пути одним глазком глянуть в завлекательный ящик, перед коим на заслуженный отдых устроился в кресле усталый после работы он... десять дел параллельно, иначе ни шиша не успеть, из-за этого вечная гонка, взнузданность, дефицит времени, стресс, выматывающий куда беспощаднее любой физической перегрузки, где ты, о, неспешная первобытность, на худой конец, простая деревенская жизнь, не говоря уже о прекрасной обычной... молчок!

Стоит выглянуть на балкон, глотнуть воздуха посвежее и увидеть вокруг многоэтажные стены в переливах огней, и представить себе, как в бесчисленных этих человеческих сотах, разгороженных наглухо, буквально в каждой ячейке точно так же мечется по дому женщина от плиты к уюту, и невольно задумаешься над разумностью такого устройства... контрабандная мысль: может, высмеянные и развенчанные левачи-утописты с их проектами коллективных жилищ, этих домов-коммун комбинатов гигиены и сна, с их наивными громогласными лозун-

гами нового, по науке, быта с обобществленным домашним хозяйством, а что если они были ближе к будущему, нежели их самонадеянные потомки?!... молчок, молчок... но когда наконец возвратятся в обычную прекрасную жизнь, она готова поклясться, что тут же запросит подробную информацию о воззрениях этих забытых чудаков... и судьбе.

А пока, покончив с опостылевшей маятой, с этой третьей половиной рабочего дня, она выползла на балкон отдышаться; окружающие стены уже тонули во мраке; только кое-где, обозначая их, таким буйком-поплавком колыхался непогашенный огонек.

Оторвавшись от ящика, он следом за ней тоже вышел на воздух. Опустил по-хозяйски тяжелую ладонь на плечо. Она сбросила его руку с натруженного плеча, ночное равенство вступало в свои права. Он смолчал и указал пальцем куда-то в звездную даль, в тот упорядоченный круг недвижных светил, нарушая который, перечеркивая, на глазах перемещалась голубоватая звездочка: глянь-ка, спутник! Спутник? Да, действительно, спутник, освобождаясь из-под давления быта, сказала себе она, спутник или, может быть, капсула со школьной экскурсией, беззаботно взирающей со своего висока на исторические экспонаты, не задумываясь ничуть, всамделишные они или, может быть, киберы, муляжи, в совершенстве подделанные под людей. На собственном опыте помнила: нипочем их оттуда не отличить.

■ ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Роберт Шекли

Не бабахает!

Что это? Хрустнул сучок? Диксон обернулся, и ему почудилось, будто какая-то темная тень растаяла в подлеске. Он мгновенно похолодел и напряг зрение, вглядываясь в чащу зеленых стволов. Там была полнейшая, выжидательная тишина. Высоко над головой в восходящем потоке парил стервятник, обозревая выжженный солнцем пейзаж. Птица ждала, птица надеялась...

Из подлеска до Диксона донеслось тихое нетерпеливое покашливание.

Теперь он знал наверняка, что его преследуют. Раньше это было только предположение. Но оказалось, что смутные, почти призрачные тени принадлежали реальности. Они не трогали Диксона, пока он шел к сигнальной станции, только наблюдали, только взвешивали возможности. Теперь они приготовились что-то предпринять.

Диксон вытащил Оружие из кобуры, проверил предохранители, снова засунул его в кобуру и двинулся дальше.

Он опять услышал покашливание. Кто-то упорно шел по его следу, возможно, выжидая, когда он покинет кустарник и войдет в лес. Диксон усмехнулся.

Ничто не могло причинить ему вред. У него было Оружие.

Не будь Оружия, он ни за что не рискнул бы столь далеко уйти от корабля. Да и кому пришло бы в голову вот так запросто разгуливать по чужой планете? Только Диксон мог себе это позволить. На бедре он ощущал приятную тяжесть Оружия, которое означало конец всякому оружию вообще и было полнейшей гарантией защиты от всего, что бегало, ползало, летало или плавало.

Это было последнее слово огнестрельной техники и окончательное слово в производстве личного оружия.

Это было Оружие.

Он снова обернулся. Позади — менее чем в пятидесяти ярдах от него — обнаружили три зверя.

На расстоянии они напоминали собак или гиен. Они покашливали и медленно двигались вперед.

Диксон дотронулся до Оружия, но не решился сразу пустить его в дело. Впереди еще уйма времени, пока звери приблизятся.

Альфред Диксон был небольшого роста, с очень широкой грудной клеткой и развитыми плечами. Волосы были светло-пегие, и он носил

светлые усы, кончики которых закручивал кверху. Эти усы придавали его загорелому лицу откровенно свирепое выражение.

Его естественной средой на Земле были бары и таверны. Всегда одетый в полевую пятнистую форму цвета хаки, он мог заказывать напитки громким воинственным голосом и сверлить собутельников взглядом узких глазок, отливавших синевой оружейной стали. Он любил объяснять пьянчужкам — говоря с ними несколько высокомерным тоном — разницу между иглометом Сайкса и кольцом калибра три целых, между марсианским рогатым проказушником и венерианской подонкой, и что делать, когда в густом кустарнике вас атакует раннарейский роготанк, и как отразить нападение крылатых сверкунов.

Некоторые считали Диксона трепачом, но они были достаточно благоразумны, чтобы не произносить этого слова вслух. Иные держали его за порядочного человека, хотя и с непомерным самомнением. «Он просто чересчур самонадеян, — говорили они. — Смерть или увечье исправят этот недостаток».

Диксон исповедовал безграничную веру в личное оружие. По его представлениям, завоевание Американского Запада было всего-навсего соперничеством между луком со стрелами и кольцом сорок четвертого калибра. Завоевание Африки? Копье против винтовки. Марса? Кольцо калибра три целых против вертоножа. Водородные бомбы стирали в порошок города, но потом именно одиночки, вооруженные личным огнестрельным оружием, завоевывали территорию. Надо ли тратить время на поиски туманных доводов экономического, философского или политического характера, когда все настолько просто?

И разумеется, Диксон испытывал бесконечное доверие к Оружию.

Оглянувшись назад, он увидел, что к трем первым собакоподобным тварям присоединилось еще с полдесятка. Они шли теперь в открытую, вывалив языки. Дистанция медленно сокращалась.

Диксон решил еще немного повременить со стрельбой. Тем сокрушительнее будет эффект.

В свое время он перепробовал много разных занятий: был геологоразведчиком, охотником, золотоискателем, старателем на астероидах. Удача то и дело ускользала от него. Другие постоянно умудрялись то обнаружить затерянный город, то подстрелить редкого зверя, то наткнуться на рудоносный ручей. Диксон весело принимал удары судьбы. «Черт, сплошные неудачи! — думал он. — Но что тут поделаешь?» Теперь он служил радиотехником — проверял автоматические сигнальные станции, разбросанные на добром десятке необитаемых миров.

Но что гораздо важнее — он первым испытывал в полевых условиях новейшее огнестрельное оружие. Изобретатели этой системы надеялись, что их Оружие пойдет в серию.

Диксон тоже надеялся на серию — на серию удач.

Он добрался до опушки тропического леса. Его корабль стоял

всего в двух милях впереди — на небольшой прогалине. Едва ступив под мрачный полог леса, Диксон тут же услышал возбужденный писк древесных обитателей. Окрашенные в оранжевые и синие цвета, они пристально наблюдали за ним с верхушек деревьев.

«Нет, в этих краях явно есть что-то африканское», — решил Диксон. Он надеялся повстречать какую-нибудь крупную дичь и добыть приличные трофеи — голову, а то и две. Бегущие за ним следом дикие собаки приблизились уже на двадцать ярдов. Коричнево-серые по окраске, размером с терьеров, челюсти — точь-в-точь как у гиен. Несколько собак отбежали в подлесок и припустили со всех ног, стремясь отсечь ему путь впереди.

Настало время продемонстрировать Оружие.

Диксон извлек его из кобуры. Оружие было выполнено в форме пистолета и весило немало. К тому же, у него была отвратительная балансировка. Конструкторы обещали в следующих моделях уменьшить вес и сместить центр тяжести. Но Диксону Оружие нравилось и в этом виде. Он полюбовался им несколько секунд, затем, щелкнув, снял с предохранителей и перевел рычажок на стрельбу одиночными выстрелами.

Стая, кашляя и рыча, скачками бросилась к нему. Диксон небрежно прицелился и выстрелил

Оружие тихо гуднуло. Стометровый кусок леса попросту исчез.

Диксон пустил в ход первый в мире дезинтегратор.

Луч вылетал из дульного отверстия диаметром менее дюйма, а в максимуме диаметр рассеивания составлял двенадцать футов. В лесу обрисовался конус, который вершиной примыкал к телу Диксона на уровне талии и простирался в длину на сто ярдов. Внутри конуса не осталось ровным счетом ничего. Деревья, насекомые, растения, кустарники, дикие собаки, бабочки... все исчезло. Свисавшие сверху ветви, которые попали в зону поражения, выглядели так, словно их срезало гигантской бритвой.

Диксон прикинул, что луч накрыл по меньшей мере семь диких собак. Семь зверюг — одним полусекундным импульсом! Никаких проблем с упреждением или с траекторными ошибками, что присущи пулевому оружию. Нет нужды в перезарядке, ибо ресурс мощности Оружия рассчитан на восемнадцать часов непрерывного действия.

Идеальное оружие!

Диксон повернулся и пошел вперед, засовывая тяжелый «пистолет» в кобуру.

В чаще воцарилось молчание. Лесные жители обдумывали приобретенный опыт. Через несколько мгновений они уже оправились от изумления. Синие и оранжевые древесники заскакали по кронам, раскачиваясь на ветвях. Высоко над головой медленно парил стервятник, к нему спешили присоединиться другие чернокрылые птицы, появившиеся точками далеко-далеко в небе. А в подлеске кашляли дикие собаки.

Они еще не сдались. Диксон слышал издаваемые ими звуки, доносившиеся из густой листвы справа и слева от него. Собаки быстро перебегали с места на место, оставаясь вне его поля зрения.

Диксон вытащил Оружие, недоумевая; неужели они осмелятся на новую попытку? Собаки осмелились.

Пятнистая серая псина вылетела из кустарника прямехонько за его спиной. Коротко прогудело Оружие. Собака исчезла, не закончив прыжка, и деревья легонько вздрогнули — это воздух схлопнулся там, где только что внезапно возник вакуум.

На Диксона накинута еще одна собака, он, слегка нахмутив брови, дезинтегрировал и ее. Этих зверюг не назовешь безмозглыми. Почему же они не могли усвоить очевидное — тот простой факт, что против него и его Оружия устоять невозможно? Живые существа по всей Галактике сразу усваивали урок: вооруженного человека следует бояться. Почему же эти собаки оказались столь невосприимчивыми?

Три собаки без предупреждения одновременно прыгнули с разных сторон. Диксон перебросил рычажок на автоматический огонь и скошил зверюг плавным жестом умелого косаря. Пыль взметнулась и вспыхнула искрами, заполняя вакуум.

Диксон внимательно прислушался. Казалось, весь лес наполнился негромкими кашляющими звуками. Новые стаи спешили принять участие в гоне.

Почему они ничему не научились?

И вдруг ответ словно обрушился на него. «Они не научились, — подумал он, — потому что урок был слишком беспредметным!»

Оружие... Оно дезинтегрировало бесшумно, быстро, чисто. Большинство собак, которых он поразил, попросту исчезли. Не было ни лая, захлебывающегося в агонии, ни рычания, никто не выл, не ревел, не визжал...

Но главное, не было оглушительного грома, который перепугал бы зверье. Не было пороховой вони, не было резких щелчков, производимых затвором, когда патрон досылается в казенную часть...

«Наверное, эти собаки не очень-то смысленные, — подумал Диксон, — не понимают, что у меня в руках орудие убийства. Наверное, они не сообразили, что происходит. Наверное, они считают, что я беззащитен».

Он еще быстрее пошел по сумрачному лесу. «Мне нечего опасаться, — напоминал он себе. — Пусть до зверей не доходит, что Оружие убивает, но ведь от этого его свойства не меняются». Конечно, вернувшись, он будет настаивать, чтобы в новых моделях предусмотрели какую-нибудь шумовую приставку. Это не составит проблемы. А с шумовиком будет все же спокойнее.

Древесные твари набрались наглости и теперь, обнажив клыки, раскачивались на ветвях над самой его головой. «Пожалуй, они все-таки

плотоядные», — решил Диксон. Переключив Оружие на автоматический огонь, он принялся полосовать верхушки деревьев, выхватывая в кронах огромные брешы.

Древесники пустились наутек, пронзительно визжа. Сверху дождем посыпались листья и срезанные ветки. Дикое собаки, перепугавшись, на время стихли, отбежав в заросли, подальше от падающих обломков.

Диксон усмехнулся... и тут же растянулся на земле, сбитый с ног мощным ударом. Здоровенный сук, срезанный с дерева, падая, пробил листву и угодил в левое плечо, выбив из рук Оружие.

Оно упало недалеко — футах в десяти — и по-прежнему вело автоматический огонь, слепо изничтожая кустарник всего в нескольких ярдах от Диксона.

Он выкарабкался из-под сука и метнулся к Оружию. Но один из древесников опередил его.

Диксон бросился ничком на землю. Древесник, победно вопя, закрутился с дезинтегратором в лапах. Гигантские деревья, перерезанные лучом, с треском рухнули, круша подлесок. Воздух потемнел от сыплющихся сучков и листьев, землю избороздили глубокие траншеи. Взмах дезинтегратора — и луч, резанув по дереву рядом с Диксоном, врубился в землю в нескольких дюймах от его ног. Он отпрыгнул, но следующим лучом ему едва не снесло голову.

Диксон впал в отчаяние. Но тут древесника взяло любопытство. Весело щебеча, он развернул Оружие и попытался заглянуть в дуло. Голова животного исчезла без единого звука.

Диксон не собирался упускать последний шанс. Он ринулся вперед, перепрыгнул через траншею и схватил Оружие, прежде чем другой древесник успел подскочить к игрушке. Диксон быстро перевел предохранитель, отключив автоматическую стрельбу.

Тут же вернулись несколько собак. Они пристально смотрели на него.

Диксон пока не осмеливался открывать огонь. Его руки тряслись так сильно, что для себя он представлял сейчас куда большую опасность, чем для собак. Он повернулся и заковылял к кораблю.

Собаки двинулись следом.

Диксон быстро взял себя в руки. Он оценивающе посмотрел на блестящее Оружие, зажатое в кулаке. Теперь он испытывал к нему еще большее уважение и еще больший страх. Гораздо больший страх, чем испытывали к нему собаки. Они явно не связывали ущерб, нанесенный лесу, с дезинтегратором. Должно быть, им просто показалось, что по деревьям внезапно пронесся сильный ураган.

Но ураган стих. Снова наступило время охоты.

Диксон проламывался сквозь густой кустарник, прокладывая дорогу выстрелами. Собаки держались по обе стороны от него, не отставая ни на шаг. Он беспрестанно палил в листву, время от времени прихватывая и саку. Их уже было несколько десятков, и они усилили натиск.

«Черт побери! — подумал Диксон. — Неужели они не подсчитывают потери?»

Но ему тут же пришло в голову, что собаки просто-напросто не знали, что такое счет.

Он пробивался вперед изо всех сил, до корабля оставалось совсем немного. Путь ему преградило тяжелое бревно. Он переступил через него.

Внезапно бревно ожило и рассерженно распахнуло чудовищные челюсти прямо у его ног.

Диксон выстрелил вслепую. Направив дуло вниз, он давил на спусковой крючок целых три секунды и чудом не задел собственных ног. Тварь исчезла. Диксон судорожно глотнул, качнулся и... съехал ногами вперед в яму, которую только что проделал лучом.

Он шмякнулся на дно, вывихнув левую лодыжку. Собаки, рыча и лязгая зубами, взяли его в кольцо.

«Спокойно», — сказал себе Диксон. Двумя выстрелами он очистил края ямы от зверей и попробовал выбраться.

Стенки ямы были слишком круты, к тому же от выстрелов они оплавились, земля превратилась в стекло.

Обезумев, Диксон снова и снова бросался на стену, безрассудно тратя силы. Наконец он остановился и заставил себя задуматься. Раз Оружие привело его в эту яму, значит, Оружие и должно помочь ему выбраться наружу. Он вырезал в почве пологий скат и, мучительно хромая, поднялся на поверхность.

Ступать на левую ногу можно было лишь с великим трудом. Но еще хуже дело обстояло с плечом, которое болело непереносимо. «Должно быть, тот самый сук перебил кость», — подумал Диксон. Опираясь на подобранную по пути палку, как на костыль, он медленно заковылял дальше.

Несколько раз набрасывались собаки. Он дезинтегрировал их, и Оружие с каждым выстрелом тяжелело в правой руке. Спустились стервятники и занялись аккуратно располосованными трупами. Диксон вдруг ощутил, что на периферии взгляда сгущается мрак. Усилием воли он отогнал его. Кругом собаки, сейчас никак нельзя терять сознание.

Корабль был уже виден. Диксон неловко побежал к нему и тут же упал. Несколько собак сразу оказались сверху.

Он выстрелил, раздробив их на части, и почти до самого пальца отхватил полдюйма от своего правого ботинка. Он с трудом встал на ноги и двинулся вперед.

«Ну и Оружие! — думал Диксон. — Укокошит кого угодно, даже владельца. Эх, попался бы мне сейчас изобретатель! Это же надо — придумать Оружие, которое не бабахает!»

Диксон добрался до корабля. Пока он возился со шлюзом, собаки окружили его тесным кольцом. Диксон дезинтегрировал ближайших

двух зверюг и ввалился внутрь. Мрак снова сгущался на окраине зрения, к горлу подступал тугой комок тошноты.

Из последних сил он захлопнул люк шлюза и осел на пол. Все! В безопасности!

Вдруг Диксон услышал тихое покашливание.

Он заперся вместе с одной из собак!

Его рука слишком ослабла, чтобы поднять Оружие, но все же с неимоверным трудом он вскинул дезинтегратор. Собака, едва видимая в тусклом свете корабля, прыгнула.

Диксон обмер от ужаса, подумав, что не сможет нажать на спусковой крючок. Собака подбиралась к его горлу. Чисто рефлекторно он стиснул пальцы.

Собака коротко тьякнула, и все стихло.

Диксон потерял сознание.

Придя в себя, он долго лежал с закрытыми глазами, смакуя восхитительное ощущение: жив! Сейчас он отдохнет несколько минут, а потом будет выбираться отсюда. Подальше от чужих планет — на Землю, в какой-нибудь бар. Сначала напьется до чертиков. А затем найдет того самого изобретателя и забьет Оружие ему в глотку, рукояткой набок!

Только маньяк со склонностью к самоубийству способен изобрести Оружие, которое не бабахает!

Но это потом. А сейчас очень приятно просто лежать, ощущать себя живым, греться на солнышке и радоваться тому, как...

Солнышко? В космическом корабле?!

Он сел. У его ног лежали хвост и передняя лапа собаки. А чуть дальше борт вспарывала любопытнейшая зигзагообразная дыра шириной около трех дюймов и длиной фута четыре. Сквозь нее в корабль и проникал солнечный свет.

Снаружи на задних лапах стояли четыре собаки и вглядывались внутрь.

«Ага, — сообразил Диксон, — расправляясь с последней собакой, я продырявил свой собственный корабль».

Тут он заметил, что обшивка взрезана еще в нескольких местах. Эти дыры откуда взялись?

Ах, да, он же прорывался к кораблю с боем. Последние сто ярдов... Несколько выстрелов вполне могли задеть корабль.

Диксон поднялся, изучающе разглядывая дыры. «Чистая работа, — подумал он со спокойствием, которое часто предшествует истерии. — Да, сэр, в самом деле очень чистая работа».

Вот здесь перерезаны кабели управления. Там когда-то был радиопередатчик. А вот там он умудрился одним выстрелом взрезать и кислородный и водяной баки — отличное попадание, как ни верти. О-о, здесь... да, его-таки угораздило. Очень умный удар. Боковым слева он полоснул по топливопроводам. В полном соответствии с законами тяго-

тения горячее подчистую вытекло, образовав небольшой пруд вокруг корабля, а затем просочилось в почву.

«Неплохо для парня, который даже не очень-то и прицеливался, — ошалело подумал Диксон. — Даже с автогенном я бы так не наработал».

В сущности, с автогенном у него ничего бы и не получилось. Корпуса космических кораблей делались очень прочными. Но не настолько прочными, чтобы с ними не справилось доброе старое... славное старое... надежное... верное... не знающее промаха... Оружие!..

Год спустя, когда вестей от Диксона так и не поступило, на планету выслали корабль. Команда должна была с почестями предать тело Диксона земле, конечно, если осталось что для погребения, и доставить на Землю прототип дезинтегратора, если, конечно, таковой найдут.

Эвакуационный корабль произвел посадку рядом с кораблем Диксона, и экипаж с интересом обследовал исполосованный, выпотрошенный корпус.

— Некоторые парни понятия не имеют, как обращаться с оружием, — сказал инженер.

— Да уж, — сказал первый пилот.

Со стороны тропического леса до них донесся какой-то стук. Они второпях бросились туда и обнаружили, что Диксон вовсе не мертв. Он был очень даже живой и трудился, распевая песни.

Легко предвидеть, что кто-то из экипажа прибывшего корабля воскликнул:

— Живой!

— Верно, черт побери, — согласился Диксон. — Какое-то время моя жизнь и впрямь висела на волоске, пока я не обнес дом частоколом. Все же эти собаки — гнусные твари. Но я научил их свободу любить!

Он усмехнулся и дотронулся до лука, прислоненного рядышком к частоколу. Лук был вырезан из куска умело высушенной упругой древесины, здесь же лежал и колчан, битком набитый стрелами.

— Они научились уважать меня, — сказал Диксон, — лишь когда увидели собственными глазами, как их корешки вдруг начинают крутиться волчком со стрелой в брюхе.

— Но ведь Оружие... — начал первый пилот.

— А, Оружие! — воскликнул Диксон, в его глазах появился веселый безумный блеск. — Без него я бы не выжил!

И он возобновил работу. Он вгонял в почву кол, сделанный из ствола молодого дерева, колотя по нему тяжелой плоской рукояткой Оружия.

Перевел с английского В. БАБЕНКО

Плацдарм

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки, этот четкий, отлаженный механизм, созданный и снаряженный для одной лишь цели — занять на чужой планете плацдарм, уничтожив вокруг корабля все живое, и основать базу, где было бы достаточно места для выполнения задачи. А если придется, удерживать и защищать плацдарм от кого бы то ни было до самого отлета.

Как только на планете появляется база, приступают к работе ученые. Исследуется все до мельчайших подробностей. Они делают записи на пленку и в полевые блокноты, снимают и измеряют, картографируют и систематизируют до тех пор, пока не получается стройная система фактов и выводов для галактических архивов.

Если встречается жизнь, что в галактике не редкость, ее исследуют так же тщательно, особенно реакцию на людей. Иногда реакция бывает яростной и враждебной, иногда почти незаметной, но не менее опасной. Однако легионеры и роботы всегда готовы к любой сложной ситуации, и нет для них неразрешимых задач.

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки.

Том Деккер сидел в пустой рубке и вертел в руках высокий стакан с кубиками льда, наблюдая, как из трюмов корабля выгружается первая партия роботов. Они вытянули за собой конвейерную ленту, вбили в землю опоры и приладили к ним транспортер.

Дверь за его спиной открылась с легким щелчком, и Деккер обернулся.

— Разрешите войти, сэр? — спросил Дуг Джексон.

— Да, конечно.

Джексон подошел к большому изогнутому иллюминатору.

— Что же нас тут ожидает? — произнес он.

— Еще одно обычное задание, — пожал плечами Деккер. — Шесть недель. Или шесть месяцев. Все зависит от того, что мы обнаружим.

— Похоже, здесь будет посложнее, — сказал Джексон, усаживаясь рядом с ним. — На планетах с джунглями всегда трудно.

— Это работа. Просто еще одна работа. Еще один отчет. Потом сюда пришлют либо эксплуатационную группу, либо переселенцев.

— Или, — возразил Джексон, — поставят отчет на пыльную полку архива и забудут.

— Это уже их дело. Наше дело — его подготовить. Что с ним будет дальше, нас не касается.

За иллюминатором первые шесть роботов сняли крышку с контейнера и распаковали седьмого. Затем, разложив рядом инструменты, собрали его, не тратя ни одного лишнего движения, вставили в металлический череп мозговой блок, включили и захлопнули дверцу на груди. Седьмой встал неуверенно, постоял несколько секунд и, сориентировавшись, бросился к транспортеру помогать выгружать контейнер с восьмым.

Деккер задумчиво отхлебнул из своего стакана. Джексон зажег сигарету.

— Когда-нибудь, — сказал он, затягиваясь, — мы наверняка встретим что-то такое, с чем не сможем справиться.

Деккер фыркнул.

— Может быть, даже здесь, — настаивал Джексон, разглядывая кошмарные джунгли за иллюминатором.

— Ты романтик, — резко ответил Деккер. — Кроме того, ты молод: все еще мечтаешь о неожиданностях. Десяток раз слетаешь, и это у тебя пройдет.

— Но все-таки то, о чем я говорю, может случиться.

Деккер сонно кивнул.

— Может. Никогда не случалось, но, наверное, может. Впрочем, стоять до последнего не наша задача. Если нас ждет тут что-нибудь такое, что нам не по зубам, мы долго на этой планете не задержимся. Риск не наша специальность.

Корабль покоился на вершине холма посреди маленькой поляны, буйно заросшей травой и кое-где экзотическими цветами. Рядом лениво текла река, неся сонные темно-коричневые воды сквозь опутанный лианами огромный лес. Вдаль, насколько хватало глаз, тянулись джунгли, мрачная сырая чаща, которая даже через стекло иллюминатора, казалось, дышала опасностью. Животных не было видно, но никто не мог знать, какие твари прячутся в темных норах или в кронах деревьев.

Восьмой робот включился в работу. Теперь уже две группы по четыре робота вытаскивали контейнеры и собирали новые механизмы. Скоро их стало двенадцать — три рабочие группы.

— Вот так! — возобновил разговор Деккер, кивнув на иллюминатор. — Никакого риска. Сначала роботы. Они распаковывают и собирают друг друга. Затем все вместе устанавливают и подключают технику. Мы даже не выйдем из корабля, пока вокруг не будет надежной защиты.

Джексон вздохнул.

— Наверное, вы правы. С нами действительно ничего не может случиться. Мы не упускаем ни одной мелочи.

— А как же иначе? — Деккер поднялся с кресла и потянулся. — Пойду займусь делами. Последние проверки и все такое...

— Я вам нужен, сэр? — спросил Джексон. — Я бы хотел посмотреть. Все это для меня ново...

— Нет, не нужен. А это... это пройдет. Еще лет двадцать, и пройдет.

На столе у себя в кабинете Деккер обнаружил стопку предварительных отчетов и неторопливо просмотрел их, запоминая все особенности мира, окружавшего корабль. Затем некоторое время работал, листая отчеты и складывая прочитанные справа от себя лицевой стороной вниз.

Давление атмосферы чуть выше, чем на Земле. Высокое содержание кислорода. Сила тяжести немного больше земной. Климат жаркий. На планетах-джунглях всегда жарко. Снаружи слабый ветерок. Хорошо бы он продержался... Продолжительность дня тридцать шесть часов. Радиация: местных источников нет, но случаются вспышки солнечной активности. Обязательно установить наблюдение... Бактерии, вирусы: как всегда на таких планетах, много. Но очевидно, никакой опасности. Команда напичкана прививками и гормонами по самые уши. Хотя до конца, конечно, уверенным быть нельзя. Минимальный риск есть, ничего не поделаешь. И если вдруг найдется какой-нибудь настырный микроб, способы защиты придется искать прямо здесь... Растительность и почва наверняка просто кишат микроскопической живностью. Скорее всего, вредной. Но это уже будничная работа. Полная проверка. Почву необходимо проверять, даже если на планете нет жизни. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что ее действительно нет...

В дверь постучали, и вошел капитан Карр, командир подразделения Легиона. Деккер ответил на приветствие, не вставая из-за стола.

— Разрешите доложить, сэр! — четко произнес Карр. — Легион готов к высадке!

— Отлично, капитан. Отлично, — ответил Деккер.

«Какого черта ему надо? Легион всегда готов и всегда будет готов — это естественно. Зачем такие формальности?»

Наверное, виной тому характер Карра. Легион с его жесткой дисциплиной, давними традициями и гордостью за них всегда привлекал таких людей, давая им возможность отшлифовать врожденную педантичность.

Оловянные солдатики высшего качества. Тренированные, дисциплинированные, вакцинированные против любой известной и неизвестной болезни, натасканные в чужой психологии земляне с огромным потенциалом выживания, выручающим их в самых опасных ситуациях...

— Некоторое время мы еще не будем готовы, капитан, — сказал Деккер. — Роботы только начали сборку.

— Жду ваших приказаний, сэр!

— Благодарю вас, капитан. — Деккер дал понять, что хочет остаться один. Но когда Карр подошел к двери, он снова позвал его.

— Да, сэр!

— Я подумал... — медленно произнес Деккер. — Просто подумал...
В состоянии ли вы представить себе ситуацию, с которой Легион не смог бы справиться?

— Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, сэр.

Глядеть на Карра в этот момент было сплошное удовольствие.
Деккер вздохнул.

— Я и не предполагал, что вы поймете.

К вечеру все роботы и кое-какие механизмы были уже собраны. Появились и первые автоматические сторожевые посты. Огнеметы выжгли вокруг корабля кольцо около пятисот футов диаметром, а затем в ход пошел генератор жесткого излучения, заливший землю внутри кольца безмолвной смертью. Ужасное зрелище: почва буквально вспепела живностью в последних бесплодных попытках избежать гибели. Роботы собрали огромные батареи ламп, и на вершине холма стало светлее, чем днем. Подготовка к высадке продолжалась, но ни один человек еще не ступил на землю новой планеты.

В тот вечер робот-официант установил столы в галерее, с тем чтобы люди во время еды могли наблюдать за ходом работ снаружи. Вся группа — разумеется, кроме легионеров, которые оставались в своих каютах, — уже собралась к ужину, когда в отсек вошел Деккер.

— Добрый вечер, джентльмены!

Он сел во главе стола, после чего расселись по старшинству и все остальные.

Деккер сложил перед собой руки и склонил голову, собираясь произнести привычные, заученные слова. Он задумался, и, когда заговорил, слова ему самому показались неожиданными.

— Отец наш, мы, слуги твои в неизведанной земле, находимся во власти греховной гордыни. Научи нас милосердию и приведи нас к знанию. Ведь люди, несмотря на дальние их путешествия и великие их дела, все еще дети твои. Благослови хлеб наш, господи. И не оставь без сострадания. Аминь.

Деккер поднял голову и взглянул вдоль стола. Кого-то, он заметил, его слова удивили, кого-то позабавили. Возможно, они думают, что старик не выдерживает, кончается. Может быть, и так. Хотя до полудня он чувствовал себя в полном порядке... Все этот молодой Джексон...

— Прекрасные слова, сэр, — сказал наконец Макдональд, главный инженер группы. — Среди нас есть кое-кто, кому не мешало бы прислушаться и запомнить их. Благодарю вас, сэр.

Вдоль стола начали передавать блюда и тарелки, и постепенно галерея оживилась домашним звоном хрусталя и серебра.

— Похоже, здесь будет интересно, — начал разговор Уолдрон, антрополог по специальности. — Мы с Диксоном стояли на наблюдательной палубе как раз перед заходом солнца, и нам показалось, что мы видели у реки какое-то движение. Что-то живое...

— Было бы странно, если бы мы здесь никого не нашли, — ответил Деккер, накладывая себе обжаренный картофель. — Когда сегодня облучали площадку, в земле оказалось полно всяких тварей.

— Существа, которых мы с Уолдроном видели, напоминали людей.

Деккер посмотрел на биолога с интересом.

— Вы уверены?

Диксон покачал головой.

— Видно было неважно, но двоих или троих мне все-таки удалось разглядеть. Этакie спичечные человечки.

— Как дети рисуют, — кивнул Уолдрон. — Одна палка — туловище, две — ножки, еще две — ручки, кружок — голова. Угловатые такие, тощие...

— Но двигаются красиво, — добавил Диксон. — Мягко, плавно, как кошки.

— Ладно, скоро узнаем, кто это такие. Через день-два мы их найдем, — ответил Деккер.

Забавно. Почти на каждой планете кто-нибудь сразу «находит» гуманоидов, и почти всякий раз они оказываются игрой воображения. Люди часто выдают желаемое за действительное. Что ж, вполне понятное желание — вдали от своих, на чужой планете найти жизнь, которая хотя бы на первый взгляд напоминала что-то знакомое. Но как правило, представители гуманоидной расы, если таковая встречалась, оказывались настолько отталкивающими и чужими, что по сравнению с ними даже земной осьминог кажется родным и близким.

— Я все думаю о том горном массиве к западу, — вступил в разговор Фрейни, начальник геологической группы, — который мы видели при подлете. Похоже, горы образовались сравнительно недавно, а это всегда удобнее для работы: легче добраться до того, что скрыто внутри.

— Первая разведка будет в том направлении, — неожиданно решил Деккер.

Яркие огни снаружи вселяли в ночь новую жизнь. Собирались огромные механизмы. Четко двигались роботы. Машины поменьше суетились, как напуганные жуки. С южной стороны все полыхало, а небо озарялось всплесками пламени, вырывающегося из огнеметов.

— Дodelывают посадочное поле, — произнес Деккер. — Там осталась полоса джунглей, но она ровная, как пол. Еще немного, и поле тоже будет готово.

Робот принес кофе, бренди и сигары. Расположившись поудобней, Деккер и все остальные продолжали наблюдать за работой снаружи.

— Ненавижу это ожидание, — нарушил молчание Фрейни.

— Часть работы. Ничего не поделаешь, — ответил Деккер и подлил в кофе еще бренди.

К утру все машины были собраны. Одни уже выполняли какие-то задания, другие стояли наготове. Огнеметы закончили свою работу,

и по их маршрутам ползали излучатели. На подготовленном поле стояли несколько реактивных самолетов. Примерно половина от общего числа роботов, закончив порученные дела, построилась в аккуратную прямоугольную колонну.

Наконец опустился наклонный трап, и по нему сошли на землю легионеры. В колонну по два, с блеском и грохотом, с безукоризненной точностью, способной посрамить даже роботов. Конечно, без знамен и барабанов, поскольку пользы от них никакой, а Легион, несмотря на пристрастие к блеску и показухе, организация крайне эффективная. Колонна развернулась, вытянулась в линию и разбилась по взводам, которые тут же направились к границам базы. Машины, роботы и легионеры заняли посты. Земля подготовила плацдарм еще на одной платформе.

Роботы быстро и деловито собрали открытый павильон из полосатого брезента, разместили в тени столы, кресла, втащили туда холодильник с пивом и льдом.

Теперь и обычные люди могли покинуть безопасные стены корабля.

«Организованность,— с гордостью произнес про себя Деккер, окидывая базу взглядом.— Организованность и эффективность! Ни одной лазейки для случайностей! Любую лазейку заткнуть еще до того, как она станет лазейкой! Подавить любое сопротивление, пока оно не выросло! Абсолютный контроль на плацдарме!»

Конечно, позже может что-то случиться. Всего не предусмотреть. Будут выездные экспедиции, и даже под защитой роботов и легионеров остается какой-то риск. Будет воздушная разведка, картографирование, и все это тоже несет в себе элемент риска. Однако опасность сведена к минимуму.

И всегда будет база. Абсолютно надежная и неприступная база, куда при случае можно отступить и откуда, если понадобится, можно контратаковать или прислать подкрепление.

Все продумано! Неожиданностей быть не должно!

И что на него такое вчера нашло?.. Наверное, это из-за молодого Джексона. Способный биохимик, конечно, но не для межпланетной разведки. Видимо, что-то где-то не сработало: отборочная комиссия должна была выявить его эмоциональную неустойчивость. Не то чтобы он мог помешать делу, но на нервы действует...

Деккер выложил на стол в павильоне целую кучу документов, затем нашел среди них карту, развернул ее и разгладил большим пальцем сгибы. На карте была нанесена лишь часть реки и горного хребта. Базу обозначал перечеркнутый крестом квадрат, а все остальное пространство оставалось пустым.

Но это не надолго. Через несколько дней у них будут полные карты.

С поля рванул в небо самолет, плавно развернулся и ушел на запад. Деккер выбрался из павильона и посмотрел ему вслед. Должно

быть, это Джарвис и Донелли, назначенные в первый полет в юго-западный сектор между базой и горным хребтом.

Еще один самолет поднялся в воздух, выбрасывая за собой огненный хвост, набрал скорость и скрылся вдали. Фриман и Джонс.

Деккер вернулся к столу, опустился в кресло и, взяв карандаш, принялся рассеянно постукивать по почти пустой карте. За спиной взмыл в небо еще один самолет.

Он снова окинул базу взглядом, и теперь она уже не казалась ему выжженным полем. Что-то теперь чувствовалось здесь земное. Эффективность, здравый смысл, спокойно работающие люди.

Кто-то с кем-то спорил, кто-то готовил приборы, обсуждая с роботами возникшие по ходу дела вопросы. Другие просто осматривались, привыкали.

Деккер удовлетворенно улыбнулся. Способная у него команда. Большинство из них придется подождать возвращения первой разведки, но даже сейчас они не выглядели праздно.

Позже будут взяты пробы почвы. Роботы поймают и доставят животных, которых потом сфотографируют и подвергнут изучению по полной программе. Деревья, травы, цветы — все будет описано и классифицировано. Вода в реке, ее обитатели...

И все это только здесь, в районе базы, пока не поступят новые данные разведки, указывающие, на что еще следует обратить внимание.

Когда придут эти данные, начнется настоящая, большая работа. Геологи и минералоги займутся полезными ископаемыми. Появятся метеорологические станции. Ботаники и биологи возьмутся за сбор сравнительных образцов. Каждый будет выполнять работу, к которой его готовили. Отовсюду пойдут доклады, и со временем из них сложится стройная, точная картина жизни планеты.

Работа. Много работы днем и ночью. И все это время база будет их маленьким кусочком Земли, неприступным для любых сил чужого мира.

Деккер сидел развалившись в кресле. Легкий ветер шевелил полог павильона, шелестел бумагами на столе и ерошил волосы. «Хорошо,— подумалось Деккеру,— но наверное, это не надолго».

Когда-нибудь он найдет себе уютную планету, райский уголок с неизменно прекрасной погодой, где все, что нужно, растет на деревьях, а местные жители умны и общительны. Он просто откажется улететь, когда корабль приготовится к старту, и проживет свои последние дни вдали от проблем этой проклятой галактики, истощенной голодом, свихнувшейся от дикости и такой одинокой, что трудно передать словами...

Деккер очнулся от своих странных мыслей и увидел перед собой Джексона.

— В чем дело, Джексон? — с неожиданной резкостью спросил он. — Почему ты не...

— Местного привели, сэр! — выдохнул Джексон. — Из тех, кого видели Диксон и Уолдрон.

Абориген оказался человекоподобным, но на людей Земли он походил мало. Как сказал Диксон, спичечный человечек. Живой рисунок четырехлетнего ребенка. Весь черный, совершенно без одежды, но в глазах, смотревших на Деккера, светился огонек разума.

Глядя в эти глаза, Деккер чувствовал себя неуютно и скованно, но вокруг в ожидании молча стояли его люди, и он медленно потянулся к одному из шлемов ментографа. Когда пальцы Деккера коснулись гладкой поверхности, на него снова накатило смутное, но сильное нежелание надевать шлем. Контакт или попытка контакта с чужим разумом всегда вызывали у него это тревожное чувство. Что-то каждый раз боязливо сжималось у него внутри, видимо, потому, что такой непосредственный, близкий контакт был чужд человеческой природе.

Деккер медленно взял шлем в руки, надел на голову и жестом предложил «гостю» второй. Пауза затягивалась, глаза аборигена внимательно следили за его действиями. «Он нас не боится, — подумал Деккер. — Настоящая первобытная храбрость. Вот так стоять посреди незнакомого, которое расцвело почти за одну ночь на его земле... Стоять, не дрогнув, в кругу существ, которые, должно быть, кажутся ему пришельцами из кошмара...»

Наконец абориген сделал шаг к столу, взял шлем и неуверенно пристроил прибор на голову, ни на секунду не отрывая взгляда от человека.

Деккер попытался расслабиться, одновременно внушая себе мысли о мире и спокойствии. Надо быть очень внимательным, чтобы не испугать это существо, и сразу продемонстрировать дружелюбие. Малейший оттенок резкости может испортить все дело.

Уловив первое дуновение мысли спичечного человечка, Деккер почувствовал ноющую боль в груди. Что-то снова сжалось у него внутри, но ему вряд ли бы удалось передать свои ощущения словами — слишком все было чужое, предельно чужое.

— Мы друзья, — заставил он себя думать, борясь с подступающей чернотой отвращения. — Мы друзья. Мы друзья. Мы...

— Вам не следовало сюда прилетать, — послышалась ответная мысль.

— Мы не причиним вам зла, — думал Деккер. — Мы друзья. Мы не причиним вам зла. Мы...

— Вы никогда не улетите отсюда.

— Мы предлагаем дружбу, — продолжал Деккер. — У нас есть для вас подарки. Мы вам поможем...

— Вам не следовало прилетать сюда, — настойчиво звучала мысль аборигена. — Но раз вы уже здесь, теперь вам не улететь.

— Ладно, хорошо, — Деккер решил не спорить с ним. — Мы оста-

немся и будем друзьями. Будем учить вас. Дадим вам вещи, которые привезли с собой, и останемся здесь с вами.

— Вы никогда не улетите отсюда,— звучало в ответ, и было в этой мысли что-то холодное, окончательное. Деккеру стало не по себе. Абориген действительно верил в то, что говорил. Не пугал и не преувеличивал. Он даже не сомневался, что им не удастся улететь с планеты...

— Вы умрете здесь!

— Умрем? — переспросил Деккер. — Как это понимать?

В ответ он почувствовал лишь презрение. Спичечный человечек снял шлем, аккуратно положил, повернулся и вышел. Никто не сдвинулся с места, чтобы остановить его. Деккер бросил свой шлем на стол.

— Джексон, сообщите legionерам из охраны, чтобы его выпустили. Не пытайтесь помешать ему уйти.

Он откинулся в кресле и посмотрел на окружавших его людей.

— Что случилось, сэр? — спросил Уолдрон.

— Он приговорил нас к смерти, — ответил Деккер, — сказал, что мы не улетим с этой планеты, что мы здесь умрем.

— Сильно сказано.

— И без тени сомнения, — произнес Деккер, потом небрежно махнул рукой. — Видимо, он просто не понимает, что им не под силу остановить нас, если мы захотим улететь. Он убежден, что мы здесь умрем.

В самом деле, забавная ситуация. Выходит из лесу голый гуманоид и угрожает всей земной разведывательной группе. Причем так в себе уверен... Но на лицах, обращенных к Деккеру, не было ни одной улыбки.

— Они ничего не могут нам сделать, — сказал Деккер.

— Тем не менее, — предложил Уолдрон, — следует принять меры.

— Мы объявим готовность номер один и усилим посты, — кивнул Деккер. — До тех пор, пока не удостоверимся...

Он запнулся и умолк. В чем, собственно, они должны удостовериться? В том, что голые аборигены без всяких признаков материальной культуры не смогут уничтожить группу землян, защищенных стальным периметром, машинами, роботами, солдатами, знающими все, что положено знать для немедленного и безжалостного устранения любого противника?

Чертовщина какая-то!

И все же в этих глазах светился разум. Разум и смелость. Он выстоял, не дрогнув, в кругу совершенно чужих для него существ. Сказал, что должен был сказать, и ушел с достоинством, которому землянин мог бы позавидовать. Очевидно, он догадался, что перед ним существа с другой планеты, поскольку сам сказал, что им не следовало прилетать...

— О чем ты думаешь? — спросил Деккер Уолдрона.

— Раз мы предупреждены, надо вести себя со всеми возможными

ми предосторожностями. Но пугаться нечего. Мы в состоянии справиться с любой опасностью.

— Это блеф, — вступил в разговор Диксон. — Нас хотят испугать, чтобы мы улетели.

— Не думаю, — покачал головой Деккер. — Он был так же уверен в себе, как и мы.

Работа продолжалась. Никто не атаковал. Самолеты вылетали по графику, и постепенно экспедиционные карты заполнялись многочисленными подробностями. Полевые партии делали осторожные вылазки. Роботы и легионеры сопровождали их по флангам, тяжелые машины прокладывали путь, выжигая дорогу в самых недоступных местах. Автоматические метеостанции, разбросанные по окрестностям, регулярно посылали доклады о состоянии погоды для обработки на базе.

Несколько полевых партий вылетели в дальние районы для более детального изучения местности.

По-прежнему не происходило ничего особенного.

Шли дни. Недели. Роботы и машины несли дежурство. Легионеры всегда были наготове. Люди торопились сделать работу и улететь обратно.

Сначала нашли угольный пласт, затем месторождение железной руды. В горах обнаружили радиоактивные материалы. Ботаники выявили двадцать семь видов съедобных фруктов. База кишела животными, пойманными для изучения и со временем ставшими чьими-то любимцами.

Нашли деревню спичечных людей. Маленькая грязная деревенька с примитивными хижинами. Жители казались мирными.

Экспедицию к местным жителям возглавил Деккер.

С оружием наготове, медленно, без громких разговоров люди вошли в деревню. Местные сидели около своих домов и молча наблюдали за людьми, пока те не дошли до самого центра поселения. Там роботы установили стол и поместили на него ментограф. Деккер сел за стол и надел шлем ментографа на голову. Остальные встали в строене. Деккер ждал.

Прошел час. Аборигены сидели не шевелясь.

Наконец Деккер снял шлем и устало произнес:

— Ничего не выйдет. Займитесь фотографированием. Только не тревожьте местных и ничего не трогайте.

Он достал платок и вытер вспотевшее лицо. Подошел Уолдрон.

— И что вы обо всем этом думаете?

Деккер покачал головой.

— Меня постоянно преследует одна мысль. Мне кажется, что они уже сказали нам все, что хотели сказать. И больше разговаривать не желают. Странная мысль... Наверное, ерунда.

— Не знаю, — ответил Уолдрон. — Здесь вообще многое не так.

Я заметил, что у них совсем нет металла. Кухонная утварь каменная, инструменты — тоже. И все-таки это развитая культура.

— Они, безусловно, развиты, — сказал Деккер. — Посмотри, как они за нами наблюдают. Совершенно без страха. Просто ждут. Спокойны и уверены в себе. И тот, который приходил на базу, знал, что нужно делать со шлемом...

— Уже поздно. Нам лучше вернуться на базу, — помолчав немного, произнес Уолдрон и взглянул на запястье. — Мои часы остановились. Сколько на ваших?

Деккер поднес руку к глазам, и Уолдрон услышал судорожный удивленный вдох. Деккер медленно поднял голову и посмотрел на Уолдрона.

— Мои... тоже, — голос его был едва слышен.

Какое-то мгновение они сидели неподвижно, напуганные явлением, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать лишь неудобство и раздражение. Затем Уолдрон вскочил и повернулся лицом к людям.

— Общий сбор! — закричал он. — Возвращаемся! Немедленно!

Земляне сбежались тут же. Роботы выстроились по краям, и колонна быстрым маршем покинула деревню. Аборигены проводили их взглядами, но никто не тронулся с места.

Деккер сидел в своем походном кресле, прислушиваясь к шелесту брезента на ветру. Лампа, висевшая над головой, раскачивалась, отчего по павильону бегали тени, и временами казалось, что это живые существа. Рядом с павильоном неподвижно стоял робот.

Деккер протянул руку и потрогал пальцем маленькую кучку колесиков и пружинков, лежавших на столе.

Все это странно. Странно и зловеще.

На столе лежали детали часов. Не только его и Уолдрона, но и всех остальных участников экспедиции. Ни одни из них не работали.

Наступила ночь, но на базе продолжалась лихорадочная деятельность. Постоянно двигались люди, то исчезая во мраке, то снова появляясь на освещенных участках под ярким светом прожекторов. В суетливых действиях людей чувствовалась какая-то обреченность, хотя все они понимали, что им решительно нечего бояться. Во всяком случае, пока не появится нечто конкретное, на что можно указать пальцем и крикнуть: «Вот — опасность!»

Известен лишь простой факт. Все часы остановились. Простой факт, для которого должно быть простое объяснение.

Но только на чужой планете ни одно явление нельзя считать простым и ожидать простого объяснения. Поскольку здесь причины, следствия и вероятность событий могут быть совершенно иными, нежели на Земле.

Есть всего одно правило — избегать риска. Единственное прави-

ло, которому надо повиноваться в любой ситуации. И повинаясь ему, Деккер приказал вернуть все полевые партии и приготовить корабль к взлету. Роботам — быть готовым к немедленной погрузке оборудования. После этого оставалось только ждать. Ждать, когда вернутся из дальних лагерей полевые партии. Ждать, пока не появится объяснение странному поведению часов.

Панике, конечно, поддаваться не из-за чего, но явление нужно признать, оценить, объяснить. Нельзя же, в самом деле, вернуться на Землю и сказать: «Вы понимаете, наши часы остановились, и поэтому...»

Рядом слышались шаги, и Деккер резко обернулся.

— В чем дело, Джексон?

— Дальние лагеря не отвечают, сэр, — произнес Джексон. — Мы пытались связаться с ними по радио, но не получили ответа.

— Они ответят, обязательно ответят через какое-то время, — сказал Деккер, хотя совсем не чувствовал в себе уверенности, которую пытался передать подчиненному. На мгновение он ощутил подкативший к горлу комок страха, но быстро с собой справился.

— Сядь. Я прикажу принести пива, а затем мы вместе сходим в радиоцентр и посмотрим, что там происходит, — сказал он и, повернувшись к стоящему неподалеку роботу, потребовал:

— Пиво сюда. Два пива.

Робот не отвечал.

Деккер повысил голос, но робот не тронулся с места.

Пытаясь встать, Деккер оперся сжатыми кулаками о стол, но вдруг почувствовал слабость в ногах и упал обратно в кресло.

— Джексон, — выдохнул он. — Пойди постучи его по плечу и скажи, что мы хотим пива.

С поблдевшим лицом Джексон подошел к роботу и легонько постучал того по плечу. Потом ударил сильнее, и робот, не сгибаясь, рухнул на землю.

Снова слышались торопливые приближающиеся шаги. Деккер, вжавшись в кресло, ждал. Оказалось, это Макдональд, главный инженер.

— Корабль, сэр... Наш корабль...

Деккер, глядя в сторону, кивнул.

— Я уже знаю, Макдональд. Корабль не взлетит.

— Крупные механизмы в порядке, сэр. Но вся точная аппаратура... инжекторы... — Он внезапно замолчал и пристально посмотрел на Деккера. — Вы знали, сэр? Как? Откуда?

— Я знал, что когда-нибудь это случится. Может быть, не так, как сейчас, но этого следовало ожидать. Рано или поздно мы должны были споткнуться. Я говорил гордые и громкие слова, но все время знал, что настанет день, когда мы чего-то не предусмотрим, какой-то мелочи, и она нас прикончит...

Аборигены... У них совсем не было металла. Каменные инстру-

менты, утварь... Металла здесь хватало, огромные залежи руды в горах на западе. И возможно, много веков назад они пытались делать металлические орудия труда или оружие, но спустя считанные недели все это рассыпалось в прах.

Цивилизация без металла. Культура без металла. Немыслимо. Отбери у человека металл, и он не сможет оторваться от Земли, он вернется в пещеры. У него ничего не останется, кроме его собственных рук...

В павильон тихо вошел Уолдрон.

— Радио не работает. И роботы мрут, как мухи. Они валяются бесполезными кучами металла уже по всей базе.

— Сначала портятся точные приборы, — кивнул Деккер. — Часы, радиоаппаратура, роботы. Потом сломаются генераторы, и мы останемся без света и электроэнергии. Потом наши машины, оружие легионеров. Потом все остальное.

— Нас предупреждали, — сказал Уолдрон.

— А мы не поняли. Мы думали, что нам угрожают. Нам казалось, мы слишком сильны, чтобы бояться угроз... А нас просто предупреждали...

Все замолчали.

— Из-за чего это произошло? — спросил наконец Деккер.

— Точно никто не знает, — тихо ответил Уолдрон. — По крайней мере, пока. Позже мы, очевидно, узнаем, но нам это уже не поможет... Какой-то микроорганизм пожирает железо, которое подвергали термообработке или сплавляли с другими металлами. Окисленное железо в руде он не берет. Иначе залежи, которые мы обнаружили, исчезли бы давным-давно.

— Если это так, — откликнулся Деккер, — то мы привезли сюда первый чистый металл за долгие-долгие годы. Как этот микроб выжил?

— Не знаю. А может, я ошибаюсь, и это вовсе не микроб. Что-нибудь другое. Воздух, например.

— Мы проверяли атмосферу... — Деккер тут же понял, как глупо это прозвучало. Да, атмосферу анализировали, но как они могли обнаружить что-то такое, чего никогда раньше не встречали? Опыт человеческий ограничен. Человек бережет себя от опасностей известных или представимых, но нельзя предсказать непредсказуемое.

Деккер поднялся и увидел, что Джексон все еще стоит около неподвижного робота.

— Вот и ответ на твой вопрос, — сказал он. — Помнишь первый день на этой планете? Наш разговор?

— Я помню, сэр, — кивнул Джексон.

Деккер вдруг осознал, как тихо стало на базе.

Лишь налетевший ветер тормошил брезентовые стены павильона.

И только сейчас Деккер впервые почувствовал запах ветра этого чужого мира.

Перевел с английского А. КОРЖЕНЕВСКИЙ.

Всеволод Ревич

Правда фантастики

Советскую фантастику всегда отличали дух обновления, пафос гласская революционных преобразований в обществе, пафос перестройки, если хотите; ведь сегодняшнее слово употреблялось и раньше в том же значении.

В России не было своих Жюль Вернов и своих Уэллсов. Так уж случилось. Но это не значит, что нашей фантастике пришлось начинать с нуля, она опиралась и опирается на всю могучую русскую литературу — и классическую, и советскую; гуманизм, демократизм, служение высшим нравственным идеалам присущи ей в той же степени, что и другим родам литературных войск, конечно, если принимать в расчет только лучшие их образцы.

Семидесятилетний путь советской фантастики не был гладким. Часто ей приходилось прокладывать этот путь через завалы перестраховки, засеки догматизма, схватываться с нелепыми, но весьма агрессивными «теориями». Жанр был для нашей литературы непривычным, неустоявшимся, и споры о том, какой должна быть фантастика, вроде бы естественны. Но фантастика все время норовила выскользнуть из ограниченного загончика, который многим казался наиболее для нее подходящим.

Подчиняясь своим «биологическим» особенностям, фантастика укрупняет, гиперболизирует действительность, а потому ее правда зачастую выглядит более резкой, более угловатой, чем в «обыкновенной» литературе, что порой вызывает непонимание, неудовольствие, а временами и прямые гонения. В результате целый ряд выдающихся произведений попал в «полковники» — это звание язвительные польские коллеги образовали от слова «полка». Возрождение многих книг основательно обогатило советскую фантастику. Понятно, с полки сняты разные сочинения, и подход к каждому из них должен быть отдельным. Но каждое несет в себе частичку правды, совокупность которых создает многоцветную картину эпохи.

Для того чтобы раскрыть оксюморон, вынесенный в название этой статьи, вовсе не обязательно обращаться только к временно отсутствовавшим произведениям; можно даже совсем обойтись без них, у советской фантастики и без того достаточно честных, правдивых книг. Но многие примеры, приведенные ниже, еще не стали

хрестоматийными, а несчастливая судьба привлекает к ним особое внимание.

Вопреки распространенному мнению, фантастика — это не нечто оторванное от действительности, далекое от жизни. Напротив, она всегда находится в гуще событий, она всегда выходит на передний край идеологической борьбы, она всегда боец или по меньшей мере должна быть бойцом. А хороший боец должен быть идейным, честным, нетрусливым, великодушным...

Чтобы сразу с головой погрузиться в тему, начнем с произведения в недавнем прошлом самого одиозного, самого спорного, к тому же одного из самых первых по времени создания — романа Евгения Замятина «Мы».

Роман «Мы» продиктован страхом. Страхом за человечество, за его судьбу, за его живую душу.

Единое Государство, изображенное в романе, — это человеческий термитник, его члены лишены даже собственного имени, они лишь «нумера», которые в одно и то же время, в предписанном порядке ходят на работу, спят, принимают пищу, поют гимны и гуляют шеренгами по четыре... Живут они в стеклянных комнатухах — клетках, просматривающихся насквозь в любой час суток. Инакомыслие и вообще любое отклонение от регламента жестоко карается. В Едином Государстве растоптаны всякие понятия о человеческом достоинстве, и само растаптывание возведено в добродетель, гражданам вдолбили, что существующие порядки «идеальной несвободы» и есть для них наивысшее благо, что именно в такой организации ликвидированы все пороки, соблазны, искривления прежних, «анархических» структур.

Герой романа, номер Д-503, свято верит в официальные догмы, но смутно ощущает неестественность, ирреальность существования личности в его обществе, недаром он, как математик, все время задумывается над тайной числа i — корня из минус единицы, чего-то такого, чего не может и не должно быть, но тем не менее оно есть и нагло высовывается в различных математических выкладках. Эта величина может служить символом — в жизни современного человечества немало иррационального, бессмысленного, однако процветающего и даже агрессивного.

Конечно, панорама вышагивающих номеров — гротеск, преувеличение. Но такое ли оно сильное, это преувеличение? Щедрый на выдумки XX век не раз преподносил нам схожие сюрпризы. Признаки замятинского Города есть везде, где подавляется личность, порабощаются умы, торжествует интеллектуальный и физический террор, а люди низводятся до состояния скота, которого пытаются обучить отзываться на звон колокольчика. Разве мы не видели, хотя бы на киноплёнке, охваченных пароксизмами восторга обывателей на

улицах и целые нации, преисполненные обожания к своему, как он там именуется у Замятина, ах, да — Благодетелю? Разве не было множества освенцимов, где инакомыслящие перевоспитывались посредством крематориев? Разве мы не знаем, что творили с собственным народом «красные» кхмеры, для которых отдельная личность и вправду стала пустой арифметической величиной. «Арифметически-безграмотную жалость знали только древние; нам она смешна», — философствует герой Замятина за полвека до Пол Пота и Пиночета.

Но было бы лицемерием указывать пальцами только на другие страны. Больно об этом говорить, но ведь были и у нас концлагеря, массовые репрессии и другие преступления, порожденные тем, что впоследствии стали называть культом личности.

И разве все это действительно не страшно? Разве подобные «издержки» не заслуживают самого страстного, самого звенящего обличительства? Разве литература не должна поднимать людей на борьбу против обездушенности, против оболванивания, против скопления?

Но какое отношение имеют преступления сталинизма к подлинному социализму, к той высокой и святой мечте о совершенном, гуманном обществе, мечте, которая собрала под свои знамена миллионы людей? В усилиях по осуществлению этой мечты, тем более в нашем нынешнем стремлении очистить социалистическое движение от всего, что искажает его смысл и цель, талантливый русский, но умерший на чужбине писатель Евгений Замятин — наш прямой союзник.

У романа и его автора сложилась совсем не простая судьба. От кого скрывать: в течение шести с лишним десятилетий роман «Мы» был, пожалуй, чуть ли не главным козырем в руках антисоветчиков. Смотрите, кричали они, вот он, коммунистический рай в натуре, вот он, коллективистский идеал в законченном виде!

А как реагировали мы на эти крики? Мы защищались, но, как мне кажется, не лучшим образом. Да, подтверждали мы, «Мы» — действительно антикоммунистический роман, только коммунизм изображен в нем в карикатурном, искаженном обличье...

Роман «Мы» был написан в 1920 году, но у нас никогда не публиковался. Появившиеся за рубежом переводы вызвали бурное негодование. В выражениях не стеснялись: и роман Замятина приравнивался к контрреволюционной вылазке. Ярлык, прикрепленный к книге в те годы, без изменений, почти что слово в слово воспроизводился до последнего времени.

Что же такое случилось сегодня? Почему мы печатаем этот роман? Он что, перестал быть антикоммунистическим? Как это ни парадоксально, он никогда им не был.

Задумаемся, не слишком ли легко мы согласились, будто в романе изображен пусть в искаженном виде, но именно социалистический строй? В самом тексте ни слова о социализме нет, а изображенный у Замятина режим — это, по сути, диктатура фашистского толка, как ее ни называй, дело ведь не в названии. Кровавый полпотовский режим прикрывался социалистическими лозунгами, но было хоть что-нибудь подлинно социалистическое в обезумевших палачах? И было ли хоть что-нибудь социалистическое в бериевских концлагерях? Кошунственно даже в мыслях соединять такие полюсы. Не мы ли первые должны отречься от той усовершенствованной казармы, которая изображена в романе, не нам ли надлежит возглавить борьбу против нее? Разве Октябрьская революция совершалась не для того, чтобы дать человеку самые широкие, самые демократические права, какие только могут существовать?

Почему же раньше истинной направленности романа не замечали? Впрочем, почему не замечали? Замечали, но не могли или не решались сделать напрашивающиеся выводы. Так, первым критиком еще даже нигде не опубликованного романа был А. Воронский. Он первым и назвал «Мы» злым памфлетом на настоящее и будущее. Но он же утверждал, опровергая собственные обвинения: «Замятин написал памфлет, относящийся не к коммунизму, а к государственному, бисмарковскому, реакционному, рихтеровскому социализму». Так в чем же дело? Разве о таком обществе не стоит создавать памфлетов? Судьба самого Воронского, павшего жертвой беззакония, пожалуй, с чрезмерной убедительностью доказала правоту опасений Замятина.

Нет уж, давайте отберем роман Замятина из рук наших врагов. Для этого достаточно признать, что «Мы» — вовсе не клевета ни на социализм, ни тем более на коммунистический идеал. То, что изображено в романе, — это правда, высшая правда, которая доступна только подлинно художественной фантастике, но это вовсе не социализм. А если эта правда в большой степени задевает и нас, то ведь историю, к сожалению, не переделаешь. Пусть же замятинская сатира помогает бороться с недоброй памятью сталинских преступлений и тем более с их последствиями и последышами.

Роман «Мы» кончается пессимистически. Готовящееся восстание разгромлено, его участники казнены под пытками. А дабы предупредить заговоры, всем гражданам Единого Государства предписано подвергнуться несложной мозговой операции, которая окончательно превращает их в тягловый скот с бессмысленно вытараченными глазами.

И все же та симпатия, с которой изображена в романе горсточка бунтовщиков, во многом снимает пессимизм концовки. Особенно удался писателю образ темноглазой женщины, номера J-330. Отважная до дерзости, женственная, сумевшая пробудить тоску

даже в таком, казалось бы, бесповоротно засушенном продукте Системы, как математик Д-503, эта женщина — настоящий человек идеи, подлинная революционерка, прекрасно знающая, на что она идет, и выстоявшая, не сказавши ни слова, до самого конца. Тирания всегда будет рождать своих антиподов. Гибель Системы заложена в ней самой, всем мозговую операцию не сделаешь.

А есть еще, оказывается, и люди, которые не подчинились Единому Государству и живут среди дикой природы. Они обросли шерстью, но сохранили горячее сердце. Значит, надежда на возрождение человечества не утрачена. Между прочим, очень похожее на замятинское противостояние, с той же отдаленной, но уверенной надеждой, изобразил Р. Брэдбери в не менее знаменитом романе — «451⁰ по Фаренгейту». Там тоже у лесных костров обитают истинные носители человеческой культуры, а в стенах насквозь автоматизированного города ведется ее тотальное искоренение.

И в том и в другом романе авторы показали, как для порабощения человеческого духа используются новейшие достижения науки, тем самым лишний раз доказывая, что наука сама по себе не спасение, не панацея вопреки утверждениям технократов. Если она лишена нравственной основы, ее достижения будут использоваться во зло. Вспомните жуткие телевизионные стены у Брэдбери. Власти телеэкрана над людьми Замятин не предугадал, но и он сумел разглядеть вдали немало. Это и постройка Интеграла — гигантской, очень современной по конструкции ракеты, — посредством которого правители Единого Государства намереваются осчастливить своими, с позволения сказать, идеалами обитателей иных миров. Это и вездесущее радио. И подслушивающие уличные разговоры устройства. И синтетическая пища, причем как раз из нефти. Сюжетным ходом, как будто взятым из сегодняшней научной фантастики, выглядит и уже упомянутая операция на мозге, лишаящая человека фантазии, хотя, понятно, в ней есть и аллегорический смысл.

Пусть наши противники говорят, что хотят, но нам, бесспорно, стоит гордиться тем, что именно наш писатель стал родоначальником жанра антиутопий-предупреждений, сложившегося к настоящему времени в огромную библиотеку. Будем считать, что роман «Мы» долгое время был как бы в плену и наконец вернулся на родину, ибо сказано: лучше поздно, чем никогда. Впрочем, почему поздно? В сущности, сражение за завтрашний день человечества только начинается на новом витке. Оно будет трудным, это сражение, пришлось проститься с многими иллюзиями, пришлось преодолеть груз немалых ошибок и накладок. Но каким бы трудным к нему ни оказался путь, должен же он быть у человечества, этот завтрашний день, солнечный, свободный от войн и угнетений. В дорогу мы должны взять все, что поможет нам приблизить будущее и избежать или хотя бы не повторять ошибок.

Сейчас советскую фантастику невозможно представить без вклада, который внес в нее Михаил Булгаков. Его произведения долгое время не упоминались и не учитывались в официальных курсах и историях, но они были, они существовали, они воздействовали даже на тех, кто их отталкивал, и теперь уже стало окончательно ясным, насколько богаче и многоцветнее сделала его проза и драматургия всю советскую литературу и фантастику в частности.

Мы не будем здесь касаться главного труда Булгакова — романа «Мастер и Маргарита». Обращение к нему в контексте статьи о фантастике с неизбежностью ввергло бы нас в пространные рассуждения о границах жанра. Роман действительно выходит за традиционные рамки, причем не только фантастические. Большой художник сам создает для себя законы и только им подчиняется.

К использованию приемов фантастики Булгаков прибегал часто, ему принадлежат удачные попытки перенести их на сцену, что, вообще говоря, величайшая редкость, не только в советской, но и в мировой драматургии. Кроме Чапека некого и вспомнить. Остроумнейшим политическим шаржем на продажных антинародных правителей и одновременно едкой издевкой над театральными нравами был его «Багровый остров» (1927 г.). О смертельной опасности новейших средств истребления предупреждает никогда ранее не видевшая света пьеса «Адам и Ева».

Оружие массового уничтожения в те годы было достаточно абстрактной гипотезой, хотя кое-что фантасты могли представить себе и тогда. Уже взорвались две-три атомные бомбы. В повести В. Никольского «Через тысячу лет» (1927 г.), например, есть предсказание, что первый ядерный взрыв на Земле произойдет в 1945 году! Химические войны происходили почаще — в книгах, разумеется. Но похоже, их авторы не видели особой разницы между войнами прошлого и войнами будущего, просто еще один вид оружия. А если в романах и происходили всемирные катастрофы, то они были или результатом действия природных сил, или результатом ужасного изобретения ученого-маньяка. В «Адаме и Еве» Булгаков изобразил как безумие именно войну. Он не побоялся вынести на сцену, или во всяком случае сделать фоном, полностью вымершие города, миллионы трупов... Такие картины, очевидно, должны воодушевлять изобретателей бинарного оружия.

Хотите вы того или не хотите, но в пьесе Булгакова пробируется совершенно современная мысль о том, что человечество может спастись и выжить только в том случае, если оно будет помнить о том, что существуют общечеловеческие ценности, которые выше любых преходящих классовых, партийных, национальных

интересов. Он прямо говорит, что в такой войне победители погибнут вместе с побежденными. В наши дни именно эта мысль стала основой нового политического мышления, на торжество которого только и остается надеяться. В те годы, когда писалась «Адам и Ева», все рассматривалось с точки зрения гипертрофированного классового подхода, потому стоит ли удивляться, что сильно обогнавшая свое время пьеса Булгакова так и не добралась до подмостков Ленинградского Красного театра, имевшего смелость заказать ее повсюду запрещенному драматургу.

«Адам и Ева» начинается вполне мирной сценой с несколькими странными, а значит, вполне булгаковскими персонажами. В обыденных и даже пошлых заботах ленинградской квартирки ничто не предвещает конца света. И тем не менее он наступает. Миг — и все кончено.

После нападения только жалкая кучка людей остается в живых благодаря фантастическому аппарату академика Ефросимова и, судя по названию, именно она должна дать начало новому человечеству.

Шестеро в лесу — современный вариант робинзонады. Несколько человек на всей Земле — такие ситуации в фантастике уже встречались. Можно вспомнить повесть Э. Синклера «И воцарились на тысячу лет» (1924 г.). Был подобный роман и в русской дореволюционной фантастике — «Под кометой» С. Бельского. С удивительным единодушием авторы этих «катастроф» проводят в жизнь тезис о неисправимости людей. Вокруг погибла цивилизация, но это не произвело на оставшихся шокового впечатления. Казалось бы, чего делить, но нет, даже среди шести человек кипят страсти: они организуют партии, выступают друг против друга, грозят оружием. Лишь в порыве отчаянной женской находчивости Ева спасает Ефросимова от выстрела фанатично настроенного Дарагана. За всеми тянется хвост из прошлого, они клезуничают, пьют, пытаются устранить соперников (женщина-то всего одна) честными и нечестными путями. Они не в силах осознать величия происходящего, не в состоянии взять на себя ответственность, к которой их обязывает судьба.

Все это еще одна модель нашего противоречивого мира, такие модели очень любит создавать фантастика. Но гуманист Булгаков не может довести свой мир до полной гибели. Оказалось, что выжила не только одна Ева, оказалось, что есть еще на Земле люди, происходит всеобщее примирение, и даже твердокаменный Дараган смягчается и отказывается от своего страстного намерения уничтожить недобитых буржуев.

В первом варианте пьесы все происшедшее представало как сон, как видение, никакой уничтожительной войны на самом деле не было, все живы-здоровы. Но даже увидев этот вариант, зритель все равно вышел бы из театра с убеждением, что с Адамом Ева счастлива не будет, что ей нужен другой Адам, добрый и мирный,

который понимает, что все бомбы по возможности подлежат уничтожению, который убежден, что не надо никого травить или расстреливать. Но в те времена единственно верным считался совсем иной лозунг: «Если враг не сдается — его уничтожают». Не разделявший такой категоричности сам попадал во враги. А вот Булгаков этот лозунг не поддерживает, он лишает примкнувшего к Даргану Адама любви Евы. Она, считавшая себя единственной женщиной на Земле, отдает свое сердце пацифисту Ефросимову.

Мечты Булгакова и сегодня покажутся многим наивными и преждевременными. И сегодня доброта, мягкость, сострадание, милосердие еще не правят миром. Что уж говорить о начале 30-х!

В примечаниях к первой публикации пьесы обращено внимание на связь ее с романом «Мастер и Маргарита». Действительно, некоторыми чертами Ева напоминает Маргариту, Ефросимов — Мастера, Пончик-Непоседа — Ивана Бездомного... Но здесь, конечно, еще нет полнокровных романских образов, а потому и нет богатейшего нравственного содержания романа. Персонажи пьесы кажутся на первый взгляд довольно одномерными, функциональными, но Булгаков — это Булгаков, и можно подозревать, что, если эта пьеса когда-нибудь станет спектаклем, талантливый режиссер, талантливые исполнители сумеют вытянуть из диалогов замечательного драматурга непроглядываемую с поверхности глубину.

В комедии «Иван Васильевич» драматург пустил в ход традиционную для фантастики машину времени. Комедия тоже не была поставлена на сцене при жизни автора, она всем известна благодаря кинофильму «Иван Васильевич меняет профессию». Веселая лента Л. Гайдая несколько упростила идеи булгаковской пьесы, перевела их в разряд чистого комикования. Комикование, обыгрывание неожиданных ситуаций в пьесе и вправду есть. Положение писателя к середине 30-х годов было достаточно тяжелым, работать ему не давали, пьесы его не шли, и несколько неожиданное появление комедии, когда ему было явно не до смеха, объясняется, видимо, тем, что Булгаков заставил себя создать привлекательную репертуарную вещь, что в принципе ему удалось, хотя и не спасло положения. Но все-таки Булгаков не был способен создавать пустячки. За смешной чехардой прячутся вовсе не такие уж забавные подтексты. Домоуправ Бунша — тиран местного значения, он допекает подданных ему жильцов всевозможными параграфами и инструкциями, кляузничает, добровольно шпионит за молодым изобретателем. У Ю. Яковлева Бунша только смешон, а он ведь еще и страшен.

Для того чтобы из этого маленького тиранчика образовался сто-процентный деспот, нужна соответствующая среда. И вот она создана волею драматурга. Иван Васильевич Бунша оказывается на троне царя Ивана Васильевича. Есть где развернуться его мелкой мстительной душонке. И хотя придворные видят, что царь их дурак, а его подручный

Милославский — ворюга, самозванцам удается довольно долго продержаться у кормила власти. Страх и начальниколюбие во все времена заставляли видеть или, вернее, не видеть очевидное. И напротив, грозный Иван Грозный, перенесаясь в нашу эпоху, сникает, теряется и ни в чем не может проявить диктаторские наклонности. Нет страха — нет царя. Если цензоры тех лет именно эту мысль сочли в комедии крамольной, то, надо признать, они были проницательны.

Однако в рамках рассматриваемой темы для нас наиболее интересны две повести Булгакова — «Роковые яйца» и «Собачье сердце», в которых есть все необходимые признаки научно-фантастического жанра.

В основу их положены вполне оригинальные научные гипотезы. Как-то не вспоминается в мировой фантастике тех лет произведение, в котором бы с такой уверенностью трактовалась вполне современная идея о влиянии излучений на ускоренный рост клеток. Что же касается операции, превратившей беспородную псину в человекоподобное существо, — это, конечно, чистейший вымысел. Но выписана она со всем приличествующим фантастике экстракласса правдоподобием неправдоподобного, если воспользоваться выражением А. Толстого. Булгаков, как известно, был врачом по образованию, откуда и идет уверенность в использовании медицинских нюансов.

Но конечно, главное для Булгакова не гипотезы сами по себе. Его повести наглядно демонстрируют нелепость распространенного представления о фантастике как о разновидности научной популяризации, специализированной на рекламе научных предположений и патентов. Фантастика — это отрасль художественной литературы с собственными социальными и идейно-художественными задачами. Нет спора, научно-техническая посылка играет в ней важную роль, свежесть, оригинальность выдумки заставляют нас восторгаться силой авторского воображения.

Порой фантастам действительно удается предсказать грядущие достижения науки и техники, как это случилось с толстовским гиперболоидом, идея которого оказалась реализованной в квантовых генераторах, и кто знает, может быть, недалеко время, когда будет открыто нечто подобное красному лучу зоолога Персикова, персонажа «Роковых яиц». Но, отдавая должное изобретателям фантастических аппаратов, отметим, что их (аппаратов) роль в произведении все же вспомогательна. Не ради самого гиперболоида создавался «Гиперболоид», не ради красного луча писались «Роковые яйца». Экзотические гипотезы и причудливые приборы были нужны авторам только как фундамент для постройки здания главной, центральной идеи произведения, той идеи, ради которой книги были задуманы и написаны. Никакой другой фантастика быть не может или, точнее, быть не должна.

Итак, приглядимся поближе к повестям. «Роковые яйца» были дважды опубликованы в 1925 году, но ни разу не пере-

издавались до 1988 года, так что для сегодняшнего читателя их как бы и не было.

Сатирические произведения бывают разными по тональности. Так, И. Ильф и Е. Петров использовали фантастику, например, в повести «Светлая личность» (1928 г.). Доморощенный изобретатель сотворил мыло, которое сделано скромного совслужащего Филюрина невидимым, после чего в провинциальном городе Пищеславе произошло множество поучительных и забавных событий. Писатели весело расправлялись с «подопытными» объектами, они и вправду высмеивали их.

Булгаков тоже обладал умением вызывать заразительный смех, но события, которые он изобразил в повести «Роковые яйца», не располагают к веселью, а если между строк там и припрятался смех, то смех этот достаточно горек. За что же столь сурово писатель наказал своих героев? Вроде бы все так старались, чтобы было хорошо. Ученый Персиков случайно открыл «лучи жизни» и принялся изучать их с сугубо академическими целями. Он никому не собирался причинять зла. Газетчики, блюдя интересы читателей, оттесняли плечами друг друга. А ловкий организатор Александр Семенович Рокк тот и подавно стремился принести обществу наибольшую пользу и как можно быстрее восстановить куриное поголовье, погибшее в результате невиданного мора. За кадром остались, правда, типичные отечественные разгильдяи, которые перепутали ящики с куриными и со змеиными яйцами. Но вряд ли даже они заслуживали смертной казни. И вот такой ужасающий финал, изображенный писателем, может быть, даже с чрезмерным натурализмом! Рокк исчез, профессора растерзала разъяренная толпа, а змеи погубили совершенно невинных людей, в том числе жену Рокка Маню и двух отважных милиционеров, которые первыми вступили в борьбу с чудовищными гадами. Им-то за что такая кара? Но как известно, благими намерениями устлана дорога в ад, и именно невинные первыми гибнут из-за чьего-то равнодушия, ошибок, преступной халатности.

Научные открытия, вырвавшиеся из-под контроля, могут быть очень опасными. Для нас, живущих в конце XX века, это утверждение стало, пожалуй, банальностью. А вот тогда, в 1925 году, оно было менее очевидным, и нужна была недюжинная прозорливость писателя, чтобы с такой силой почувствовать опасность и призвать к максимальной осторожности при общении с неизведанными силами природы. Несмотря на то, что автор придал своему Персикову ряд черт традиционной профессорской чудаковатости, он не собирается его реабилитировать, ученый тоже виноват. Преступление совершилось из-за его высокомерия, его равнодушия, его самовлюбленности.

А Рокк? Рокк — недалекий авантюрист, который хватается за любое дело, ничего как следует не проверив, не испытав. Добиться сиюминутного успеха любой ценой! Предприимчивость, конечно, вещь неплохая, если не граничит с безответственностью.

Выстроенная сатириком модель, к несчастью, оказалась весьма жизнеспособной. Были у нас такие аграрии, которые тоже обещали неслыханные приросты чуть ли не за один полевой сезон. И не безответственные ли рокки затеяли неуместные эксперименты на четвертом реакторе Чернобыльской АЭС, столь дорого обошедшиеся нашему народу? А те, кто с безграничной легкостью проектировал поворот рек якобы тоже во имя всеобщего блага, разве они не подвели бы всю страну к неслыханной по масштабам беде?

Но было бы несправедливо ограничивать сатиру Булгакова только нашими, отечественными рамками. А СПИД, по одной из версий вырвавшийся из стен бактериологических лабораторий? Чем, собственно, отличается история появления и распространения этой страшной болезни от мрачной фантастической антиутопии? И мы еще не знаем, какие подарочки может преподнести людям так называемая генная инженерия, тоже вроде бы призванная облагодетельствовать человечество. Уже давно люди убедились, что любое открытие, любое достижение научно-технического прогресса может быть использовано против них самих. Это одна из центральных идей мировой фантастики, можно даже сказать, что во многом она и возникла как литература тревоги. Запах опасности фантасты почуяли намного раньше, чем всем остальным стали очевидны размеры бедствия, обрушившегося на человечество в XX веке. Главная его причина в том, что научно-технический прогресс обогнал прогресс нравственный...

Повесть «Собачье сердце» была написана в том же 1925 году, но у нас не обнародовалась до 1987 года.

А вот зарубежные публикации были; их издатели и комментаторы не упустили возможности лишний раз уколоть нашу страну. Мы же самым отказом опубликовать «Собачье сердце» как бы подтверждали: да, это произведение антисоветское, враждебное. Однако у Булгакова не было вражды к стране, к революции, к социализму. Была вражда к его извращениям, но разве такая вражда не помогает строить новое общество последовательным революционерам? Иначе пришлось бы стать на точку зрения преследователя Булгакова заведующего театральной секцией Главреперткома в конце 20-х годов В. Блюма, который был убежден, что сатира при социализме принципиально недопустима, так как в любом случае порочит новый строй. Именно Блюма «приложил» драматург в образе чинодрала Саввы Лукича в пьесе «Багровый остров».

В «Собачьем сердце» писатель решает иную, нежели в «Роковых яйцах», сатирическую задачу. Революция родила миллионы героев и энтузиастов, но она всколыхнула и обывательское болото. «Советский» мещанин стал заметной опасностью для молодой республики. Он быстро освоил новую терминологию, понял и приспособил для собственных целей лозунги и требования дня, а при возможности положил в карман и партийный билет. На борьбу с обывательщиной были

устремлены лучшие писательские силы — Маяковский, Зощенко, Ильф и Петров...

Появившийся в результате пересадки человеческого гипофиза в собачий мозг Полиграф Полиграфович Шариков, как он пожелал именоваться, сконцентрировал в себе все самое гнусное, самое пошлое, что только можно вообразить в облике мещанина, демагогически приладившегося к новой жизненной стилистике. Он настолько отвратителен, что даже бездомный, бродячий пес с его уличными манерами кажется куда симпатичнее того существа, в которое он превратился под ножом хирурга. У Шарика есть хотя бы зачатки представлений о чести, чувстве благодарности, например; у Шарикова, несмотря на человеческую внешность, ничего человеческого нет — он насквозь циничен и как-то по-особому мерзок, нет для него большей радости, чем напасть, обмануть, написать донос даже на собственного создателя... От собачьей основы он взял не лучшие ее свойства, а лишь звериные инстинкты — например, непреодолимую страсть к изничтожению кошек. Под людской внешностью кроется самая настоящая собака в худшем, ругательном смысле этого слова. С таким страшно и в людном месте столкнуться, а вообразим себе положение несчастных, оказавшихся во власти шариковых...

Анализ в «Собачьем сердце» произведен не только художественный, но — если хотите — и классовый. Именно такие люмпены, деклассированные элементы, лишенные прочных, вековых корней, которым ничто в окружающей жизни не дорого, не свято, именно они с патологической злобой уничтожали себе подобных и взрывали дивные строения на московских набережных и в глухих деревушках.

Кто может сомневаться в том, что вслед за кошками, которых столь сладострастно и вполне официально душит Шариков, последует расправа и с другими разновидностями млекопитающих. Вот уже и гнусный донос на своего создателя и кормильца состряпан. Затем и револьвер в лапе, простите, в руке, появился...

Герои повести искупают свой грех: прохвоста им удалось вернуть в более для него естественное хвостатое состояние. Но как бы ни было удовлетворено наше чувство справедливости таким финалом, оснований для ликования нет: в масштабах страны шариковы и швондеры оказались сильнее талантливых преображенских и решительных борменталей. Последствия их кровавого шаша, в котором они вместе с миллионами невинных стали кидать в адские печи и друг друга, мы ощущаем до сих пор.

Замысел писателя не был бы завершен, если бы рядом с Шариковым не маячил его создатель и антипод — профессор Преображенский. Для усиления контраста автор всячески напирал на барственные, вальяжные черты в профессорском облике. И тем не менее симпатии автора на его стороне. Можно думать, что именно это обстоятельство возмутило бы тогдашних булгаковских критиков — как

же это так, симпатизировать надутому индюку, вызывающе заявляющему, что не любит пролетариат. А любит ли пролетариат сам автор?!

Скажем, однако, два слова в защиту профессора. При всем своем сибаритстве Филипп Филиппович, между прочим, неутомимый труженик, врач, который безотказно лечит больных и очень хорошо лечит. Ведь он выдающийся хирург, а таким людям мы склонны прощать многое. Только лечи, дорогой!

Однако остался открытым вопрос: а для чего профессор проделал операцию над Шариком? Исключительно для удовлетворения научного тщеславия. Нравственные вопросы его не занимали. Его не интересовало, что может чувствовать убудочное существо, которое возникнет в результате операции. Конечно, столь сногшибательных результатов он не ожидал. Однако всякие опыты над человеческим мозгом — крайне деликатная область, можно и нехотя ввергнуть подопытных в неслыханные страдания. Так что жестокое наказание, которому подверг своего создателя сей уникальный гибрид, отчасти заслужено ученым. И это при всем том, что операцию, проведенную на бедолаге Шарике, мог совершить только гениальный хирург, да и научные результаты ее чрезвычайно ценны. Однако они не могут быть получены любой ценой — еще и такая мысль сквозит в подтексте «Собачьего сердца». Конечно, эта мысль попутная, главным для автора были обличительные, а не научные проблемы, но опять-таки как ко всякой оригинальной фантастической ситуации, к этой тоже нетрудно подыскать параллели в жизни, иногда поразительно схожие.

Казалось бы, перед нами абсолютная выдумка — нельзя же в самом-то деле смешать собачье и человеческое естество. Но вот в газетах мелькает сообщение о том, что некоторые ученые на Западе хотят слить яйцеклетки обезьяны и человека. И как в случае с героем рассказа, инициаторов этой затеи больше всего, видимо, привлекает сенсационность, а этические императивы вряд ли принимаются во внимание. Но что за существо может родиться от красавца-мужчины и симпатичной шимпанзики? Можно ли с уверенностью утверждать, что оно будет лишено даже проблесков разума? А если все-таки они появятся, эти проблески? И не усилят ли они звериных, агрессивных наклонностей, как это и произошло с креатурой Преображенского?.. Поистине, возвращение науке незапятнанной нравственности становится одним из главных условий прогрессивного развития человечества, а может быть, и его существования вообще. Слишком могучие и вправду фантастические возможности оказываются в ее руках. Сейчас вопросами научной этики и ответственности ученых обеспокоена и сама наука, но литература формирует общественное мнение, а оно может оказаться позффективнее любого конгресса.

Повести Булгакова по богатству мыслей, идей, ассоциаций, конечно, резко отличаются от обиходной научной фантастики, хотя в принципе те же вопросы морального и аморального в науке, те же раздумья о

границах допустимого в эксперименте над человеком мы можем найти, скажем, в романах А. Беляева «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», но по литературной части они не в силах соревноваться с булгаковскими повестями. Ведь, кроме всего прочего, в отличие от беляевских абстракций, «Роковые яйца» и «Собачье сердце» запечатлели свое время, дали реалистическую и весьма выразительную картину жизни 20-х годов; они — зеркало своего времени, литературный памятник эпохи.

И тут мы вернемся к мысли: только такой, философски глубокой, ассоциативной, высокохудожественной фантастика и должна быть, какие бы проблемы в ней ни разрабатывались — научные, этические, политические... Почему же все время раздавались призывы ограничить ее художественную силу, зажать в узкие рамки изобретательства и рационализаторства? Кому это выгодно? Очень сложный вопрос, подходить к нему следует со многих сторон. Истоки его находятся все в тех же 20-х годах.

* * *

Навязывание фантастике упрощенных функций велось в те годы более открыто, чем сейчас, более навязчиво — простите-за тавтологию. В 1929 году в журнале «Всемирный следопыт» можно было прочесть, например, такую информацию о результатах литературного конкурса: «Хотя эта (научно-фантастическая. — В. Р.) категория дала много рассказов, но из них очень мало с новыми проблемами, сколько-нибудь обоснованными научно, и с оригинальной их трактовкой. Особенно жаль, что совсем мало поступило рассказов по главному вопросу, выдвинутому требованиями конкурса, именно — химизации... Авторы... более заботились о приключениях своих героев, забывая главную цель таких произведений — попутно с действием, увлекательной фабулой ознакомить читателя с какой-нибудь отраслью знания, новейшими научными открытиями... Весьма удачной по идее и содержанию следует признать «Золотые россыпи» — эту бодрую обоснованную повесть о химизации полевого участка личной энергией крестьянского юноши...»

Видно, что успеха затеянная акция не принесла. Да и мыслимо ли себе представить, чтобы А. Толстой, М. Булгаков, А. Грин приняли бы сочинять рассказы о химизации? А ведь уже и в то время произведения Ж. Верна, Г. Уэллса, Ласвица, Жулавского, А. Толстого позволяли прийти к выводу, что главная цель фантастики совсем в другом.

Но пресса и критика продолжали выражать крайнее недовольство: «Вы не найдете здесь (в журналах. — В. Р.) ни одного научно-фантастического романа, где ставились бы актуальные проблемы планового народного хозяйства этой или будущих пятилеток, где делалась бы серьезная попытка какого-то синтетического предвидения в области техники и социалистической экономики...»

Спору нет, популяризаторская фантастика существует. Как правило, она обращена к детям, и фантастическая заставка используется в ней, для того чтобы придать занимательность сведениям, например, о прошлом животного и растительного мира Земли в «Плутонии» В. Обручева или о взаимоотношениях в среде насекомых в «Приключениях Карика и Вали» Я. Ларри. Свою задачу эти книги выполняли мастерски и заслуженно пережили свое время, потому что постоянно подрастает любознательный народец, очень интересующийся тем, как вблизи выглядит мамонт и что собой представляет удивительное существо под названием муравьиный лев.

Других идейно-художественных задач эти книги не выполняли, и к чести их создателей надо сказать, ни за что иное они себя не пытались выдавать. Хороших книг подобного рода в советской фантастике немного, хотя именно они имеют преимущественное право носить титул «научная фантастика» без всяких оговорок. Сейчас этот термин употребляется в более широком диапазоне (взять хотя бы название данного сборника) и обозначает он, пожалуй, лишь одно: отгораживает произведения, в которых мы имеем дело с миром реальным, данным нам, как говорится, в ощущение, от произведений, где задействованы призраки, русалки и прочие потусторонние граждане, хотя границы между фантастикой научной и фантастикой сказочной нынче тоже стали весьма зыбкими; попробуйте их провести, предположим, в гуслярском цикле К. Булычева.

Спор о научности и художественности научной фантастики — не просто литературный спор, это не только академический разговор о чистоте жанра. Это спор о приоритетах в жизни, о различном понимании того, какие ценности мы хотим вложить в души нашей молодежи. Будут ли это зацикленные изобретатели, которые рано или поздно превращаются в «чайников» — социально вредную породу, высмеянную Стругацкими в «Сказке о тройке», или это будут широко образованные, духовно щедрые натуры, открытые всем ветрам эпохи, не чуждые всем ее искусствам, жадные до всех проявлений жизни. Такой человек никогда не разрушит старинную церковь, даже если очень нужно прорыть канал.

К сожалению, в действительности (речь, конечно, не только о фантастике) нередко побеждали сухие вагнеровские прагматики. Ценился более всего специалист, которому вкладывались в голову профессиональные и политические знания, а культуре, одухотворенности, чувству красоты, любви к природе и прочим «буржуазным штучкам» обучать людей не только не считалось необходимым, подобные устремления иногда даже преследовались и высмеивались. Из воспитанных подобным образом «интеллигентов» первого поколения выросли учителя следующих выпусков советских специалистов, а потом и ученики их учеников. Воспитатели не могли передать своим слушателям того, чего сами не знали и не чувствовали. Их уровню, их интеллекту как

раз и импонировала примитивная «научная» фантастика о химизации тогда или компьютеризации сегодня. Другой фантастики они попросту не понимали, а потому и встречали ее в штыки.

Конечно, была мощная противоборствующая тенденция, собственно, о борьбе этих двух начал мы и ведем разговор. И одной из главных составляющих этой противоборствующей была сама литература.

Наша фантастика в лучших своих образцах — это литература новых горизонтов, больших социальных обобщений и страстных обличений всего того, что улеглось на дороге в будущее. Именно эта ее линия началась с «Аэлиты» А. Толстого, «Месс-Менд» М. Шагинян, «Треста Д. Е.» И. Эренбурга, «Мы» Е. Замятина, «Роковых яиц» и «Собачьего сердца» М. Булгакова...

В 20-х годах было много романтики и много трагедий, здесь содействовали комсомольцы-энтузиасты и укутанные в дорогие меха нэпманы, подобные профессору Преображенскому... Отразить это время, донести его правду, его полифонию можно только совместными усилиями всех литературных направлений. Как мы видели на примерах Замятина и Булгакова, достаточно широкий, достаточно демократический подход к литературе долгое время не пользовался у нас снисходительностью. По соображениям, далеким от литературных, в «обоймы» не попадали пусть и не столь уж многие, но по-своему замечательные писатели и книги.

В истории интересующего нас жанра чрезмерно последовательное утверждение убеждения, будто может существовать некая абсолютно «правильная», абсолютно «научная» фантастика, привело к тому, что долгое время критику практически не устраивало ни одно публикуемое произведение. В полезности, даже необходимости фантастики, особенно для молодежи, вроде бы никто не сомневался, но как только дело доходило до конкретики, начинался жестокий разнос. В первую очередь били талантливое, выходящее за рамки ординарности. Били не только сатиру, не только Замятина и Булгакова, подобной участи не избежал ни Толстой, ни Катаев, ни Грин, ни Белзев. Заодно доставалось Жюль Верну, Уэллсу, Майн Риду и др. Звучало это примерно в следующей тональности: «Ясна была во всей этой литературе и социологическая установка... Империалистических тенденций своих авторы не скрывали и разлагали ядом человеконенавистнической пропаганды миллионы своих юных читателей... У этих романов грех в том, что они возбуждают чисто индивидуалистические настроения читателя... и отвлекают его от действительности то в межпланетные пространства, то в недра земные, то в пучины морей...» (Революция и культура. — 1930. — № 1).

Тенденция эта — «долбать» самые лучшие, самые острые книги — оказалась весьма устойчивой. Она дожила до наших дней, но очень хотелось бы надеяться, что она не переживет их.

В наше время едва ли кто осмелится напрямую требовать от фан-

тастики включиться в пропаганду химизации. Но на практике огромная часть фантастики низводится до уровня убогого толкователя общеизвестных истин, а иногда и несусветной чепухи. Она перестала быть даже популяризаторской, создатели этого оригинального «жанра» вряд ли и обладают необходимой эрудицией, не говоря уже о литературных способностях. Они не только не соблюдают художественных законов, но, похоже, не подозревают об их существовании. Данная печатная продукция паразитирует на здоровом корне талантливой фантастики, по заслугам заработавшей у читателя неслыханную популярность, такую, что одной рубрики «НФ» достаточно для того, чтобы книга разошлась в мгновение ока. А многим авторам и издателям ничего больше и не надо. Был бы спрос — предложения будут в изобилии. Это одна из причин живучести серой, никчемной, нехудожественной фантастики. Ее очень легко создавать. А вот фантастику, какую пишет Булгаков, поди-ка сочини!

Но есть и другие, более глубокие причины на первый взгляд парадоксального стремления спихнуть фантастику с художественных высот в болото пустословия.

Смелая и талантливая фантастика пугает иных администраторов — литературных и издательских. Уже упомянутый Савва Лукич из «Багрового острова» — убийственный портрет именно такого чиновника от культуры, который присвоил себе право единолично решать судьбу произведений искусства. Он-то всегда лучше автора знает, что «правильно», что «выдержано» и каким должен быть финал. Жаль, что Савва Лукич не остался в далеких 20-х годах.

Разумеется, не только с фантастикой и не только с литературой расправлялись лукичи. Их стараниями была отсечена значительная часть богатейшего советского послереволюционного искусства, открывшего новые пути художественного освоения действительности. Человечество с благодарностью отправилось по этим путям, а у себя на родине они оказались перекрытыми. А музыка? А Шостакович? А уже в недавние дни многие кинофильмы, авторская песня, Окуджава, Высоцкий? Можно было бы поговорить и о том, к каким настроениям среди молодежи привели эти бессмысленные запреты, но вернемся к нашей теме.

Что же именно больше всего не устраивало лукичей в фантастике? Некая аура независимости, свободомыслия, которой она ухитрялась окружать себя. Но ведь истинная фантастика, построенная на полете воображения, и не может быть иной. Фантастика потому и фантастика, что она не напрямую отражает действительность, она ее как бы творит, она создает собственные модели. В этих моделях жизненные пропорции всегда бывают нарушенными, опять-таки на то она и фантастика. Из-за этого иные углы начинают выпирать, становятся рельефнее, заметнее, острее. Мимо них нельзя проскочить, не обратив внимания или даже не уколовшись. А уколовшись, читатель начинает озираться и думать — с чем же таким он столкнулся? С точки зрения пугливой достовер-

ности появление гигантских анаконд в окрестностях Можайска или скоропалительное превращение дворяни в человека — категорическая чушь, но с какой силой работают эти фантастические приемы, чтобы разоблачить авантюризм рокков или собачье нутро демагогов и приспособленцев. Мало того что модель нарушает привычные соотношения, ее условность может быть еще и многозначной, она допускает различные интерпретации, к тому же изменяющиеся во времени. Известно, что свифтовские лилипуты пародировали английские политические партии того времени. Но какое дело современному читателю до грызни между тори и вигами в конце XVII столетия, а гениальные образы Свифта продолжают жить и бороться. Например, знаменитая лилипутская война между сторонниками разбивать яйца с острого конца и их противниками-тупоконечниками служит прекрасным символом многих политических баталий, и не только политических, понятно.

Можно думать, что именно эта многозначность и пугает. Мало ли какие ассоциации, или, как нынче говорят, аллюзии, придут юному читателю в голову. Как бы чего не вышло. Нет уж, лучше иметь дело с литературой, которая займется воспеванием химизации и, следовательно, не будет вызывать у читателя никаких мыслей. Ведь просто запретить фантастику было невозможно, к ней тянулось молодое поколение. Вот ему и начали подсовывать со знанием дела суррогаты, выдавая их за главную задачу жанра. Потому и процветает серая фантастика, что она все еще расценивается как совсем не опасная, если, конечно, не считать эстетического вреда, наносимого ею читательскому вкусу, а также потерь бумаги и времени на ее чтение.

Разумеется, лукичи не всегда действовали с помощью прямых запретов. Они умели поддерживать определенную общественную атмосферу, в которой непременно находилось достаточное число доброхотов. Некоторые из них, несомненно, искренне считали, что выполняют важную идеологическую миссию, другие старались изо всех сил по конъюнктурным соображениям. Давно уже осуждена разухабистая, так называемая рапповская, критика, и действительно, приходишь в ужас, читая эти судебные приговоры. С классовыми врагами говорили более уважительно, приходилось соблюдать хотя бы дипломатический этикет. И все-таки мотивы поведения хулителей 20-х годов можно понять скорее, нежели их послевоенных последователей.

Стоит ли специально оговариваться, что все эти «пугающие» свойства фантастики на самом деле ее непреходящее преимущество, ее основная ценность; для расковывания воображения она и создается и читается, все остальное лишь досадное растраниживание времени. Стоит ли добавлять, что, несмотря ни на что, советская фантастика выстояла и победила, и ее победами можно заставить не один стеллаж. Но тут не требуется чрезмерно бравурный тон. Мы не знаем, скольких талантливых произведений мы не досчитались, почему, например, отошел от фантастики Алексей Толстой и многие другие крупные писатели.

И нормально ли, что некоторые произведения возвращаются к нам только сегодня, после стольких лет небытия? Разумеется, фантастика — это не автономный район, тысячами нитей она связана со своей эпохой, со всей культурой, со всей литературой. Вне исторического контекста понять ее эволюцию нельзя. И то, что сегодня мы имеем возможность пересмотреть и дополнить историю советской фантастики, объясняется, конечно, прежде всего общей демократизацией нашей жизни, возвращением к естественной и достойной широте взглядов, к терпимости выслушивать различные точки зрения без немедленного объявления их происками мирового империализма. Хотя, понятно, отсылать не понравившихся по указанному адресу проще и результативней. Но скольких же потенциальных сторонников мы оттолкнули от себя, от нашей страны, от нашей идеологии неуклюжими маневрами!

* * *

Переместимся из 20-х годов в 30-е. Фантастика 30-х годов несла на себе отпечаток сурового предвоенного десятилетия. Она стала суше, рациональнее, прямолинейнее; в далекое будущее она начала вглядываться с робостью. Были, конечно, факторы, которые поддерживали интерес к ней, — героическая эпопея Арктики, например, или все более вырисовывающаяся угроза войны. Но другие причины мешали ее развитию, и нельзя сказать, что помехи были неэффективными.

Об этом можно судить даже по характерным частностям, например, из фантастики 30-х годов исчезла тема атомной энергии, что называется напрочь. А в 20-х годах она встречалась чуть ли не в каждой второй книжке, и надо сказать, что писатели, в общем, правильно предугадывали опасность этого адского пламени. А теперь, когда в затылок учащенно дышал ядерный век, — молчание. Даже в книгах о будущей войне — ни полсловечка. Не будем говорить о таких романах, как «На Востоке» П. Павленко или «Первый удар» Н. Шпанова, авторы которых пытались заглянуть в ближайший, завтрашний день. Но даже в «Пылающем острове» А. Казанцева, где автор вывел на авансцену самое сверхсовременное оружие, какое только смог придумать, — упоминаний об атоме тоже не было.

Почему так происходило? Может быть, писатели позабыли про такой физический феномен или перестали считать его важным? Нет. Не вдруг и не случайно фантастика 30-х годов во главе с ее лидером А. Беляевым уверовала в то, что у нее нет и быть не может собственного мнения и достоинства, что она всего лишь скромненькая служка у амвона великой Науки. А раз так, то авторитет науки, мнение ученого становились для нее верховным судьей, и она была обязана, стоя по стойке «смирно», выслушивать замечания, скажем так, не всегда мудрые.

Понятно, подобные укоры в адрес фантастики — а ее «анализировали» все кому не лень, очевидно, это считалось хорошим тоном —

были побочным результатом тогдашних научных представлений. А иные представления, догматические особенно, утверждались весьма категорично. Бывший президент Академии наук СССР академик А. П. Александров удивляется в своих воспоминаниях: «В 1936 году на сессии Академии наук наш институт критиковали за то, что в нем ведутся «не имеющие практической перспективы» работы по ядерной физике. Сейчас даже трудно представить, что это происходило всего лишь за 2—3 года до открытия деления урана и обнаружения при этом вылета нейтронов из ядра, когда всем физикам стало ясно, что возникла перспектива использования ядерной энергии».

На отношении некоторых «авторитетов» в 30—40-х годах к субатомной физике, квантовой механике, теории относительности, генетике нам сейчас останавливаться недосуг, мы же ведем речь о литературной истории. И если об этом стоит вспомнить, то только для того, чтобы еще раз уяснить: на таких критериях фантастика строиться вообще не может, ведь утверждение о примате научности продолжает внедряться до сих пор, как бы узаконивая тот серый техницизм, о котором уже шла речь.

Нет, писатель-фантаст вовсе не должен отвечать перед читателем за точность научных формул, он даже может позволить себе не следовать законам природы. Все дело только в одном — зачем он их нарушает (если нарушает), зачем он фантазирует, какую цель, какую идею вкладывает в свои фантазии, какими мыслями руководствуется. Вот за благородство и гуманность этих мыслей он отвечает сполна — и перед читателями, и перед критикой, и перед собственной совестью. А говорить о научности фантастики следует лишь в высшем смысле этого слова, как об отражении научности мировоззрения, но в этом отношении писатель-фантаст вряд ли принципиально отличается от собратьев по другим родам войск.

В 30-х годах этого не понимали решительно. Скорее, не желали понимать. Вот, например, «Фельетон физика» Я. Дорфмана (Звезда. — 1932. — № 5), весьма характерный для тех времен по своей чванливой безапелляционности. Диспозиция, с которой автор идет на приступ, проста донельзя: «Наилучшие научно-фантастические произведения являются предвидениями, рано или поздно осуществляются на деле». Хотя нам ясно, что такая критическая методология — грубое вульгаризаторство, но попробуем встать на его точку зрения. Как же мы будем судить, что осуществилось, а что нет? Не подождать ли с оценкой произведений до поры до времени? Нет, автор берется выносить приговоры незамедлительно; якобы с научных позиций он, например, разносит в пух и прах самую идею космических полетов, даже скромных — на Луну. «А зачем, собственно говоря, нам нужна эта Луна, какая цель преследуется полетом на Луну?» — грозно вопрошает Дорфман. Это при живом-то Циолковском! Между прочим, даже в песнях того времени звучало:

**Можно быть комсомольцем ретивым
И мечтать полететь на Луну...**

Но песни песнями, а кому-то очень нужно было приземлится, а то и вовсе уничтожить комсомольскую мечту. Вряд ли автор фельетона выражал только свои личные чаяния. Его бы попросту не напечатали. Дискуссионные мысли тогда не очень поощрялись. Считалось, что верной может быть только одна точка зрения.

С тем же ученым видом Дорфман агрессивно «доказал», что разложение атомов не может служить источником энергии. Действительность опровергла ученого-педанта даже в мелочах, в деталях. Так, в романе Я. Зеликовича «Следующий мир» упоминаются генераторы атомной энергии с рубиновыми объективами, за что Дорфман особенно долго издевался над сочинителем. Очень бы хотелось, чтобы физик-фельетонист дожил до появления первых лазеров именно с рубиновыми «объективами». По-своему замечателен, даже уникален заключительный абзац Дорфмана: «...научно-фантастическая литература по широте своих тем и многообразию вопросов требует от автора гигантской эрудиции, колоссальных знаний, поразительной способности ориентироваться в сложнейших научных и практических проблемах. Такого автора нет и, пожалуй, быть не может... Значит, он может быть заменен коллективом писателей, ученых, техников, экономистов-политиков и т. д. Значит, научно-фантастическая литература может быть результатом действительно коллективного творчества».

Трудно сказать, верил ли сам автор в возможность подобного бригадного метода или говорил это для красного словца, но созданию творческого настроения у писателей-одиночек, чуть было не сказал индивидуалистов, вроде А. Беляева, подобные высказывания, разумеется, не способствовали. Атмосфера была такова, что тот же Беляев вынужден был согласиться на публикацию своего «Человека-амфибии» с послесловием одного бестактного профессора, который тут же «опровергал» фантаста.

Остались в памяти лишь те книги, авторы которых сумели хоть в какой-то степени противостоять подобным взглядам. К чести нашей фантастики надо сказать, что такие книги не переставали выходить, хотя были годы, когда их было меньше, чем хотелось бы.

* * *

Во второй половине 30-х годов на первый план выдвигается оборонная фантастика: с восточных и западных границ страны потянуло порохом. Появились легковесные создания вроде повести Н. Шпанова «Первый удар», или «Истребителя-22» С. Беляева, или

кинофильма «Если завтра война...» Заглянем для примера в первое из названных произведений.

Книга-предсказание Николая Шпанова «Первый удар» вышла в свет в 1939 году. Она имела подзаголовок: «Повесть о будущей войне». Враг в ней был назван правильно и прямо. На этом, пожалуй, прогностические способности автора исчерпываются.

Герои Шпанова — авиаторы крупного соединения СБД (скоростные бомбардировщики дальнего действия). Тема — внезапное нападение гитлеровской Германии на нашу страну и незамедлительный отпор, который дают фашистам Советские Вооруженные Силы, конкретно военно-воздушные. Происходит это следующим образом. Агрессоры нагло рассчитывали проникнуть в глубь нашей территории на 45—70 километров, но были остановлены истребительными частями советского охранения на глубине от 2 до 4 километров. Лаконичные военные сводки сообщают: «В 16 час 57 мин 18 августа передовые посты ВНОС обнаружили приближение противника... В 17 час 01 мин начался воздушный бой... В 17 час 30 мин последний неприятельский самолет первой волны покинул пределы Союза...» Немедленно поднимается орудие возмездия — сводная эскадра, несколько сот бомбардировщиков. Они делают вид, что летят к Берлину, но главная их задача — ликвидировать военно-промышленный комплекс вокруг Нюрнберга. Противовоздушные силы Германии оказываются не в состоянии помешать их полету. Основное сражение над территорией Германии приводит к тому, что люфтваффе лишилось 350 боевых машин. Наши — четырнадцать.

Не то чтобы совсем уж беспрепятственно, но и без серьезных осложнений эскадра добирается до цели и «с поразительной точностью» уничтожает подземные и наземные заводы, электростанции, склады отравляющих веществ и горючего, взрывает плотину... Рейд советских самолетов имел еще одно очень важное последствие: «Вода еще журчала на улицах Нюрнберга, пламя бушевало в кварталах военных заводов, когда подпольные организации Народного фронта взяли на себя руководство восстанием». Наземные части Красной Армии «отбросили первый натиск германских частей и форсируют линию укреплений уже на территории противника». Словом, через 12 часов после начала войны у Германии нет другого выхода кроме капитуляции.

Правда, под конец автор, видимо, спохватился, уж больно просто все у него получилось. И вложил одному из героев слова о том, что война только начинается, упоминается также всеобщая мобилизация, хотя в обрисованной им ситуации не совсем даже ясно: а зачем она?

В художественном отношении повесть Шпанова — абсолютный нуль, но как знамение времени эта книга — характерный документ. Пожалуй, больше нигде бодряческие настроения не были доведены

до такого абсурда. Прочитанная под верным углом зрения, повесть могла бы многим раскрыть глаза на несостоятельность шапкозакладательских доктрин. Беда в том, что тогда трудно было выбрать верный угол зрения. Если бы автору в 1939 году сказали, что его книга психологически разоружает советский народ перед лицом смертельной опасности, он был бы неподдельно возмущен. А человеку, высказавшему подобное мнение, в те годы могло и не поздоровиться.

Конечно, заранее представить себе то, что произошло в первые месяцы Великой Отечественной войны, было очень трудно. А впрочем! Вот отрывок из дневника московского девятиклассника Льва Федотова, написанный 5 июня 1941 года: «...я думаю, что война начнется или во второй половине этого месяца... или в начале июля, но не позже, ибо германцы будут стремиться окончить войну до морозов... До зимы они нас не победят, а наша зима их полностью доконает, как это было в 1812 году с Бонапартом... Победа победой, но вот то, что мы сможем потерять в первую половину войны много территории, это возможно... Как это ни тяжело, но вполне возможно, что мы оставим немцам... такие центры, как Житомир, Винница, Витебск, Псков, Гомель... Что касается столиц наших республик, то Минск мы, очевидно, сдадим, Киев немцы тоже могут захватить, но с непомерно большими трудностями... То, что Ленинграда немцам не видать, это я уверен твердо, если это случится, то это будет не раньше, чем падет его последний защитник...» Сегодня пророческие строчки юноши выглядят куда большей фантастикой, чем стряпня профессионального литератора.

Но не будем требовать слишком многого. Чтобы так предвидеть, надо было обладать особой проницательностью. Впрочем, если ты назвался фантастом... Нет, будем честны, вряд ли хоть один автор решился бы живописать сдачу русских, белорусских, украинских городов, ужас разбитых переправ, трагедию народного ополчения под Москвой и величественную эпопею Брестской крепости... А если бы и решился, шансов увидеть свет у его сочинения не было. Такого рода претензии предъявлять Шпанову мы не будем даже сегодня. Но кое в чем можем и предъявить.

Взявшись за тему будущей войны с фашизмом, автор был обязан осознать и постараться довести до читателя ее нешуточную, невероятную трудность. А это в 1939 году уже можно было понимать. Это понимал, например, М. Кольцов в своих «Испанских дневниках», Э. Генри в книге «Гитлер против СССР», без зазнайства готовился к войне герой пьесы К. Симонова «Парень из нашего города». Впрочем, мы сейчас ведем речь о фантастике. Что ж, у фантаста Шпанова был в резерве по крайней мере один достойный выход: не сочинять свою вредную околесицу. Но мы не должны забывать, что опять-таки кого-то очень устраивала подобная писанина. Ведь «Пер-

вый удар» был напечатан в самом массовом издании тех лет — «Роман-газете».

Разумеется, позорной книжкой Шпанова оборонная тема в фантастике 30-х годов не исчерпывалась и не могла исчерпаться.

Казалось бы, что содержание романов Юрия Долгушина «Генератор чудес» (или «ГЧ») и Александра Казанцева «Пылающий остров» несравненно дальше от реальной действительности, чем «Первый удар», действие которого протекает в реальных границах, над реальными городами, названы реально существующие военные части... А вот поди ж ты! Парадоксальная вещь фантастика — порой, чем дальше она отходит от действительности, тем ближе приближается к ней. Построенные на выдумке названные книги гораздо вернее, чем лживая повесть Шпанова, донесли до нас атмосферу предвоенных лет, приближение большой беды.

* * *

«Генератор чудес» был напечатан в 1939-1940 годах в журнале «Техника — молодежи» и отдельным изданием выйти до войны не успел, хотя, как свидетельствует сам автор, роман вызвал отклик в читательских сердцах: писатель получил массу писем, организовывались читательские конференции.

Готовя роман к переизданию через полтора десятка лет, автор неизбежно должен был почувствовать на себе «проклятие» фантастики, повествующей о недалеком будущем (которая не имеет ничего общего с фантастикой «ближнего прицела», о ней речь впереди). Жизнь проэкзаменовала автора: оказались ли верными его прогнозы и предположения. И что же? Отгремела великая война, но ведь не употреблялись в ней чудесные генераторы, способные усыпить целое войско, никто и по сей день не лечит болезни сверхкороткими волнами, по крайней мере так, как это описано в романе. По «методологии», предполагаемой Я. Дорфманом, такое произведение следовало бы бросить в корзину. А мы все-таки подождем его бросать... Долгушин рассказал в предисловии, как ему рекомендовали перенести действие в сегодняшний день или даже в будущее, изменить биографии героев, словом, написать новое произведение. И хотя «ГЧ» подвергся серьезной редакции, принципиально он не изменился и именно благодаря этому остался значительным явлением советской фантастики конца 30-х годов.

В романе передана предгрозовая атмосфера. Схвачены многие черточки тех лет. Например, повальное увлечение радиолюбительством. Немало энтузиастов, подобных Николаю Тунгусову, просиживали ночи над самодельными коротковолновыми установками, ловя голоса далеких континентов и отчаянно завидуя таким известным радистам, как Э. Кренкель. Характерна фигура наркома — од-

ного из представителей ленинской гвардии. Впечатляющи успехи советской науки — медицины и биологии, свободных от прессинга лысенковщины. В масштабной фигуре профессора Ригана автор, как он сам пишет, пытался соединить черты нескольких известных ему ученых, но к его списку можно было бы присоединить таких энциклопедистов, как Вернадский, Н. Вавилов, Четвериков, Серебровский, Юдин, и многих других. И даже то, что роман совсем умолчал о многих реальных трудностях тех лет, — тоже черта времени, и Ю. Долгушин правильно сделал, что не стал его «исправлять» задним числом.

Но как быть с теми научными идеями, которые высказывает автор главным образом устами Ригана? Круг этих идей весьма широк и касается не только прикладных применений ультракоротковолнового генератора, затронуты общие проблемы развития человеческого организма, новые методы лечения болезней, возможность победы над старостью... Можно ли утверждать, что фантаст заблуждался, ведь в действительности наука и впрямь не пошла (пока по крайней мере) по пути Ригана. Нет, как раз Долгушин стоял на правильном пути, еще раз повторим, что фантаст, литератор не обязан быть точным в своих частных прогнозах. Зато его гипотезы привлекали свежестью и смелостью, они были направлены на свержение доктринеров и консерваторов, они учили молодежь без боязни ставить цели, достижение которых кем-то признано невозможным. Да, нет такого генератора и волн мозга, может быть, тоже нет (а может быть, и есть), но описаны эксперименты на ГЧ так убедительно, что очень хочется, чтобы это было правдой. Да, нельзя оживить через несколько часов после смерти утопленную девушку, но страницы воскрешения Анны выполнены прекрасно, и это действительно фантастика, действительно мечта, и автор имеет на такую благородную выдумку полное право.

«ГЧ», пожалуй, редкий случай подлинно научной фантастики в том смысле, что действие книги происходит в среде ученых и большая часть разговоров впрямую идет о науке. Но по-иному, видимо, и вообще нельзя создавать художественные произведения о науке, об ученых. Произведения неизбежно должны включать в себя больший или меньший элемент фантастики. Вот почему. Предположим, автор задался целью написать реалистический роман об ученых наших дней. Нельзя же совсем не говорить о предмете их занятий. Но ведь у каждой научной теории, гипотезы, открытия всегда есть конкретные авторы. Не может же писатель взять идеи у реально существующих людей и вложить их в головы своих героев, совсем, можно сказать, посторонних граждан, нельзя же, к примеру, приписать открытие лазерного излучения не Басову и Прохорову. Но нельзя и требовать от литератора точного следо-

вания жизненным фактам, это уже будет документальная, а не художественная проза. Тут-то фантастика и предлагает выход.

* * *

Первоначальный замысел «Пылающего острова» был изложен в киносценарии «Аренида», представленном на конкурс в 1939 году. Тогда у А. Казанцева был соавтор И. Шапиро. Роман начал свой путь к читателю с газеты «Пионерская правда», успел выйти отдельным изданием еще до войны, затем неоднократно переиздавался.

По жанру перед нами традиционный роман-катастрофа, но гипотеза придумана оригинально, а картины задыхающейся земли, воздух которой сгорает в топке гигантского пожара, изображены с такой выразительностью, что и впрямь становится жутко. Катастрофа эта — не стихийное бедствие. И хотя конкретной причиной пожара на острове Аренида были действия внезапно прозревшего доктора, который вдруг понял, что его поиски универсального и дешевого топлива приведут к созданию еще одного вида оружия массового уничтожения, на самом деле причины пожара более глубокие — виновником его следует считать милитаристские и империалистические круги, или, говоря современным языком, военно-промышленный комплекс, и впрямь натворивший немало бед в нашем столетии. Такого термина тогда не было, но черты этого злокачественного образования писатель увидел и передал, а фигура главы международного военного концерна Фредерика Вельта может считаться одной из удач советской фантастики.

Конечно, ничего подобного пожару на Арениде быть не может, и пятый окисел азота не существует, так что и здесь совсем не то предсказание, которое может осуществиться, и этот автор далеко отошел от строгих предписаний, но зато его пожар — символ грозных сил, которые современная наука в состоянии, сама того не желая, выпустить из ящика Пандоры. А нападение Вельта на Советский Союз, занятый спасением человечества, тоже нельзя не рассматривать в весьма современном контексте.

Литературные и идейные достоинства романа очень высоко оценены И. Ефремовым: «Несколько поколений читателей знают и любят эту книгу».

Но для неоднократных переизданий романа автор выбрал методу, диаметрально противоположную долгушинской. От издания к изданию Казанцев начал перерабатывать, дополнять и осовременивать свой текст. Появились упоминания об атомной энергии, о радиоактивности. Появились места, где говорится о минувшей войне, о реалиях сегодняшнего дня. Но при этом автор неизбежно должен был впасть в неразрешимые противоречия: роман лишился временной определенности. Если его действие происходит уже после строитель-

ва БАМа (есть такая ссылка в новом издании), то значит точка отсчета переместилась лет на сорок вперед. Но ведь весь основной сюжетный каркас не изменился, и то, что выглядело естественным для конца 30-х годов, сегодня стало неестественным, а чаще нелепым. Люди, герои романа, остались в прошлом, они, как говорится, типичные представители довоенных лет.

В романе была описана будущая для конца 30-х годов война. И в этом главный интерес книги — так ее представляли люди тех лет. Но после Великой Отечественной войны, а тем более в наши дни так ее представлять уже, увы, невозможно. Чудовищный сухопутный броненосец мог производить впечатление в те годы, сегодня он смешон. Магнат Вельт действует в духе военных доктрин того времени, насылая на Советский Союз армады бомбардировщиков; сегодня его духовные сродственники угрожают ракетно-ядерной атакой. Странное впечатление производит также почти полное отсутствие на мировой арене в момент острейшего глобального кризиса Соединенных Штатов Америки, но это опять-таки понятно в условиях 30-х годов, когда главную опасность справедливо усматривали в Германии и Японии.

Подобных противоречий — масса, и если бы сам автор захотел свести все концы с концами, то ему пришлось бы полностью переписать книгу, но это не был бы хорошо нам знакомый «Пылающий остров». Уже не раз приходилось повторять мысль, что произведение фантастики, казалось бы, обращенное в весьма далекое будущее, теснейшим образом связано со своим временем. Различные издания «Пылающего острова» доказывают это наглядно...

* * *

Во время Великой Отечественной войны фантастики не было. Нелегко догадаться — почему. Победа над фашистскими агрессорами одержана благодаря мужеству и самоотверженности нашего народа. В руках советских солдат была добротная боевая техника, но не было никакого «сверхсекретного» чудо-оружия, которое сделало бы победу легкой и бескровной, хотя не составляет никакого труда придумать его, особенно после окончания войны. Оказывается, есть исторические реалии, применительно к которым фантастика остается не только бессильной, но и бестактной. Действительность была настолько величественной и трагедийной, что отвергала всякое приукрашивание.

Чуть ли не единственным исключением в литературе военных лет оказался роман все того же Шпанова «Тайна профессора Бураго», который выходил отдельными выпусками, в то время неоконченными. В полном виде роман был напечатан в 1958 году под названием «Война невидимок».

Главы романа, относящиеся к предвоенной жизни, были написаны еще до войны, они близки по настроению хотя бы к «ГЧ» — сделано

крупное оборонное открытие, вокруг которого уживаются немецкие агенты. В то время литературные шпионы любили напяливать на себя обличье дворников, хотя много ли военных секретов может пройти через руки представителей этой уважаемой профессии? А заканчивая произведение после войны, автор столкнулся с уже упомянутыми противоречиями. Война окончилась, но окрашивающие составы, делающие рубку подлодки невидимой, в ней не употреблялись. Кроме того, появился непредусмотренный автором радар, лучи которого сделали бессмысленным подобное изобретение, даже если бы оно было возможным. Автор и его герои были вынуждены в конце романа объявить свои разработки бесперспективными и ненужными, роман, таким образом, потерял фантастический характер и превратился в обыкновенное военно-приключенческое повествование.

Насколько я могу вспомнить детские впечатления, «Тайна профессора Бугаго» пользовалась среди школьников военного времени отчаянной популярностью скорее всего потому, что подобной литературы почти и даже не почти, а совсем не было.

Сейчас, когда создана большая библиотека произведений о подвигах советских разведчиков во вражеском тылу, «Война невидимок» поражает неприкрытой беспомощностью и несерьезностью. Похоже, что взрослые дяди ведут не смертельную игру противоборствующих разведок, а играют в пряталки: один из участников закрывает глаза ладошкой и начинает громко считать, чтобы дать возможность остальным укрыться за ближайшим деревом...

* * *

Послевоенное десятилетие прошло под знаком так называемой фантастики «ближнего прицела», прямой наследницы критики 30-х годов, отвергавшей, как мы помним, и космические полеты, и овладение сокровенными тайнами природы, и загляд в далекое будущее. Трубадуры этого «учения» добровольно надели на себя шоры и всех остальных заставляли сделать то же самое. С. Иванов в статье, которую можно назвать программной (Октябрь. — 1950. — № 1), писал: «Разве постановление о полезащитных лесных полосах, рассчитанное на пятнадцатилетний срок, в течение которого должна быть коренным образом преображена почти половина нашей страны, преображена настолько, что изменится даже климат, — разве это постановление не является исключительно благодатным материалом для настоящих фантастов?»

«В самом деле, посмотрим, например, к каким колоссальным изменениям буквально во всех отраслях нашей жизни приведет осуществление одной из конкретных задач — годовой выплавки шестидесяти миллионов тонн стали, — и перед нами во всей своей широте развертывается картина комплексного развития страны...»

Это, так сказать, принципиальное стратегическое нацеливание фан-

тастики. А вот и некоторые из конкретных оценок: «Его (С. Беляева. — В. Р.) роман «Приключения Сэмюэля Пингля», проникнутый духом низкопоклонства перед границей, был отвергнут советской общественностью...», «Порочными надо назвать и рассказы ленинградского писателя Л. Успенского, который звал советских писателей учиться у Запада...», «Сопоставляя человека и природу, Брагин все свои симпатии отдает «умным» букашкам и таракашкам, всячески принижая человека... На основе этого порочного вывода делаются столь же неверные и другие: о необходимости для человека с благоговением относиться к природе, к ее «чудесам», а не бороться с природой, не подчинять ее человеку, не ставить ее на службу человеку»...

И штемпельюющий вывод: «Их «произведения» народу не нужны».

Слышите знакомые интонации: малейшее обвинение — и тут же политический ярлык! И все от имени народа.

Сегодня можно только поражаться, с каким энтузиазмом и пафосом утверждалась подобная галиматья, на первый взгляд трудно объяснимая даже с позиций того времени. В самом-то деле, чего уж такого страшного в стремлении, скажем, помечтать о полете на Луну или о прекрасном мире будущего за пределами текущей пятилетки? Но ходить по означенным газонам категорически воспрещалось, хотя речь шла вовсе не о социальных аспектах мечтаний и уж тем более не о сатире, всего лишь о научно-технических поползновениях. Тем не менее обыкновенный звездолет был бы проклят как исчадь ада. За всеми этими нападками стоял страх мещан в политике и литературе перед раскрепощением воображения, перед самостоятельностью и независимостью мышления, хотя совершенно очевидно, что именно эти качества надо воспитывать у строителей нового общества в самую первую очередь. Но вдохновителей подобных кампаний чересчур самостоятельные строители как раз и не устраивали.

Еще более удивительно, с какой готовностью довольно большая группа писателей (не все, впрочем) взяла эти установки на вооружение и принялась сочинять рассказ за рассказом, рекордные по своей пустоте и блеклости. Тут уж не надо было не только воображать, но даже думать: представил себе наскоро, скажем, прибор для обнаружения металлических предметов под землей, и садись писать фантастику.

И уж совсем необъясним тот факт, что трижды осмеянная и отвергнутая фантастика «ближнего прицела» дожила до наших дней. Если не в теории, то на практике некоторые писатели не смогли, а скорее, не захотели выходить за очень удобные для них рамки. И никакая критика не смогла остановить множества изданий и, главным образом, переизданий.

Взять хотя бы книги Владимира Немцова. Они многочисленны и потому не будем их даже перечислять. Вот типичная для него повесть «Альтаир». О чем она? Если говорить о фантастической стороне, то в ней одни молодые люди конструируют портативный радиопередат-

чик, а другие молодые люди — портативный телепередатчик. Этот последний по ошибке попал не на тот грузовик и был увезен в неизвестном направлении. Периодически он включается и передает простирающиеся перед объективом пейзажи. Изобретатели гонятся за ним чуть ли не по всей европейской части СССР, в чем и состоит приключенческий сюжет повествования. И все. Ни жизненных конфликтов, ни человеческих характеров, каждый из героев — сплошное собрание приятств, как выражались в старину. Никакая это не фантастика, а обыкновенная производственная повесть, но без признаков тех достоинств, которые должны быть присущи художественной прозе. Нет в «Алтаире» и реальных примет времени. Но все же повесть несет на себе отпечаток эпохи — она наводит румянец на трудные послевоенные годы, создавая впечатление, что никаких трудностей не существовало совсем.

Вне всякого сомнения, не стоило вспоминать об этом старом и ничем не примечательном сочинении, если бы «Алтаир» (и не только он) не был бы в очередной раз переиздан в 1987 году массовым тиражом. Видимо, издательство пришло к выводу, что ничего лучшего, ничего более свежего дать молодому читателю в разгар перестройки не может.

* * *

Ветер развеивал над миром пепел жертв Хиросимы, уже давала ток первая атомная электростанция, уже Главный Конструктор передал на завод чертежи первого искусственного спутника Земли, уже будущий Первый Космонавт приобщился к авиации, а апологеты приземленности все еще хватали писателей и читателей за фалды и предписывали ограничиваться гидропоникой.

Время требовало иного пафоса, и чуткие художники ощущали эти требования. В 1954 году в Колонном зале Дома союзов на II Всесоюзном съезде писателей выступил известный советский кинорежиссер Александр Довженко. Вот что он, в частности, сказал: «Как известно из высказываний крупнейших ученых, человечество в ближайшие сорок лет, то есть до двухтысячного года, обследует твердь Солнечной системы... При жизни доброй половины нас, а может быть 90 процентов, эта задача будет решена. Что ж как не кино перенесет нас зримо в иные миры, на другие планеты? Что расширит наш духовный мир, наше познание до размеров поистине фантастических? Кинематография. Какие просторы раскрываются для творчества перед современным писателем кино! Сколько открытий ждет его в этой изумительной деятельности».

«Мы, — вспоминал Ираклий Андроников, — слушавшие его выступление, не знали тогда, что Довженко сам работает над этой темой, что он захвачен и увлечен ею. А теперь уже видно, что он заглядывал

вперед, и сегодня его фильм «В глубинах космоса» касался бы тех вопросов, которые особенно влекут нас с тех пор, как в космическое пространство были запущены первые советские спутники нашей планеты. Жаль, что Довженко не дожил до этих великих дней, о которых веками мечтали лучшие умы человечества».

Сохранились режиссерские наброски неосуществленного сценария Довженко. Фильм должен был рассказать о полете советских космонавтов на Марс. С присущей ему страстностью Довженко делится тем, что его волновало: «Если допустить самое увлекательное, что наши герои фиксируют все свое окружение и люди на Земле все это видят, — какой создается простор для мыслей! Какими жалкими и уродливыми знаками отсталости покажутся тогда еще раз колониальная политика земных империалистов, все возможные виды и запахи разных национализмов, войн, блокад! Как раздвинется человеческий мир, все вырастет на тысячу голов, все сознание подымется на сверкающую высоту!..»

Такова была обстановка, в которой появился роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

«Туманность Андромеды» наглядно осязаемо изображала, каких звездных высот может достичь человечество, сбросившее с себя всякое угнетение, освободившееся от бессмысленной и самоубийственной гонки вооружений.

Достоинства «Туманности Андромеды» столь очевидны, что, казалось бы, они должны были заставить примолкнуть критиков, которые видели призвание в том, чтобы «тащить и не пущать» фантастику. Однако инерция мышления была велика и энтузиасты-волонтеры снова нашлись. Логика их мышления сегодня труднопостижима: зачем было «вцепляться» в роман о коммунизме? И тем не менее... Трибуну любезно предоставила «Промышленно-экономическая газета». Гонимыми и на этот раз выступили научные работники, не очень компетентные в литературных и философских материях, но убежденные в своем праве поучать. Не исключено, что они слишком близко к сердцу приняли призывы некоторых литераторов, уполномочивающих ученых занять командные высоты в научной фантастике. Времена, однако, начали меняться, и пожалуй, самозванцы впервые получили по рукам.

Началось все с «реплики читателя» размером с большую статью, принадлежащей экономисту А. Антонову, под названием «Писатель И. Ефремов в Академии стохастики». Экономист не нашел в романе ничего хорошего. Особенно его раздражали придуманные Ефремовым научно-фантастические термины и всякие неправдоподобные, с его точки зрения, детали — таблетки от усталости, сверхзвуковые скорости, спиральные города, цветковые симфонии... Более крупных идей, вроде Великого Кольца, он попросту не заметил.

Через некоторое время (дело происходило летом 1959 года) в

«Литературной газете» появился ответ А. Антонову, в котором справедливо было замечено, что автору реплики наиболее фантастическими кажутся те реалии, которые уже осуществлены или почти осуществлены современными наукой и техникой, не то что через тысячелетия. «И... если бы фантазия в романе Ефремова ограничилась только этими нехитрыми мечтами, то он уподобился бы тем писателям, которые смеют фантазировать лишь на три года вперед и которым верхом дерзости кажется мечта об уже осуществленном подводном телевидении». И далее: «Дело ведь, в конечном итоге, совсем не в том, что одному из читателей не понравился роман И. Ефремова, — тысячам других он, наоборот, понравился. И дело даже не только в самом романе. А в том, что в этой пространной реплике-статье как бы собраны воедино все те неверные требования, с которыми у нас долгое время подходили, да и сейчас порой подходят, к научной фантастике. Смысл их сводится, в общем, к одному: мечтайте, товарищи, «поближе». Не перехватывайте. Фантазируйте в пределах, уже завоеванных наукой, решайте проблемы, уже поставленные народным хозяйством. Фантазируйте, так сказать, трезво. И по возможности попроще.

Против этой регламентации, против этих вульгарных ограничений творческой фантазии следует решительно бороться...»

Однако «Промышленно-экономическая газета» решила защитить честь мундира. Были собраны мощные силы в лице четырех авторов со званиями, которые подписали новую статью, подкрепленную подборкой читательских писем. Разговор велся на более высоких нотах. Теперь Ефремову были предъявлены идейные обвинения. Он обвинялся в проповеди индивидуализма и идеализма, непонимании законов научного коммунизма, забвении истории родной страны и многих других смертных грехах. Материал этот пестрел фразами типа: «Наши дети школьного возраста получают после прочтения ее неверное представление об эпохе будущего», или «Утверждение реальности антимира... — это идеализм», или «Ефремов пишет о звездоплавателях, ни полслова не говоря о хозяевах жизни, о тех, кто обеспечивает всеми материальными благами любителей сильных ощущений, носящихся по Вселенной», или «...в других местах есть смутные, глухие упоминания о рабочих, загнанных (вот даже как! — В. Р.) в подземные глубины, в шахты...»

Словом, материал содержал такое обилие несправедливостей и передержек, что вызвал гневную отповедь академика В. Амбарцумяна «Критический туман вокруг «Туманности Андромеды». Письмо астрофизика было напечатано в «Литературной газете» вместе с большим редакционным послесловием и положило конец «странной кампании» «Промышленно-экономической газеты».

«Разве, — спрашивал В. Амбарцумян, — товарищи В. Воеводин, А. Зворыкин, Л. Майстров, Б. Ржонский располагают более точными

сведениями о том, как конкретно будет устроена жизнь людей спустя несколько тысяч лет? Если же они недовольны слишком «неосторожным» взлетом фантазии Ефремова, то мы, читатели, скажем таким критикам: не мешайте писателям создавать фантастические романы и повести о будущем человечестве. Ведь это то будущее, основы которого мы строим, и нам хочется хоть одним глазом взглянуть на него...

Урок был крепким, и надо сказать, что с тех пор «Туманность Андромеды» больше никто преследовать не пытался. «Туманность Андромеды» стала звездным часом Ефремова. Написанное после нее толстое «Лезвие бритвы», несмотря на ряд любопытных пассажей, не идет с ней ни в какое сравнение. Роман отчаянно разношерстен и не скомпонован, но вопреки этому, а может быть, и благодаря широко читается.

Но у Ефремова есть еще и «Час Быка», который без всяких объяснений не попал в его собрание сочинений, хотя он был напечатан в конце 60-х годов в журнале и вышел массовым тиражом. Написанный через десять лет после «Туманности...», «Час Быка» резко контрастирует с нею по настроению. Золотое сияние сменилось тревожными сумерками. Может быть, неслучайно. Писатель чутко улавливал общественные настроения. В атмосфере духовного подъема, воцарившегося в стране после XX съезда партии, создавалась «Туманность Андромеды», в обстановке обозначившейся стагнации — «Час Быка».

Что же испугало в этом романе те силы, которые фактически изъяли «Час Быка» из литературного обращения, даже из библиографических сведений. Может быть, то, что общественный строй на выдуманной планете Торманс автор назвал «муравьиным социализмом»? Обращалось внимание на слова, а не на суть дела.

«Час Быка» — продолжение замятинской линии, и снова приходится задаваться тем же вопросом: о каком социализме речь? Если о реакционном, стадном, казарменном, то его критика не только дозволена, она необходима как раз во имя торжества подлинного, светлого, гуманного социализма. А недостатки ведь не исчезнут от того, что о них будет запрещено говорить во всеуслышание. И опять-таки, что уж мы так стремимся все принимать на свой счет: картины тормансианского общества имеют куда более сходных черт, например, с Китаем времен «культурной революции». Но и сказать, что перед нами китайский портрет, тоже неправильно. Повторим еще раз, фантастика не фотографирует действительность, она создает модели — в одном случае позитивные, в другом — предупреждающие о грозящих опасностях, но в конечном счете и то и другое направлено на утверждение идеалов человечности и социального прогресса.

При заметном родстве «Часа Быка» с романом Замятина нельзя, конечно, не сказать, что мировоззрение Ефремова вовсе не схоже с ми-

ровоззрением Замятина. Час Быка по древневосточной терминологии — это предрассветный час, после него должно взойти Солнце. Для замордованных, затерроризированных, опустившихся жителей далекой планеты такой надеждой на рассвет стала Земля, с которой и прилетел звездолет «Темное пламя», внесший сумятицу в застойное болото Торманса, Земля, ушедшая в своем развитии еще дальше, чем, казалось бы, совершенно совершенный мир, в котором живут герои «Туманности Андромеды». Если бы и в художественном отношении «Час Быка» приближался к «Мы», то его значение неизменно возросло бы, но разрыв тут, к сожалению, велик.

* * *

О бюрократизме сейчас говорят много, и достается ему в нашей прессе здорово. Однако все же трудно вспомнить произведение, в котором это страшное социальное зло бичевалось бы с такой хлесткостью, как в «Сказке о тройке» Аркадия и Бориса Стругацких. От нее можно перекинуть мост разве что к «Бане» Маяковского с ее незабвенным главначпуспом Победоносиковым. Впрочем, в том же ряду вспоминается еще и «Теркин на том свете» А. Твардовского. Кстати, «Сказка о тройке» такое же «продолжение» романа «Понедельник начинается в субботу» (по общим героям и месту действия — сказочному, но обладающему всеми признаками реального города Китежграда), как и «Теркин на том свете» — продолжение большого «Василия Теркина».

Лавр Федотович Вунюков, председатель заглавной тройки у Стругацких, из той же зоологической разновидности, что и главначпусп, но это уже деятель новой формации. Он еще более фундаментален, чем Победоносиков, он умеет произносить всевозможные умные, точные заумные, вещи и, пожалуй, еще более непробиваем. Переключаются с Маяковским и забавные сокращения бюрократических заведений. Так, заседательская тройка (в составе пяти человек) носит наименование ТПРУНЯ — тройка по распределению и учету необъяснимых влечений.

Когда мы начинаем знакомиться с методами обращения упомянутой тройки с «представителями», которые имели несчастье попасть в сферу ее влияния, то в первый момент возникает легкое ощущение жжения: надо-де знать меру и в сатире и не ударяться в подобные фенгасмагории. А на второй странице вдруг понимаешь, что ты и сам испытываешь подобные чувства гнева, возмущения, а порой и бессилия, когда читаешь иные газетные корреспонденции или сидишь у телевизора, а уж тем более когда сталкиваешься с хамством и крючкотворством лицом к лицу. Что ж мы не знаем множества, к сожалению, действительно множества, примеров, когда на годы, а то и на десятилетия задерживались, тормозились, ложились под сукно предложения, рефор-

мы, открытия, которые с очевидностью сулили большие, иногда огромные выгоды для нашего хозяйства, страны, народа? И только тем, что судьбу их решали тупоумные вунюковы, можно объяснить нескончаемую волокиту.

Вунюковы, хлебоводовы, фарфуркисы и им подобные говорили исключительно от имени народа (и должно быть, были убеждены, что так оно и есть), но действовали только в собственных интересах. Лишь недостаток места мешает привести здесь конкретные примеры, но их с легкостью припомнит любой. А уж какой урон мы от них понесли, никакому фантасту и не снилось! Право же, хочется воскликнуть вслед за Гоголем: «Эх, тройка, тройка, и кто же тебя выдумал!»

В жизни тройка может прикидываться комиссией, комитетом, подкомитетом, бюро секции и т.д., это, понятно, несущественно. Впрочем, идейное содержание «Тройки» богаче одного лишь обличения бюрократизма, есть в ней еще, например, и очень сильная антимишанская струя, связанная с образом клопа Говоруна. А насколько жизнен образ упомянутого горе-изобретателя Эдельвейса!..

Словом, «Сказка о тройке» — произведение настолько злободневное, что, кажется, она написана сейчас, сегодня, как оперативный отклик на последние события и решения. А между тем она была написана двадцать лет назад... и тогда же опубликована.

Тот вариант «Сказки...», с которым имеют возможность познакомиться нынешние читатели, несколько отличается от варианта 1968 года. Повесть стала композиционно проще, она, если можно так сказать, приблизилась к знаменитым трем единствам — действие по большей части происходит в одной комнате. Отпало затянутое и не имеющее отношения к главному стержню начало. Теперь героям не приходится покидать Китежград и подниматься на почти космическом и своенравном, как живое существо, лифте на 76-й этаж, где расположился еще один город — Тъмускорпионь.

В этих сюжетных и территориальных нагромождениях было немало веселых находок, но, наверно, они и вправду отвлекали от тесного контакта с ТПРУНЯ (Тпруней?). Конечно, только авторы компетентны отбирать, выбрасывать и оценивать собственные творения, но в этой требовательной саморедактуры за бортом оказались некоторые эпизоды, которых, честно говоря, мне жаль, особенно заколдованного холма, к которому не подойти, не подъехать, сколько ни старайся, сколько ни жги бензина, он остается все в том же отдалении. Ах, сколько найдется случаев в нашей жизни, к которым применимо это сказочное видение, и как неплохо было бы их оперативно расколдовать.

Есть, конечно, и сюжетные приобретения. В старом тексте расправа с крючкотворами производилась буквально с помощью *deos ex machina*, появились нежданно-негаданно всемогущие маги-руководители и пинками вышвырнули тпруневскую компанию. Возможно, в те го-

ды авторы полагали, что с вунюковыми и выбегаллами можно покончить только таким, административно-командным методом. Возникает, правда, вопрос: почему бы эту плодотворную акцию не провести немного раньше или вообще не допускать Лавра Федотовича до руководящих постов? Новый финал повести куда более убедителен и, разумеется, более современен. Молодые ребята уже ни на кого не полагаются в борьбе с бюрократической тлей. Они придумывают остроумный ход, основанный на тонком знании бюрократической психологии и взрывающий тройку изнутри, причем ее собственными руками.

Есть и некоторые другие, в том числе стилистические, изменения, осовременивающие «Сказку...», но все-таки это частности, а в главном два авторских варианта друг от друга не отличаются. «Сказка о тройке» была актуальна двадцать лет назад и, к великому сожалению, остается актуальной и нынче. Будущие исследователи увидят в ней литературный памятник и, может быть, смогут подыскать ее сатирическим ходам неожиданное применение, но пока она работает по своему прямому назначению, помогая нам бороться с самым, может быть, опасным врагом перестройки.

Со «Сказкой о тройке» случилось редкостное даже по тем временам событие: из-за ее публикации был закрыт целый альманах «Ангара», настолько было разгневано тогдашнее начальство. Конечно, его действия напоминали поступки персидского царя, который приказал высечь плетью море, но это сейчас хорошо иронизировать. А тогда входили в силу тяжелые для нашей общественной жизни годы, которые впоследствии назовут периодом застоя, и воспринимались подобные случаи тяжело.

Касаясь только одной области искусства — кинематографа, припоминаешь, что именно в эти годы легли на полку талантливые фильмы К. Муратовой, А. Германа, М. Осепьяна, Г. Полоки... Административное давление простиралось так далеко, что иногда даже трудно понять, что, собственно, вызывало недовольство, из-за чего, например, несколько лет не выходил в прокат «Андрей Рублев» А. Тарковского.

Но в отношении «Сказки о тройке» подобных недоумений, пожалуй, возникнуть не может. Она была не в бровь, а в глаз, и единственно, чему следует удивляться, так это тому, что нашлись мужественные люди, которые осмелились ее напечатать. Ведь «Сказка о тройке» — честная повесть, с решительностью хирургического скальпеля и с поразительной, прямо-таки сегодняшней прозорливостью вскрывающая опасные для развития нашего общества нарывы. Пожалуй, именно «Сказка о тройке» не прошла авторам даром. На долгие годы за Стругацкими закрепилась репутация неблагонадежности. О «Сказке...» почти не писали, ее вроде бы и не существовало, но и другие их произведения подвергались несправедливой критике. Это мнение всячески раздувалось и поддерживалось, и его не могли поко-

лебать даже успехи Стругацких на международной арене, где в них видели именно советских авторов. Так, их роман «Полдень. XXII век» (по моим представлениям, не самое удачное их произведение) был переведен в Соединенных Штатах и произвел сильное впечатление. Критик журнала «Квеств» Н. Перони, между прочим, отнюдь не благодушно настроенный к советской литературе, выдал авторам такой неслыханный комплимент: «Полдень. XXII век» является таким научно-фантастическим произведением, какое мог написать Толстой, настолько живы в нем персонажи, такое благородство и такая высокая мораль пронизывает весь роман — качества, редкие для произведений научной фантастики и порой даже для многих других жанров...» Все это так захватило американского критика, что он даже решил не считаться с тем, что ведь в «Полдне»-то изображен «тот самый» коммунизм.

Между прочим, авторские идеалы всегда выражались в произведениях Стругацких совершенно открыто, в том числе и в сатирической «Сказке о тройке», прежде всего в образах тех молодых людей, энтузиастов, у которых и начинается понедельник в субботу, настолько они привязаны и преданы любимому делу. Они весело, не впадая в долгое уныние, борются с бюрократами, и в этом залог того, что бастион будет разрушен. Но никакие соображения не принимались в расчет, если дело касалось неугодных авторов.

Особенно рьяно поддерживали упомянутую репутацию Стругацких некоторые из их менее способных коллег по фантастическому цеху. Она их очень устраивала, так как больше всего на свете они боялись открытого литературного соревнования. Не без эффективности было пущено в ход испытанное еще с 20-х годов средство — политические ярлыки.

Но все же времена уже были не булгаковские — замолчать Стругацких не удалось, подорвать читательскую любовь к ним тоже, хотя наскоки продолжались до самого последнего времени. Надо ли пояснять, что речь идет не о деловой, пусть даже резкой критике, а именно о разносах с политическими оргвыводами. В отличие от Булгакова авторам удалось дожить до того дня, когда гонимая некогда повесть была напечатана в «Смене» — молодежном журнале с полуторамиллионным тиражом (тираж «Ангары», между прочим, был всего 3000 экз.). Может быть, мы когда-нибудь увидим и собрание сочинений наших самых талантливых фантастов? Вслед за Соединенными Штатами, где вышел двенадцатитомник их сочинений. Догоним, так сказать, Америку!

Будем надеяться также, что возвращение в строй забытых и пропущенных книг послужит стимулом для современных писателей. Пусть начнется новая страница в истории советской фантастики, пусть увидит свет множество прекрасных книг, в которых четким штрихом будет запечатлена правда нашего уходящего века, века, словно специально

придуманного для этого жанра. И пусть их никто не запрещает, не преследует, не замалчивает, а если уж кто критикует, то исключительно по заслугам и справедливости.

Фантастика ратует за вселенский смысл человеческого бытия, за то, чтобы каждый осознал себя звеном в цепи поколений, сыном Земли и Галактики, от которого прямо зависит, каким этот мир будет завтра и сохранится ли он вообще.

■ Меридианы фантастики

Хроника событий

Август 1987 — август 1988

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

С 7 по 10 сентября 1987 года в Москве проходила Международная встреча «Научная фантастика и будущее человечества». Во встрече приняли участие советские писатели-фантасты, ученые, космонавты. В числе гостей из 17 стран — известные писатели-фантасты Фредерик Пол, Гарри Гаррисон, Джон Браннер, Конрад Фиалковский, Герберт Франке, Онджей Нефф.

С 17 по 30 декабря в Доме творчества писателей «Дубулты» в Юрмале прошел VI Всесоюзный семинар молодых литераторов, работающих в жанрах приключений и фантастики. Общее руководство семинаром осуществляла заместитель председателя совета по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР Н. Беркова. Староста семинара — В. Бабенко. Руководители секций — Л. Исарова (приключения), В. Михайлов, Г. Прашкевич, С. Снегов (фантастика). Наибольший интерес вызвали работы молодых фантастов Э. Геворкяна, В. Покровского, П. Кузьменко (Москва), И. Тибиловой и С. Логинова (Ленинград), А. Тарасенко (Мелитополь), А. Гланца (Одесса), В. Петрова (Тбилиси), С. Иванова (Рига), Н. Астаховой (Симферополь), А. Больных (Свердловск).

16—18 марта в Киеве под эгидой ЦК ВЛКСМ прошло совещание представителей клубов любителей фантастики — первое совещание такого ранга в истории отечественного КЛФ-движения. Делегаты от 99 клубов собрались для обсуждения состояния и перспектив развития клубов любителей фантастики. В работе совещания приняли участие писатели-фантасты П. Амнуэль (Баку), С. Гансовский, В. Михайлов, А. Стругацкий (Москва), Н. Дашкиев, А. Дмитрук, Л. Козинец, И. Росохватский, Б. Штерн (Киев), Ф. Дымов (Ленинград), главный редактор издательства «Молодая гвардия» Н. Машовец и заведующий редакцией фантастики того же издательства В. Щербаков, представители журналов «Сибирские огни» В. Пищенко, «Техника — молодежи» В. Ксионжек, «Уральский следопыт» В. Бугров и С. Казанцев. Итогом работы стали выборы Всесоюзного совета клубов любителей фантастики, который создан как общественный орган, имеющий целью помогать клубам в их работе. В состав совета вошли представители ЦК ВЛКСМ,

Центрального правления ВОК, ВЦСПС, Министерства культуры СССР, Союза писателей СССР, Госкомиздата СССР, представители клубов и творческой общественности. Председатель совета — Г. Гречко.

С 12 по 15 апреля в Николаеве по инициативе Союза писателей СССР, Николаевского пединститута, Николаевской организации Общества любителей книги, Николаевского обкома ЛКСМУ и городского клуба любителей фантастики «Арго» прошла научно-теоретическая конференция по научной фантастике — Ефремовские чтения. В конференции приняли участие сотрудники пединститутов и университетов 11 городов, заместитель председателя совета по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР Н. Беркова, писатели-фантасты П. Амнуэль (Баку), А. Балабуха, О. Ларионова (Ленинград), Э. Геворкян, В. Покровский, В. Михайлов, Ю. Медведев, В. Захарченко (Москва), С. Снегов (Калининград), В. Головачев, Л. Панасенко (Днепропетровск), И. Росоховатский, В. Савченко (Киев), критики А. Бритиков (Ленинград), В. Бугров (Свердловск), В. Гопман (Москва), а также доктор биологических наук П. Чудинов, автор книги «Иван Антонович Ефремов».

26—28 апреля в Гомеле под эгидой Федерации космонавтики СССР прошла конференция «Безракетная индустриализация космоса». В работе конференции приняли участие писатели-фантасты В. Бабенко, Э. Геворкян, В. Покровский, А. Силецкий.

13—14 мая в Свердловске состоялся праздник фантастики «Аэли-та-88», посвященный вручению ежегодной премии Союза писателей РСФСР и журнала «Уральский следопыт» за лучшее произведение советской НФ-литературы двух предшествующих лет. Премия была вручена фантасту из Томска В. Колупаеву за книгу «Весна света», куда вошли лучшие произведения писателя. Был также вручен приз имени И. А. Ефремова, учрежденный в 1987 г. журналом «Уральский следопыт» и НПО «Уралгеология» за вклад в развитие жанра. Лауреатами стали Д. Биленкин, награжденный посмертно, и В. Бугров.

19 мая в Москве решением Союза кинематографистов создан совет по фантастическому и приключенческому кино. Сопредседатели совета А. Митта и Г. Вайнер. Совет объединяет режиссеров, сценаристов, писателей, критиков, работающих в жанрах фантастики и приключений.

1 июня в Москве состоялось первое заседание секции фантастики при Центральном правлении Всесоюзного общества любителей книги. Председатель секции В. Михайлов.

3 июня в Москве состоялось первое заседание актива объединения фантастов, созданного в рамках совета по приключенческой и научно-фантастической литературе СП РСФСР (председатель совета Э. А. Хруцкий). Состав бюро объединения фантастов: К. Булычев — председатель, члены бюро — В. Бабенко, Г. Гречко, М. Гуревич, В. Михайлов, В. Щербаков (Москва), Б. Стругацкий (Ленинград), С. Мешавкин (Свердловск), Г. Прашкевич (Новосибирск).

С 28 июня по 7 июля в СССР находилась делегация «Японской ассоциации писателей детективного жанра», объединяющей «детективщиков» и фантастов, в состав которой входил Саке Комацу. 28—29 июня в Союзе писателей СССР состоялась встреча делегации с советскими писателями Н. Берковой, В. Бабенко, С. Гансовским, О. Горчаковым, Л. Исаровой, В. Михайловым, Л. Млечиным, Г. Рябовым. Встречу вели Е. Парнов и Т. Гладков.

С 2 по 11 июля в Ташкенте прошел Всесоюзный семинар молодых писателей-фантастов, организованный издательством «Молодая гвардия» и недавно созданным Всесоюзным творческим объединением молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ). В работе семинара приняли участие представители издательства «Молодая гвардия» Р. Чекрыжева и В. Щербаков, писатели-фантасты Ю. Медведев, С. Павлов, Г. Прашкевич, Н. Гацунаев, Э. Маципуло, В. Головачев.

ЗА РУБЕЖОМ

В Болгарии начал выходить первый в стране журнал, посвященный фантастике (ФЭП — Фантастика. Эвристика. Прогностика). Периодичность — 6 номеров в год, тираж — 20 тысяч экземпляров. Журнал печатает произведения болгарских, советских и западных авторов.

С 6 по 10 июля в Будапеште прошел XIII Европейский конгресс любителей фантастики (Еврокон) совместно с IX Венгерским конгрессом любителей фантастики (Хунгарокон). От Советского Союза в работе конгресса приняли участие члены Всесоюзного совета клубов любителей фантастики Б. Завгородний (Волгоград) и М. Якубовский (Ростов-на-Дону). В числе зарубежных гостей — писатели-фантасты Эрик Симон, Карл-Хайнц Штейнмюллер (ГДР), Джон Браннер (Англия), Эрик фон Деникен (Швейцария). Один из призов Еврокона был присужден советскому фантасту В. Д. Михайлову за вклад в развитие фантастики во время работы главным редактором журнала «Даугава».

24—25 августа в Будапеште состоялся конгресс Всемирной ассоциации писателей-фантастов, на котором присутствовали свыше 70 человек из 14 стран. От Советского Союза в работе конгресса принимали участие В. Бабенко, Н. Беркова, В. Власенков, Э. Геворкян, В. Гопман, В. Михайлов, С. Михайлова, Е. Парнов, М. Пухов, С. Ушанов, А. Федоров, В. Щербаков (Москва), О. Ларионова, А. Шалимов, А. Щербаков (Ленинград), А. Тесленко (Киев), И. Мынескурте (Кишинев). В составе национальных делегаций на конгрессе присутствовали Любен Дилов (Болгария), Й. Несвадба (ЧССР), Адам Холанек и Конрад Фиалковский (Польша), Хайнер Ранк (ГДР), Ион Хобану (Румыния), Брайан Олдисс (Англия), Норман Спинрад (США), Гарри Гаррисон (Ирландия), Саке Комацу (Япония), Сэм Люндваль (Швеция). Призы Всемирной ассоциации писателей-фантастов получили Е. Парнов и переводчик А. Мельников.

Материал подготовили
В. БАБЕНКО, В. ГОПМАН

Уважаемые читатели!

Серия «Литература» выходит в издательстве «Знание» с 1967 года. Брошюры серии помогают ориентироваться в современном книжном и художественном мире, выбрать для чтения или изучения наиболее значительные, художественно ценные и интересные произведения.

Подписная серия «Литература» оперативно рассказывает о недавно появившихся произведениях прозы, драматургии. Знакомя с сюжетами произведений, брошюры дают их критический анализ. Некоторые книжки посвящены отдельным писателям прошлого (юбилейные брошюры) и литературным портретам современников.

Чтобы читатели получили представление о тематике брошюр серии, расскажем о некоторых из них.

1. Т. И. И в а н о в а . Обзор прозы 1989 года.

Для обзора отобраны наиболее значительные произведения прозы, появившиеся в литературно-художественных журналах года. Будут проанализированы журналы «Новый мир», «Октябрь», «Москва» и др. Автор обзора — критик Татьяна Иванова, чьи острые, актуальные статьи часто вызывают споры, несогласие, но вместе с тем ее страстный, заинтересованный взгляд на литературную жизнь, умение подметить новое и характерное в ней привлекают внимание читателей.

2. Л е в О з е р о в . Борис Пастернак (К 100-летию со дня рождения).

Автор брошюры — критик и поэт, хорошо известен советскому читателю. Его взгляд всегда остр, своеобразен. Рассказывая о жизни и творчестве выдающегося поэта, критик опирается и на свои личные впечатления от встреч с Пастернаком.

3. И. Н. Т о л с т о й . Тяжелая лира (В. Набоков и В. Ходасевич).

Мы являемся свидетелями возвращения в нашу культуру «забытых» писателей, в том числе эмигрантов. Мало кто в русской эмиграции был так нравственно, эстетически, духовно близок между собой, как В. Набоков и В. Ходасевич. В течение долгого времени они писали друг другу и друг о друге. Рассказу о личной и творческой дружбе двух выдающихся русских писателей посвящена брошюра. В ней будут опубликованы статьи В. Набокова и В. Ходасевича.

На ближайшее время запланированы брошюры: «История и литература», «Вопросы сталинизма в литературе», «Человек и природа на страницах современной прозы» и другие.

Подписку на серию можно оформить как на весь год, так и на квартал. Цена на год — 1 р. 80 коп. Индекс серии в каталоге Союзпечати — 70069. Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Повести и рассказы	9
Кир Булычев. Тринадцать лет пути	9
Роман Подольный. Сообщающийся Сосуд	63
Ольга Ларионова. Перун	69
Михаил Емцев. Светлая смерть во Владимире	99
Эдуард Геворкян. Чем вымощена дорога в рай?	125
Лев Кокин. Ретропарк	154
Зарубежная фантастика	160
Роберт Шекли. Не бабахает!	160
Клиффорд Саймак. Плацдарм	168
Публицистика	181
Всеволод Ревич. Правда фантастики	181
Меридианы фантастики	219

Литературно-художественное издание

Сборник научной фантастики

Выпуск 33

Составитель Н. М. Беркова

Главный отраслевой редактор В. П. Д е м ь я н о в

Редактор В. М. К л и м а ч е в а

Худож. редактор М. А. Г у с е в а

Художник М. А. Д о р о х о в

Техн. редакторы О. А. Н а й д е н о в а, Н. В. К л е ц к а я

Корректор С. П. Т к а ч е н к о

ИБ № 9988

Сдано в набор 31.10.88. Подписано к печати 02.01.89. А — 01801. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура журнально-рублиная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,18. Уч.-изд. л. 15,20. Тираж 200 000 экз. (1 з-д 1—100000). Заказ 9073 Цена 1 руб. 10 коп.

Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 897717.

Издательство «Коммунист» ЦК КП Азербайджана

Баку — 370146, «Метбуат проспекти», 529-й квартал.

1 руб. 10 коп.

